
ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Никита Сергеевич Хрущев среди делегаток XXI съезда КПСС.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Известный советский астроном, доктор физико-математических наук Алла Генриховна Масевич с дочкой Наташей. (См. в номере «Проникающая в звезды».)

Фото Дм. Бальтерманца.

Дорогие мамы!
Поздравляем вас с
праздником! Обещаем
учиться отлично.
Стерлигова Наташа.
Школа № 645 г. Москвы
1 класс „А."

Фото А. Узляна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 11 (1656)

8 МАРТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В прошлое воскресенье, 1 марта, миллионы советских людей выполнили свой гражданский долг—проголосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Отдавая свои голоса лучшим из лучших, избиратели голосовали за успехи коммунистического строительства, за радостную и счастливую жизнь.

Большая семья

Взглянув на этот снимок, наверно, вы подумаете, что несколько семей одного большого дома собрались вместе и отправились с утра на избирательный участок.

Но это всего лишь одна семья — Бородиных.

Глава семьи — служащий Метростроя, ныне пенсионер Яков Дмитриевич Бородин, жена его — домохозяйка Анастасия Матвеевна. Дети Бородиных уже женились, вышли замуж, получили свои квартиры, живут в разных концах города. Но есть хорошая традиция у этой большой дружной семьи — собираться в праздники всем вместе.

И тогда родительский дом на Волоколамском шоссе наполняется веселым смехом и говором.

Сколько надо высказать друг другу!.. Дело в том, что все Бородины — люди различных профессий. Среди них инженеры, преподаватели, офицер, научные работники.

Одна из дочерей Бородиных, Наталья Яковлевна,— сотрудница Президиума Академии наук СССР, Лидия Яковлевна — журналист, сын Александр Яковлевич—инженер-конструктор, две внучки — студентки: Валя — медицинского института, Люда — МГУ, а внук Виктор — рабочий, участник строительства нового городка «Спутник».

Впрочем, невозможно перечислить все профессии этой большой семьи.

В день выборов все Бородины собрались вместе и отправились на избирательный участок, чтобы отдать свои голоса за власть, которая сделала их семью такой дружной и счастливой.

Н. НИКОЛАЕВА

На избирательном участке № 28 Ленинградского района Москвы проголосовала семья Бородиных.

Фото Ф. Короткевича.

В зале для голосования на 4-м избирательном участке Кировского района в Свердловске.

Фото И. Тюфякова.

Советская правительственная делегация в составе А. А. Андреева, Н. А. Мухитдинова и других, находящаяся в Индии, продолжает знакомиться с жизнью промышленных, экономических и культурных центров страны.

На снимке: заместитель министра иностранных дел Республики Индии Лакшми Менон, А. А. Андреев, вице-президент Республики Индии С. Радхакришнан и Н. А. Мухитдинов.

Фото В. Журкина и В. Кассиса.

Коллектив балета Большого театра в апреле отправится на гастроли в Соединенные Штаты Америки.

Договориться о предстоящей поездке приехал в Москву руководитель американской концертной компании г-н С. Юрок.

На снимке (слева направо): народная артистка СССР Г. С. Уланова, г-н С. Юрок, директор Большого театра Г. А. Орвид, главный балетмейстер Л. М. Лавровский, главный художник Большого театра В. Ф. Рындин обсуждают план гастролей.

Фото Е. Умнова.

В столице Камбоджи Пном-Пене недавно проходил фестиваль советских кинофильмов, во время которого были показаны «Летят журавли», «Каменный цветок», «Дорога к звездам» и несколько других фильмов.

На снимке: вечером у входа в кинотеатр «Кемара» в дни фестиваля.

Фото Л. Вольнова (ТАСС).

По приглашению Правительства СССР с 21 февраля по 3 марта 1959 года в Советском Союзе находился с ответным официальным визитом Премьер-Министр Великобритании Гарольд Макмиллан, которого сопровождали Министр иностранных дел Селвин Ллойд и официальные советники. 3 марта в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание Советско-Английского коммюнике.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Премьер-Министр Великобритании Гарольд Макмиллан подписывают коммюнике.

Фото А. Новикова.

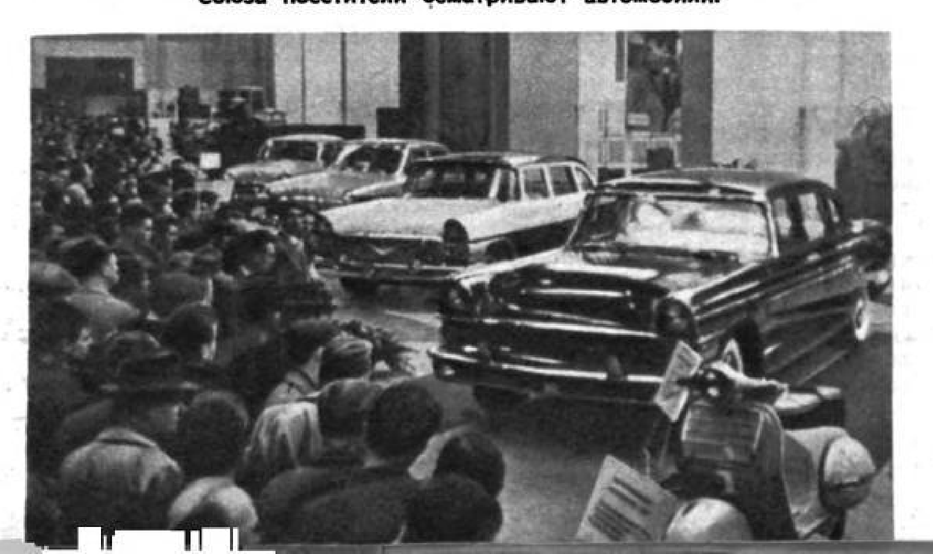
4 марта в Германскую Демократическую Республику прибыл Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев. По приглашению правительства ГДР Н. С. Хрущев ознакомится с Международной весенней ярмаркой в Лейпциге. На снимке: товарищ Н. С. Хрущев приветствует жителей Лейпцига.

Фото Центральбильд.

Во время пребывания в Киеве Премьер-Министр Великобритании Г. Макмиллан посетил колхоз «Коммунист», Киево-Святошинского района. На снимке: Премьер-Министр беседует с колхозниками в клубе.

Фото Н. Козловского.

Международная весенняя ярмарка в Лейпциге. В павильоне Советского Союза посетители осматривают автомобили.

Скоро откроется международная выставка в Нью-Йорке, в которой примет участие Советский Союз.

На пушно-меховом холодильнике готовятся к выставке. Шкурки соболя, горностая, колонка — меха, не имеющие равных в мире, манто, палантины, детские шубки отобраны для экспозиции.

На снимке: директор холодильника В. А. Чубриков просматривает меха.

Фото Р. Лихач.

Хорошо ли вас обслуживают?

Давнишним читателям нашего журнала этот заголовок, быть может, сразу же напомнит предвоенные номера «Огонька» 1941 года: немало его страниц в ту пору было посвящено этой теме.

Прошло 18 лет. Наша экономика, уровень нашей культуры, весь образ жизни давно перешагнули довоенные рубежи. И обслуживают нас ныне лучше, чем до войны: государство стало богаче! Однако и запросы наши сильно выросли.

Советский человек с удовольствием отмечает, что в заводской столовой стали вкуснее и разнообразнее кормить. Но требует: «Откройте и домовую столовую, пусть обед приносят на квартиру!» Он уже привыкает к тому, что молока в магазине вдоволь. Но тут же замечает: «Доставляйте его и на дом без перебоев, точно, каждый день, в определенный час!» Нам приятно, конечно, что теперь стали продавать домà. Но хочется, чтобы хлопоты, связанные с покупкой и установкой дома на участке, были сведены к минимуму.

И вот мы снова ставим тот же вопрос:

— ХОРОШО ЛИ ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

Это особенно важно сейчас, после XXI съезда КПСС. В утвержденных съездом контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы «предусматривается большое увеличение выпуска расфасованной продукции и полуфабрикатов, расширение приема заказов от населения на товары и доставку их на дом и развитие других прогрессивных форм торгового обслуживания, повышающих культуру торговли».

Недавно ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания». «...В нынешних условиях,— говорится в постановлении,— уровень развития общественного питания еще отстает от возросших потребностей населения и не обеспечивает выполнения поставленной задачи — сделать общественное питание более массовым, удобным и выгодным для населения».

В ближайшие годы значительно расширится сеть предприятий общественного питания, увеличится число магазинов и лавок, мастерских по пошиву и ремонту одежды, обуви, прачечных и других предприятий бытового обслуживания населения.

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ все эти предприятия? Что нужно сделать для улучшения их работы?

Разговор об этом мы начинаем сегодня.

Наш разговор — о культуре труда в столовой, в магазине и на вокзале, в ателье и в автобусе — повсюду, где имеют дело с покупателем, пассажиром, заказчиком; разговор об улыбке, которая должна стать «флагом» продавца, кондуктора, портного. И о многом, многом другом...

Мы приглашаем читателей, работников торговли, столовых, предприятий бытового обслуживания принять участие в нашем разговоре, вносить свои предложения.

Сегодня мы расскажем о том, что увидел в тульских столовых московский повар Д. К. Потылев, посланный нами туда вместе с нашими корреспондентами.

Рисунки Л. и Ю. Черепановых.

ГЛАЗАМИ ПОВАРА

В. ПОЛЫНИН

Фото О. Кнорринга.

Как нас обслуживают в столовых, как нас там кормят? Что мешает кормить не просто сытно, но и вкусно?

Не доверяясь своему вкусу и опыту, мы обратились в Управление общественного питания города Москвы с просьбой дать нам в компанию спутника, повара высшей квалификации, который проработал бы — и притом не один десяток лет — в общедоступных столовых и в лучших ресторанах, человека, который до тонкостей знает свое дело. Так нашим спутником стал повар-мастер Дмитрий Кондратьевич Потылев.

— Куда поедем? — спросили мы его.

— Да в любой город.

Перед нами была карта, и наш взгляд задержался на Туле.

Тульская область не является житницей страны, но за последнее время, как и в других краях, здесь произошел коренной перелом в развитии сельского хозяйства — за это область награждена орденом Ленина.

Выступая на митинге рабочих Тульского оружейного завода, товарищ Н. С. Хрущев сказал: «Награждение вашей области — большое событие. Колхозники и работники совхозов хорошо потрудились, и вы, рабочие городов, наверное, это чувствуете». И в ответ раздались голоса, что действительно рабочие это чувствуют, что и молока и других продуктов стало больше.

— А суп у вас мог бы быть и повкуснее! — сказал Дмитрий Кондратьевич Потылев повару фабрики-кухни Анне Ивановне Остапенко.

А вот смогли ли работники общественного питания в полной мере использовать эти радостные перемены в производстве сельскохозяйственных продуктов?

Приехав в Тулу, мы попросили местных жителей назвать нам лучшие столовые города. Горожане, с которыми мы беседовали, были единодушны.

— Сходите на фабрику-кухню. Там, пожалуй, кормят получше, чем в других местах. А вообще...

Наша собеседница, пожилая женщина, тульская учительница Елена Федоровна Ищенко, оказалась более разговорчивой и, сообщив нам адрес фабрики-кухни, добавила:

— Вообще-то, если подойти построже, кормят там неважно. Ходят туда главным образом холостяки да приезжие. А у кого своя семья, тот предпочитает питаться дома. Почему? Есть тут, я бы сказала, две главные причины. Первое: хоть и стала эта столовая общедоступной, но еще не очень удобна и выгодна она для населения. А второе: невкусно готовят. Запросы теперь иные...

И вот мы в столовой фабрики-кухни № 1. Заглянули в меню, и нам вспомнился разговор с Еленой Федоровной.

— Вы выбрали для себя курицу жареную с рисом,— заметил Дмитрий Кондратьевич. — Посетителю-одиночке цена этого блюда может показаться не такой уж высокой, тем более что курица — блюдо вкусное. Ну, а если бы вы пришли в столовую с семьей? Вышло бы накладно.

— А мы откажемся от дорогой курицы и возьмем комплексный обед.

— Цена такого обеда доступна каждому,— соглашается Дмитрий Кондратьевич. — Но подсчитайте снова: не дороговаты ли будут такие обеды для семьи в несколько человек? А ведь мы хотим, чтобы общественное питание стало массовым, чтобы нашими столовыми пользовались и семьи.

Наш спутник считает, что уже сейчас здесь можно многое сделать.

— Возьмем простейшее блюдо: котлеты с картошкой, — рассуждает Дмитрий Кондратьевич.— Можно ли сделать его более дешевым? Можно. Как ни странно это покажется на первый взгляд, но в производстве котлет, как и в производстве станков, имеются одни и те же резервы снижения себестоимости: механизация, кооперирование, разделение производственных функций, специали-

зация, сокращение административно-управленческого аппарата. И эти резервы можно привести в действие.

Есть ли они в Туле?

Директор тульской фабрики-кухни № 1 Андрей Прокофьевич Радченко с гордостью водил нас по своему огромному, прекрасно оборудованному предприятию, производственные площади которого используются далеко не полностью. Почему? Потому, что готовит пищу в основном для своих «фабричных» торговых залов, потребность которых гораздо ниже, чем может дать фабрика. Правда, она поставляет некоторое количество полуфабрикатов мелким столовым и своему магазину «Кулинария», но это не спасает положения, так как фабрика использует здесь далеко не все свои возможности. А директор продолжает сетовать:

— Мы вынуждены торговать с высокой наценкой на собственную продукцию: иначе не оправдаем затрат на эксплуатацию оборудования.

— А ведь в мелких столовых,— заметил Потылев,— мы страдаем именно от недостатка полуфабрикатов. Повар столовой все блюда должен приготовлять сам. Он разделывает тушу, готовит фарш, чистит, нарезает картофель. Разделка туши и в особенности чистка картофеля чрезвычайно трудоемки. В каждой столовой необходимо иметь пять — шесть, а то и десять — двадцать коренщиц. Они только тем и занимаются, что из очищенного в специальных машинах картофеля выковыривают остающиеся в нем глазки. Когда чистят картофель, получается много отходов, захламляющих помещения, причем этих отходов куда больше, чем предусмотрено планом. Смотришь — у повара большой перерасход картофеля. Вот, между прочим, почему далеко не в каждой столовой вы можете получить простое, но очень вкусное блюдо — жареную картошку: блюдо-то это, как говорится, нерентабельное, трудоемкое и для повара весьма неблагодарное. А вот если бы, скажем, картошку чистили и нарезали где-нибудь в специально организованных цехах, на фабрике-кухне, с помощью особых машин, столовая избавилась бы от коренщиц, от больших отходов и от огромных издержек. Картофель охотнее пускали бы в дело. Сейчас же повару проще засыпать в котел мешок риса, чем вычистить три мешка картофеля. То же и с котлетами. Надо, чтобы повара столовых получали их готовыми для жарения с разделочного цеха мясокомбината, или со специальной разделочной фабрики, или с фабрики-кухни, где все механизировано и производство фарша и котлет обходится дешевле и не доставляет много хлопот. Тогда, между прочим, и сама котлета станет полновеснее...

Но мы успели проголодаться и, напомнив нашему спутнику пословицу: «Дорого, но мило», — выбрали в меню ту самую курицу, по поводу которой Потылев сказал: дорогое это блюдо.

Увы, выбранная нами жареная курица оказалась не жареной, а вареной и холодной, как и поданный в виде гарнира рис. Теплый и, как заметил Потылев, вовсе не нужный к данному блюду соус был не в состоянии скрыть от нас, что курица после того, как была когда-то сварена, перед подачей на стол вообще не подогревалась.

— А ведь курочка-то, судя по мясу, была первый сорт, — покачал головой Дмитрий Кондратьевич.— И рис великолепный. И спешки у поваров быть не должно: клиентов в зале — по пальцам пересчитать. Даже стыдно мне за своего коллегу перед вами: испортить такой продукт!

И с мнением Дмитрия Кондратьевича вынуждены были согласиться и директор фабрики-кухни А. П. Радченко, и заведующая производством этой столовой повар-мастер А. И. Остапенко, и заместитель директора Тульского треста столовых Н. А. Ардаманов.

Победав в общедоступной столовой, мы посетили и диетическую. На другой день завтракали в кафе на проспекте Коммунаров, обедали в ресторане, ужинали в буфете гостиницы. Но нигде мы не ели так вкусно, как «за кулисами» обыкновенной третьеразрядной столовой с самыми низкими наценками.

...Когда в одной из районных столовых Тульской области узнали, что мы собираемся здесь закусить, а потом рассказать об этом в журнале, нам предложили пойти в закрытый для обычных посетителей кабинет. Посоветовавшись между собой, мы согласились. Мы понимали, что нас хотят угостить не рядовыми блюдами, и было велико искушение узнать, на что способны обыкновенные повара самой обыкновенной, дешевой столовой небольшого районного центра. О, умеют, оказывается, готовить вкусно на Тульщине! Нам подали простейшее блюдо: картофель, жаренный во фритюре — кипящих жирах. К картофелю подали хорошо приготовленную селедку, немного капусты провансаль домашнего квашения.

— Вот торговать бы вам таким блюдом в общем зале! — предложили мы.— Картофеля у вас сколько угодно, а фритюр не обязательно делать из коровьего масла. Можно и из свиных жиров...

Хозяева молча переглянулись, а наша наивность вызвала у них едва заметную улыбку. Они решили отмолчаться. На улице Дмитрий Кондратьевич заметил:

— Это только в пословице говорится, что повар шутя расправляется с картошкой. На самом деле картошка иногда в два счета расправляется с поваром — я имею в виду, конечно, нерадивого. Именно она порой «мешает» ему выполнять производственный план, устанавливаемый в рублях. Чем продукт дороже, тем выгоднее это для столовой, тем большую сумму составит наценка. Поэтому-то частенько, не считаясь со вкусом, в столовых пускают в дело «выгодные» продукты.

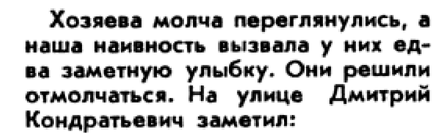
— Но не виноваты ли тут повара, которые не умеют или не заинтересованы в том, чтобы вкусно готовить?

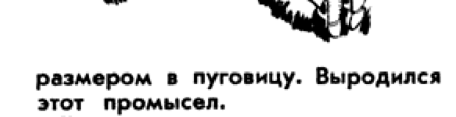
— Не стану спорить, квалифицированных поваров у нас не везде достаточно. Но если бы их было и достаточно, одни повара все равно положения не выправят. Повар не фокусник. Ему и продукт дай хороший.

Мы хотели возразить, но Дмитрий Кондратьевич опередил нас:

— Я веду речь о продуктах недефицитных. Вот, скажем, селедка. Почему во многих столовых мы не получаем ее на закуску? Селедки у нас вылавливают немало. Но, будучи выловленной, она преступнейшим образом губится. Либо перевозят ее в сухой таре, и она теряет по дороге все свои вкусовые достоинства, либо засаливают ее не в маленьких кадушках, килограммов по пятнадцать, а набивают нечищеной сельдью, имеющей только пятьдесят два процента полезного веса, стокилограммовые бочки. Директора столовых не хотят брать со склада такие бочки. Ну, сколько ее за день съедят, этой селедки? Несколько килограммов. А если бочка уже открыта, селедка начинает портиться. Вот и исчезает из меню селедка... И еще скажу вам. Разве пище хороший вкус придают только мясо, жир, соль, картофель с капустой? А свекла, а морковка, а петрушка, а сельдерей, а хрен, редька, грибы? Ведь этого мы давно уже не получаем из наших совхозов и колхозов! Дают картошку да простую капусту. А капуста бывает цветная, красная, брюссельская, кольраби и еще десятков сортов.

Большие претензии у поваров к Центросоюзу. Он призван организовать заготовки грибов и ягод. Было время, когда Вологодская область, например, поставляла в столицу грибы-«тулёвки»: рыжики, белые, всех сортов, с шляпкой

размером в пуговицу. Выродился этот промысел.

Есть и организационные нелепости. Кое-где магазины и столовые подчинены торгу. Он сам распределяет между ними продукты. И, конечно, лучшие идут в магазин, а похуже — в столовые: в магазине плохое мясо покупать не станут, а в столовой разговор короткий: «Вот вам меню, выбирайте...»

В Туле мы беседовали и с теми, кто столуется в диетической, и с теми, кто обедает в кафе и ресторанах. Лишний раз убедились, что здесь столовая пока еще, как правило, имеет дело с клиентами, которые в силу тех или иных обстоятельств не готовят обед дома. Они могут сколько угодно выражать свое недовольство общественным питанием, но не в силах «отомстить» какой-нибудь столовой тем, что не придут туда больше.

Есть, правда, приказ № 320 министра торговли, согласно которому жалоба на невкусный обед лишает повара премиальной прибавки. Но есть основание полагать, что об этом приказе мало кто из жителей Тулы (да и не только Тулы) знает, а некоторых работников столовых это вполне устраивает. Приказ устанавливает целую систему контроля за качеством — контроля общественного и государственного. Но, видимо, контролеры здесь не шибко требовательные.

Среди тульских столовых нам больше всего понравилась столовая № 2 в районном центре Щекино. Обеды там были дешевле, чем в Туле, а блюда вкуснее, ассортимент разнообразнее.

— У вас всегда так хорошо кормили? — спросили мы повара-мастера Полину Дмитриевну Яковлеву.

— Да нет, — улыбнулась она, — мы стали хорошо работать после того, как запретили торговать в столовых водкой.

Нас поразил такой ответ. Час назад в другой столовой нам доказывали, что шахтеры стали реже ходить сюда из-за того, что тут больше не продают водку.

— Когда запретили продажу

Вот если бы эта махина работала на полную мощность!

водки, а план оставили прежний,— рассказывает Полина Дмитриевна,— мы задумались: чем теперь клиентов привлекать станем? Расширили ассортимент, появились вкусные блюда собственного приготовления, сами стали квасить капусту, варить варенье, солить огурцы, мариновать вишню, мочить яблоки, готовить пирожные. Смотрим, густо пошли к нам клиенты и из других столовых. В прошлом году выполнили план без водки на два миллиона семьсот тысяч. А раньше вместе с водкой еле-еле два с половиной миллиона вытягивали.

Мы рассказали П. Д. Яковлевой о своей недавней беседе в столовой соседнего шахтерского поселка.

— Почему же до сих пор не обанкротилась та столовая?

— Так ведь она одна на весь поселок!— отвечала Полина Дмитриевна.

Мы слушали Яковлеву и думали: вот если бы усилиями Тульского горсовета, треста столовых в областном центре было бы побольше таких столовых, как щекинская. Сразу потянулись бы к ним из других столовых. И лучше всякого приказа № 320 заставили бы они побеспокоиться и об ассортименте, и о вкусных котлетах, и о моченых яблоках...

Наши размышления прервал Дмитрий Кондратьевич:

— Такое происходит не только в Туле. Почему иные московские рестораны не стараются расширять производство своих фирменных блюд, которых вы не получите ни в каком другом месте? Да потому, что в московских ресторанах на одно, как говорят у нас, посадочное место приходится тысяча жителей, тогда как в Праге, например, только десять. И когда наступает вечер, во многих столичных ресторанах появляется аншлаг: «Свободных мест нет». А это значит, что нет

Столовая № 2 в городе Щекине стала перевыполнять план после того, как «горькое» заменили «сладким».

тут и другого — нет стимула приготовить что-нибудь повкуснее.

Конечно, сеть столовых, ресторанов нужно расширять. Женщины Тулы, домашние хозяйки, с которыми мы беседовали, выражали желание, чтобы расширение это шло и за счет домовых кухонь. Прослышали они про такие кухни и хотят их иметь у себя в городе. Чтобы приготовление обеда не было в тягость домашней хозяйке, она должна получать его почти готовым в собственном доме.

И еще одна претензия у тульских женщин: полуфабрикаты.

Есть такой магазин полуфабрикатов — «Кулинария» — на проспекте Коммунаров. Мы встретили здесь пожилую женщину, которая приезжает сюда с другого конца города.

— У нас в Заречье,— сказала она,— нет продажи полуфабрикатов.

Решили в Туле открыть еще один такой магазин. Сказано — сделано. Открыли. Где? Тут же, в центре, буквально напротив другого магазина.

Чем торгуют эти два магазина? Преимущественно изделиями... из говядины. Почему? Выгоднее. Овощных полуфабрикатов «не держат». А что мешает тульской фабрике-кухне, производственные мощности которой недогружены,

заполнить пустующие полки кулинарных магазинов чищеной картошкой, морковными котлетами, тестом, салатами? Так же, как ничто не мешает кафе магазина «Кулинария» подавать самый обыкновенный чай. Нет, не получите вы здесь стакана чая: нерентабельно. Хотите не хотите, а берите какао.

* * *

Таковы некоторые наблюдения московского повара, побывавшего в тульских столовых.

Мы рассказываем о них не потому, что в Туле кормят хуже, чем в других городах. Есть и здесь столовые, где люди стараются, и не без успеха, кормить вкуснее, дешевле. Есть и тут, например, заводская столовая № 8, которая широко использует свое право самой закупать овощи, фрукты, зелень, самой откармливать свиней, и это сказывается на ценах. Стараются снизить цены на блюда из свинины и работники столовой № 5. И, тем не менее, тулякам надо еще многое сделать, чтобы общественное питание стало, как это требует постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, «более массовым, удобным и выгодным для населения».

ЭТО УДОБНО!

К приходу поезда на перрон выезжают мотороллеры с небольшими фургонами. Это передвижные камеры хранения. Пассажирам не надо терять лишнее время: свои вещи они могут сдать прямо на перроне при выходе из вагона...

Новый вид обслуживания пассажиров поездов дальнего следования организован работниками Киевского, Ленинградского, Казанского и некоторых других вокзалов столицы. Но железнодорожники считают, что было бы еще удобнее, если бы ручной багаж доставлялся на дом, если бы вещи транзитных пассажиров перевозились с вокзала на вокзал.

Остается пожелать Главному пассажирскому управлению Министерства путей сообщения СССР как можно скорее все эти предложения претворить в жизнь, и не только на вокзалах столицы.

Фото Ф. Короткевича.

К СВЕДЕНИЮ ЗАКАЗЧИКА!
В Ателье организовано
специальное обслуживание
НЕВЕСТ
свадебными платьями
по новейшим моделям
ОБСЛУЖИВАНИЕ ВНЕ ОЧЕРЕДИ СО
СРОКОМ исполнения до 5 дней

↑ ...Такой плакат висит в Московском ателье № 46 на Большой Пироговской улице. Невесте могут предложить здесь несколько моделей полуфабрикатов платья.

В ателье можно подобрать платье по вкусу не только невесте. Если вам нужно срочно купить красивое, модное платье, то такой метод продажи как нельзя кстати. Модель скроена, сметана—сразу видно, идет ли фасон. А подогнать платье по фигуре — это уже не столь сложно.

В 45-м ателье есть специальный салон для женщин, фигура и рост которых не подходят под общий стандарт размеров. Жаль, что таких специализированных ателье Мосиндодежды только четыре.

Комсомольский коллектив магазина «Огонек» в Москве организовал прием заказов непосредственно в учреждениях и больших домах.

На фото: в Институте нейрохирургии продавец магазина «Огонек» Мальвина Молодцова (справа) выдает сотрудникам института заказанные продукты.

Фото Риммы Лихач.

Варвара КАРБОВСКАЯ

Они иногда даже сами не знают, какие они хорошие или какими могут быть хорошими, как их любят или как их могут полюбить...

Кто они? Разумеется, речь идет о женщинах: ведь сегодня 8 марта! Во все остальное время года о них говорят и пишут, показывают их в кино или по телевизору наравне с мужчинами. Но 8 марта — это Женский день, и ни о каком равенстве не может быть и речи: мужчины отходят на второй план! И нам, женщинам, даже кажется, что мужчины это делают с удовольствием: ведь у каждого из них есть кого поздравить в этот день — мать, жену, невесту, бабушку, товарищей по работе. И потом ведь такое неравенство бывает всего лишь один раз в году...

Героями этого дня по заслугам являются передовые работницы и колхозницы, выдающиеся ученые, заслуженные учительницы и врачи, прославленные актрисы. Но мы хотим сегодня поговорить и о женщинах, ничем не знаменитых. О тех, с которыми мы встречаемся в магазине и детском саду, в столовой, на телеграфе, в автобусе... О женщинах, чья улыбка, доброе слово, добросовестная работа приносят нам радость и хорошее настроение. Их много вокруг нас. Всех мы, конечно, не в силах упомянуть. Но о некоторых из них постараемся рассказать на страницах этого номера журнала.

ВСТРЕЧАЕМСЯ

Вам не кажется, что продавец за прилавком чем-то напоминает актера на эстраде? Все время на глазах у народа, все время показывает свое искусство. Конечно, и за прилавком тоже бывают люди не на месте. Зато как приятно иметь дело с талантливым продавцом, вроде свердловчанки Зои Павловны Репиной! Уметь продавать товар любезно, внимательно, красиво — это искусство не из последних.

Фото И. Тюфякова.

Если дети кого-нибудь крепко любят, значит, это хороший человек. А ведь только хорошему человеку можно доверить своих детей! Вот такому, как Валентина Петровна Лебедь, воспитательница минского детского сада № 26.

Фото А. Дитлова.

Когда хозяйка троллейбуса приветлива и внимательна, как киевлянка Елена Михайловна Чибисова, то десятиминутная жизнь на колесах не будет вам в тягость. Она усадила отца с ребенком, а молодых людей попросила уступить место пожилой пассажирке. Но, может быть, они сами до этого додумались?

Фото Н. Козловского.

Новое, красивое платье — это всегда радость для женщины (точно так же, кстати, как для мужчины). Хорошая закройщица — мастерица радости. Неплохая должность! К сожалению, есть еще немало мастеров доставлять неприятности своим заказчикам. К ним никак не относится Ирене Раудмяэ из Таллинского ателье.

Фото С. Розенфельда.

Она называется детской сестрой, Анна Александровна Кособрюхова. Сестра! Сколько братишек и сестренок побывало в ее сильных и добрых руках, счету нет! Во всяком случае, не малая часть нового поколения столицы.

Фото Риммы Лихач.

Не знаю, что будет лет через десять. Может быть, слова с губ журналиста будут слетать прямо на бумагу (дельные — в текст, неудачные — сразу в корзину), но пока что машинистка — незаменимый человек в редакции. Именно так и говорят про Сону Бабаеву в газете «Совет Туркменистани». Сона учится на 5-м курсе филологического факультета. Одним филологом вскоре будет больше (в добрый час!), одной хорошей машинисткой меньше (приносим соболезнование ашхабадской газете).

Фото Д. Ухтомского.

У поэта Апухтина есть стихи:

Напрасно молоком лечиться ты желаешь,
Поверь, леченье не легко;
Покуда ты себе питье приготовляешь,
От взгляда твоего прокиснет молоко...

Ничего подобного не может произойти в киевской молочной кухне, где диетсестра Валя Трофимова улыбается так ласково и радушно.

Фото Н. Козловского.

Доброе слово, сказанное вовремя! Хотя вряд ли бывают добрые слова не ко времени. Но они особенно дороги в день свадьбы. Поэтому и не скупится на них заведующая Тбилисским загсом Надежда Нестеровна Вашакидзе. Если пока еще не выстроен красивый дворец для бракосочетаний (мечта влюбленных), то красивые, торжественные и душевные слова — это вполне доступно для каждого работника загса.

Фото В. Джейранова.

ТАК ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЕГДА

Изабелла БЛЮМ,
вице-председатель Всемирного Совета Мира

Каждому из нас приходилось видеть, как рассеивались один за другим укоренившиеся предрассудки и предубеждения, как самые образованные и самые простые люди меняли свои взгляды, увидев собственными глазами правду, неожиданную для большинства из них. Они убеждались, что на Востоке, которым их так долго пугали, живут такие же люди, как и они сами: так же едят хлеб, ткут ткани, строят машины и даже запускают спутники в космос. Правда эта сразу открыла доступ к сердцам и умам.

Я хотела бы в качестве примера напомнить о двух случаях, имевших место во время Всемирной выставки в Брюсселе.

Всем известно, что средний бельгиец — существо спокойное; загорается он редко, и ему крайне несвойственна экспансивность. Но вот в один прекрасный день этот бельгиец вышел из всех присущих ему рамок хладнокровия. Это произошло однажды вечером в Брюсселе, на Гран-Пляс, с ее кружевными зданиями и яркими огнями.

На площади выступали украинские танцоры. Как только окончились пляски, присутствующие бросились к артистам и, не давая им сесть в автобусы, стали обнимать и целовать их, всячески выражать свое безграничное восхищение. Не знаю, кого больше удивило это: украинских танцоров или бельгийцев, которые не узнавали сами себя.

Казалось, дома на площади, и те были озадачены таким шквалом чувств, а хозяева кафе (они часто берут на себя роль «знатоков» в вопросах искусства) говорили, что никогда в жизни не видали такого. И, естественно, разговоры переходили к самому жгучему вопросу: с чего бы людям снова воевать между собой? Раз народы так способны понимать друг друга, а узнав и поняв, так полюбить, зачем, ну, правда, зачем им нужно истреблять друг друга?

Несколько дней спустя там же, на выставке, произошло другое событие, которое должно было подтвердить выводы, к которым пришли владельцы кафе с Гран-Пляс. Это было в «советские дни», когда в Брюссель приехал Ворошилов.

Праздничный концерт советских артистов был организован так, как, по-видимому, принято это делать в Советском Союзе, но, в общем, не принято у нас. Симфонический оркестр, певцы и певицы, ансамбль Моисеева, танцевальный ансамбль Украинской ССР, выступления артистов пятнадцати республик... Казалось, все это слишком громоздко для бельгийцев.

Но никому не хотелось на этот раз исходить из местных обычаев и собственных привычек. Советский Союз показывал в этот день не своих лучших артистов, известных всему миру, а искусство своих республик во всем его многоцветном разнообразии. Как советский павильон, так и этот концерт открывали людям правду, ту правду, которая завоевывает сердца. «Вот такие мы,— казалось, говорили артисты,— и мы по-дружески показываем вам то, что у нас есть и какие мы есть».

Ощущение этой непосредственности и искренности было настолько сильно, что даже профессиональные дипломаты и придворные не могли не подчиниться ему. После одного особенно удачного танца, исполненного украинским ансамблем, все увидели, как король Бодуэн вместе со всеми стал прихлопывать в такт в ладоши. Рядом стоял Ворошилов, которого, как казалось, это очень забавляло. Но поистине бурю восторга вызвали танец и песня партизан. Зрелище это было настолько динамичным, что весь зал поднялся и начал рукоплескать. По правде сказать, хотелось плакать от радости, смеяться. Ведь все эти сытые буржуа, эти «анти» всего советского, которые на протяжении сорока лет пичкали нас, бельгийцев, плакатами, рисунками, статьями о «враге человечества», изображаемого ими в виде человека с ножом в зубах,— все они в этот вечер бурно аплодировали этому самому «страшному» и подлежащему анафеме.

Кончились пляски, и все артисты огромным хором запели песню советских партизан. Эта песня еще со времен войны живет в памяти бельгийцев. И вот сейчас зрители, один за другим, повинуясь какому-то глубокому внутреннему чувству, стали подыматься с мест, пока на ногах не оказался весь огромный зал... Над сценой во всю ее ширину развевался большой, в несколько метров, советский флаг. Мужчины и женщины пели вместе с артистами, иные плакали, а флаг все реял, величественно и спокойно... Эта песня словно дарила присутствующим на память то, что дал лучшего миру советский народ: героическую защиту свободы, независимости, мира...

Теперь вся эта толпа знала, что «человек с ножом в зубах» — злобная выдумка, что советский человек не враг, он спаситель народов.

Когда я выходила из зала, какой-то незнакомый мне человек взволнованно сказал: «Странно, но у меня было такое чувство, словно все мы — бельгийцы и русские — один народ, что мы уже не чужие. В эти недолгие минуты мне представилось, что мир возможен».

Но так должно быть всегда. Именно этому должны содействовать мы все. Знать друг друга — это значит уже сосуществовать.

Подруги из «России»

Их десять человек, десять доярок из комсомольско-молодежной бригады колхоза «Россия», Рыбновского района, Рязанской области.

Дружная это десятка! В праздники ходят девчата с песнями по селу, крепко взяв друга друга под руки, перегородив всю широкую улицу. Так держатся они и в работе, стараясь не отставать от своего «старшины» — Марии Рыбаковой, коммунистки, передовой доярки.

Рязанская область удостоена за высокие темпы производства продуктов животноводства высшей правительственной награды — ордена Ленина. Так отмечен труд большого отряда рязанских животноводов, отряда, в рядах которого идут и доярки из комсомольско-молодежной бригады колхоза «Россия». Когда товарищ Н. С. Хрущев вручал орден рязанцам, он побывал и в колхозе «Россия», на ферме, где работает дружная десятка. Веселая, непринужденная беседа завязалась у девушек с Никитой Сергеевичем Хрущевым. На его вопрос о том, сколько молока за день получают они сейчас от каждой коровы, девушки ответили, что по восемь килограммов. А когда Никита Сергеевич в шутку спросил, не уступают ли они первенства старичкам, девушки в один голос ответили: «Идем впереди».

И они многое делают, чтобы удержать свое место в первых рядах. Все девушки учатся в зооветеринарном кружке и в школе передового опыта, которой руководит Мария Рыбакова. Добиваются, чтобы им было присвоено звание бригады коммунистического труда. Взяли они обязательство: сохранить и вырастить всех телят, довести в этом году надой от каждой коровы до 4 100 килограммов...

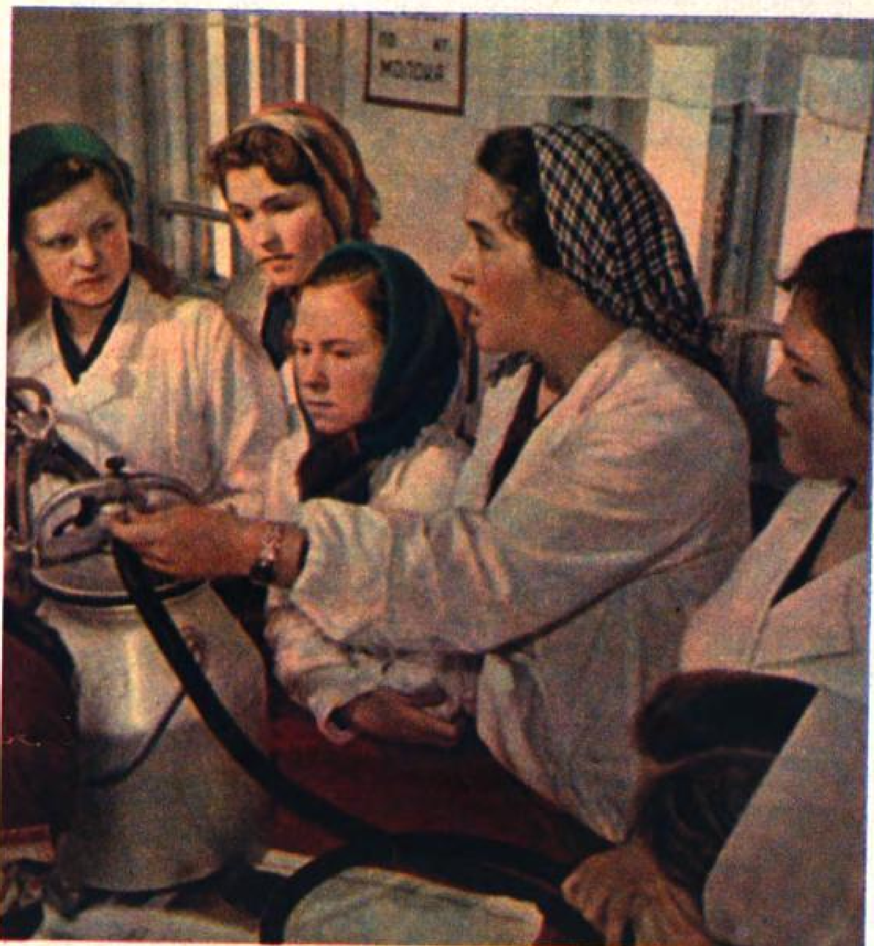
Подруги из «России» дружно работают, дружно отдыхают и веселятся.

...Вечером на сцене Дома культуры собрался на спевку колхозный хор. Разучивался новый репертуар. Зазвенел голос запевалы, и мы узнали в этой девушке одну из десяти — Нину Мордасову.

О. МИХАЙЛОВ

В первом ряду (слева направо): Лидия Максимова, Мария Рыбакова, Александра Куколева, Валентина Кочетыгова, Ольга Максимова. Нина Мордасова, Екатерина Захарова. Во втором ряду: Александра Котягина, Мария Максимова, Елизавета Чернова.

Фото М. САВИНА.

На занятиях зооветеринарного кружка Елизавета Чернова рассказывает об устройстве электродоильного аппарата.

Мария Рыбакова и молодая доярка Мария Максимова. →

В колхозном Доме культуры открыта передвижная выставка. Доярка Екатерина Захарова и садовод Анатолий Максимов пришли посмотреть на картины советских художников.

←

Подруги поздравили Лиду Максимову с большим событием в ее жизни: Лида вышла замуж за колхозника из соседнего села Ивана Крылова.

Во многих селах известен колхозный хор. Крайняя справа — запевала хора Нина Мордасова.

Наша жизнь—борьба за счастье людей

ДОЧЕРИ ИСПАНИИ

Долорес ИБАРРУРИ,
генеральный секретарь ЦК Компартии Испании

Для женщин Испании Международный женский день — это день борьбы, воспоминаний и надежд.

О долгих, трудных днях освободительных битв, о прошлом, которое рассеивается в памяти и заслоняется новыми заботами и каждодневными делами, вспомнят испанские женщины в день 8 Марта 1959 года. И их мечты и желания будут по-прежнему устремлены к будущему, к свободе и независимости...

Многие из событий, о которых они вспомнят, связаны с именами женщин. Это героические имена, которые в истории незавершенной борьбы сияют немеркнущим светом, согревая сердца наших женщин сегодня, поддерживая в них огонь ненависти к тирании и любовь к свободе.

Виргиния Гонсалес, на заре коммунистического движения указавшая женщинам Испании пример борьбы и труда, дорогу к счастью...

Аида Лафуэнте—героиня октябрьских боев 1934 года в Астурии...

Лина Одена — яркая фигура нашей национально-революционной борьбы...

Мануэла Санчес — галисийская крестьянка, увенчанная славой за свой героизм, за свою самоотверженность...

Матильде Ланда — борец и мученик, пример скромности и преданности народу...

Алисия Лопес — замечательная мать, история жизни которой — это страница боли и крови, стойкости и самопожертвования...

Работницы, крестьянки, женщины из среды мелкой буржуазии, объединенные мужеством перед лицом смерти, они делили между собой и славу и мучения в борьбе за такую Испанию, где не было бы разутых детей, закрепощенных женщин, ненавистного и унижающего человеческое достоинство неравенства.

Вспоминая славные имена этих женщин, возглавлявших бесконечный список наших героинь, отдавших жизнь за свободу родины, мы обязаны присоединить к ним имена безвестных сегодняшних героинь: женщин Астурии, Андалузии, Кастилии и Каталонии, страны басков, Галисии и Леванта,— тех, кто продолжает бороться, кто рука об руку со своими мужьями и сыновьями оказывает сопротивление антинациональной и террористической политике генерала Франко.

Каждый новый день приносит с собой новые горести и заботы, не дающие покоя нашим женщинам и всему нашему народу; тем более настоятельной является борьба против политики франкизма, которая взваливает на плечи трудящихся всю тяжесть милитаризации испанской экономики, делая их жизнь невыносимо трудной. Это борьба за национальное примирение испанцев, которое положило бы конец состоянию гражданской войны и искусственно поддерживаемому франкизмом «крестовому походу»; это борьба за освобождение томящихся в тюрьмах узников, за восстановление демократии в Испании, за мир, за дружбу между народами.

Эта борьба нелегка, но от нее нельзя отказываться. От этой борьбы зависит возвращение Испании в семью свободных народов, возможность для наших женщин в будущем праздновать 8 Марта в обстановке мира, прогресса и свободы.

Вот и 8 Марта 1959 года. Я вспоминаю слова Владимира Ильича. Он говорил, что только тогда наша партия, наша страна добьется полной и прочной демократии, когда привлечет всех женщин к постоянной общественной службе.

Прошло более 40 лет с тех пор. Мы приближаемся к коммунизму. И по-прежнему призывно для нас, женщин, звучат заветы Ленина. Мы их не забудем!

Елена СТАСОВА.
Член КПСС с 1898 года

✡

Всем читателям и читательницам «Огонька», всем, кто создает нашу новую жизнь, строит коммунистическое будущее, хочется передать сегодня, в Международный женский день 8 Марта, самый горячий привет и сердечные пожелания. Пусть этот день станет для вас праздником и в семье и в труде!

Г. БУРКАЦКАЯ.
Дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Радянська Україна»

✡

Когда позади такой долгий путь жизни, как у меня, то невольно задумываешься над тем, что в ней главное...

Вот поэтому, поздравляя всех женщин моей Отчизны в день 8 Марта, я не могу не сказать им:
Будьте щедры душой.
Храните верность. Всегда и во всем: в служении высоким идеалам, в дружбе, в любви.
Будьте преданны труду и долгу.
Желаю вам, дорогие, счастья, любви и мира!

А. ЯБЛОЧКИНА.
Народная артистка СССР

ЖАЖДА МИРА И СПОКОЙСТВИЯ

Элизабет ФЛИНН,
член Исполкома Национального Комитета Компартии США

С большой радостью я прочла ваше письмо, в котором вы желаете мне здоровья, счастья и успехов. Здоровье? Что ж, оно неплохо, насколько можно этого ожидать от человека, который уже 69-й год живет при капитализме и к тому же недавно отсидел три года в федеральной уголовной тюрьме в Альдерсоне по закону Смита о контроле над мыслями. Счастье? Мое счастье всегда заключалось в работе: сначала в старой американской социалистической партии, в рабочем движении, а затем в рядах коммунистической партии — это немалый срок, почти 53 года.

Я счастлива, что дожила до торжества социализма на большой части земного шара: в Советском Союзе, Китае и других странах; я радуюсь тому, что сотни миллионов людей уже сбросили цепи эксплуатации. И я не буду считать дело моей жизни завершенным, пока в моей Америке не будет построено лучшее, справедливое общество. Это мой идеал и моя цель. Мне не выпало на долю счастья побывать в вашей прекрасной стране, но я все еще надеюсь, что сделаю это.

Сейчас я езжу по штатам и городам моей страны, от побережья к побережью, и выступаю в защиту наших идей, советую читать нашу газету «Уоркер», содействую по мере сил строительству моей партии. Я с горечью вижу, как сильно выросла безработица в индустриальных центрах. Не в пример вашей стране автоматизация здесь — это страшный призрак для рабочих: новая техника выбрасывает людей за ворота заводов.

Людей Америки гнетет страх перед атомной войной, они хотят и ждут прочного и длительного мира. Больше всего чувствуешь эту жажду мира и спокойствия среди женщин, но она растет и среди всех рабочих, молодежи, интеллигентов, служителей церкви. И все чаще встречаешься с живым и жадным интересом простых американцев, особенно рабочих, к Советской стране, к ее достижениям и планам на будущее.

В моих поездках по Соединенным Штатам я сталкиваюсь с самой постыдной стороной нашей жизни — с бесправием негритянского народа. Да, жгучий стыд охватывает тебя, когда ты думаешь о том, как это выглядит для окружающего нас большого мира. Миллионы честных и здравомыслящих американцев начинают понимать, что пришло время покончить с позорящей нас расовой дискриминацией, дать неграм действительно равные политические и социальные права со всеми гражданами Соединенных Штатов.

У нас далеко еще не покончено с политическими преследованиями. Двое моих дорогих товарищей, Генри Уинстон и Джильберт Грин, все еще в тюрьме, они отбывают долгий срок заключения. Доброму десятку других моих друзей угрожает то же по «обвинению» в том, что они члены коммунистической партии. Я выступаю на митингах в их защиту. Все еще продолжают действовать закон Маккарена, направленный против всех прогрессивных организаций, закон Уолтерса — Маккарена, который терроризует американцев иностранного происхождения.

Агенты так называемой комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности» шныряют по городам, угрожая рабочим, профессорам, учителям увольнением за пресловутую «нелояльность». А закон Тафта — Хартли все так же ограничивает права профсоюзов. Как видите, жизнь наша не устлана розами, она проходит в упорной и постоянной борьбе за права трудящихся, за демократию, против угрозы войны.

Мы часть той настоящей Америки, которая хочет мира и братства со всеми людьми на земле. Мы, как и миллионы американцев, стремимся к тому, чтобы навести порядок в нашем собственном доме, чтобы все сыновья и дочери Соединенных Штатов могли полностью наслаждаться жизнью в нашей красивой и щедрой стране.

Самый сердечный привет шлю ко дню 8 Марта моим сестрам — женщинам Советского Союза!

Нью-Йорк.

ПИСЬМО О БЕССМЕРТИИ

Под письмом, которое вы прочтете на этой странице, нет подписи. И рука, написавшая его, уже не напишет ни строчки. Ее запорошил пепел Освенцима. Но имя нельзя ни расстрелять, ни убить тифом, ни сжечь в печах крематория. И оно живет, имя Даниэль Казанова.

Это ее последнее письмо из фашистского застенка прислал по просьбе редакции муж героини — член Политбюро ЦК Французской компартии Лоран Казанова.

Ромменвиль, 23 января 1943 г.

Завтра в пять утра — подъем, в шесть — обыск, потом — отправка в Германию. Нас двести тридцать одна женщина — молодые, старые, больные, даже калеки. Все держатся великолепно. И наша родная «Марсельеза» звучала здесь не один раз.

Какую судьбу готовят нам они?

Мы только что прочли их военную сводку. Вчера они признали Сталинград, потом подтвердили Великие Луки, завтра они признаются в освобождении Ростова. Победа шествует вперед. Мы горды быть француженками и коммунистками.

Мы никогда не склоним головы, мы живем только для борьбы. Эпоха, в которую мы живем, грандиозна. Я говорю вам до свиданья, обнимаю всех, кого люблю. Пусть никогда не сжимается ваше сердце при мысли обо мне. Я счастлива. Я полна той радостью, которую приносит высокое сознание того, что ты никогда не проявил слабость, что в твоих жилах течет молодая и упрямая кровь.

Наша прекрасная Франция будет свободной, и наш идеал восторжествует.

Имя Даниэль Казанова дорого сердцу миллионов французов и француженок потому, что оно символизирует самоотверженность и жертвы, приносимые во имя родины, которую топчут сапоги захватчиков, которую унижает измена; это имя — символ безграничной верности высокому человеческому идеалу — идеалу коммунизма, любви ко всем тем, которые страдают и надеются на лучшую жизнь.

Ее сестры, ее подруги, те, кто сопровождал ее в гитлеровском аду до самой смерти, сплели, пересказывая ее жизнь, эту легенду, которая сегодня так много говорит сердцу и воображению французов.

Ничто не свидетельствует о величии ее души и несгибаемости ее характера больше, чем эти последние строки, начертанные ею тогда, когда фашистские палачи отрывали ее от земли Франции.

Лоран КАЗАНОВА

Париж, февраль 1959 г.

Даниэль уже никогда не напишет ни строчки. Но сегодня и она начала бы так же, как Долорес Ибаррури, чью статью мы публикуем в этом номере журнала: «Для женщин Франции Международный женский день — это день борьбы, воспоминаний и надежд»... К Франции обращены были ее последние мысли. Она разделила с ней надежды и борьбу, она стала сама одним из самых гордых и нетленных воспоминаний Франции.

Лоран Казанова написал: «Люди сплели легенду ее жизни». Но в легенду она вошла живая — из плоти и крови, она шла к бессмертию по земле — раскаленному корсиканскому песку и не подметенным на заре тротуарам Парижа, шла обыкновенной походкой, и никто из прохожих не думал: «Она войдет в летопись Франции».

...На Корсике, в Аяччо, только старики работали на прибрежных шхунах: молодые уходили на дальние заработки. И когда у берега дымились костры, из моря бог весть откуда приходила девчонка. Она садилась со стариками, мешала уху, а потом убегала, прокаленная корсиканским солнцем, утопая в песке белесыми от морской соли щиколотками.

Тогда ее не звали Даниэль Казанова. Про нее говорили: «Вон, эта сумасшедшая дочка учителя Перини Винчентелла опять полезла на скалы!» Но никто не думал: «Так начинается героиня».

И позднее в Париже, когда студентка Даниэль (корсиканское имя Винчентелла было трудным для произношения французов) дралась у входа в университет с фашистскими «королевскими молодчиками», люди говорили просто: «Ты молодчина». Тогда она уже была членом Союза коммунистической молодежи Франции. В ту пору в университете и в Латинском квартале хозяйничали молодые прихвостни реакции, разные «молодые патриоты» и прочие. И вот у всех на виду, в самой вотчине этих бандитов, Даниэль решила распространять комсомольскую газету «Авангард». «Молодчики» избили ее. Но назавтра она была там же, и звонкий голос с корсиканским акцентом выкрикивал: «Авангард»! Правда о нашей Франции! Купи — это твоя газета, студент!» Прохожие покупали и качали головами: «Ты молодчина, Даниэль!»

А через несколько лет про нее говорили: «Это Казанова. Она основала коммунистический Союз девушек Франции».

Как творится легенда? Кто создает ее первую строку?

Может быть, это была работница с парижской текстильной фабрики, которая, выйдя с ребенком от зубного врача Даниэль Казанова, говорила: «Это самый добрый доктор. У нее поразительные руки. И она лечит рабочих бесплатно».

Может быть, это были продавщицы универсального магазина, которые, вбежав в общежитие, восклицали: «Сегодня на митинге выступала Даниэль! Вы бы слышали, как она говорила! Двести девушек вступили в Союз, прослушав ее! А вот газета «Девушки Франции», ее тоже она редактирует».

А может быть, это был московский паренек или молодой нью-йоркский докер, который, толкнув в бок приятеля, шепнул ему: «Смотри, это знаменитая Даниэль Казанова из Франции. Она тут, на молодежном конгрессе. Ты читал, как она призывала бороться с фашизмом?»

Вот как писалась легенда. В нее входила обыкновенная женщина, в сером плаще и берете, молодая и красивая, с глазами золотистыми, как корсиканский песок, и волосами темными, как расщелины скал у Аяччо.

Вот она идет через Париж, занятый фашистскими оккупантами, идет по заданию ЦК компартии, идет смело, хотя голова ее оценена. Она едет через оккупированную Францию, чтобы наладить связь с отрядами Сопротивления. И позднее, в тюрьмах Сантэ и Ромменвиль, брошенная в темный колодец карцера, она находит слова, чтобы поддержать тех, кто томится рядом с ней. Даниэль становится их силой. Она приходит к женщинам с горестным известием, что их мужей расстреляли, но умеет превратить их скорбь в мужество. Это ей кричат смертники, которых ведут на расстрел: «Я им не сказал ни слова, Даниэль!», — потому что она их совесть.

Такой была она и в Освенциме — на последней странице этой легенды, — когда тащила по громыхающей мерзлой земле санки с трупами подруг, когда под страхом расстрела старалась передать воду или лекарство для обреченных, когда у ворот этого ада запевала непокорную «Марсельезу». Из 231 француженки, пригнанных в Освенцим вместе с Даниэль, вернулось домой 49. Все они говорят, что их спасла Даниэль.

Она умерла в этом аду. В тот короткий миг, когда сознание в последний раз вернулось к ней, она обвела взглядом подруг, а потом запела. Пела тихо, еле слышно, но стоящие рядом разобрали:

«Это есть наш последний
и решительный бой...»

Коммунистка, она уходила с коммунистическим гимном, точно зная, что уходит в бессмертие, потому что «бессмертие» и «коммунизм» — единокровные слова.

Вот и вся легенда жизни Даниэль Казанова.

Она была обыкновенной женщиной, только самоотверженней. У нее было обыкновенное сердце, только необычайно просторное. Ее жизнь принадлежала людям. Оттого люди, проводившие ее в бессмертие, отдали ее имя легенде.

Прочтите эти строки. Прочтите их те, для кого это имя — кусок собственной жизни. Ведь стонам французских коммунистов, расстрелянных на Пер-Лашез и замученных в Освенциме, отвечали батареи Сталинграда. Прочтите их те, кто начинает жить. Они научат вас суровой и мудрой науке — любви к Родине и людям.

Галина ШЕРГОВА

ПРОНИКАЮЩАЯ В ЗВЕЗДЫ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Она открыла дверь и, едва я переступила порог квартиры, заторопилась:

— Вы раздевайтесь! Посмотрите пока журналы, которые я привезла из Америки. Ведь мы собираемся беседовать о ней, не так ли? А я побегу за Наташкой. Она гуляет где-то внизу.

«Внизу» — это значит пятнадцатью этажами ниже. Внизу снег и открытая улица столицы. Сейчас вечер, и с такой высоты не разглядеть девочку у каменного подножия дома-великана.

В легкой пестрой кофточке, открывавшей ее по-девичьи тонкие руки, в туфлях-«галошиках» без каблука, в мягком полусвете настольной лампы она сама напоминала озабоченную девочку-подростка.

Нет, сейчас это был не строгий докладчик, рассказывающий с трибуны X Международного астрономического съезда об эволюции звезд с переменной массой. Нет, это был не вице-председатель Астрономического совета Академии наук СССР, отвечающий на пресс-конференции иностранным корреспондентам на их довольно сложные вопросы о спутниках и ракетах. Нет, это был не профессор астрофизики Московского университета Алла Генриховна Масевич, читающая лекцию студентам-пятикурсникам.

Сейчас на ее миловидном округлом лице, в темных задумчиво-мечтательных глазах отражалась одна-единственная тревога — материнская.

Пока она бегала за Наташкой, я осматривала кабинет хозяйки. Тут, конечно, книги. Много книг. В шкафу, над ним до потолка, на стеллаже, на письменном столе вперемежку с журналами, рукописями, письмами... И среди книг то заморская безделушка, то редкостный бокал, то забавная, не нашей работы игрушка. Видимо, все это памятные сувениры, скромные подарки в знак дружбы — свидетели многократных ее поездок за границу. Италия, Франция, Индия, Венгрия, Ирландия, Швеция, Испания... В Англии она выступала с докладом на английском языке, и даже лондонцы не могли придраться к ее произношению. В Австрии она читала лекцию студентам Венского университета и тоже на их родном, немецком языке. Да, много видела разных стран хозяйка этой квартиры. В свои сорок лет она ступала по земле почти всех континентов как авторитетный представитель советской астрономической науки, с гордостью несущий ее знамя.

Не раз уже писалось о том, как тбилисская десятиклассница, определяя свою судьбу, отправила документы в Москву, на Моховую, в университет, на астрономическое отделение механико-математического факультета. Отец ее был юристом, обыкновенным рядовым юристом. Сам литовец, он волей случая оказался в далекой Грузии.

Кто же «виноват» в том, что она решила стать астрономом? Бездонное южное небо, так и влекущее к таинственно мерцающим звездам? Или профессор Перельман, книжками которого она зачитывалась и который писал ей теплые письма? Или фантастические романы, пробудившие в ней любовь к неведомой безбрежной Вселенной?

Очевидно, и то, и другое, и третье. Но, раз вспыхнув, любовь к астрономии поселилась в этой натуре, романтичной и несколько замкнутой, глубоко и навсегда. И что только молодость не свершит, достигая желанного! Трудолюбие, усидчивость, упорство — все мобилизует студентка, а потом аспирантка МГУ, жадно вбирая в себя знания. Но и этого бывает мало.

Итак, остается еще одно, последнее обстоятельство, объясняющее незаурядный успех ученого: она по-настоящему талантлива, и этот ее талант с самого начала заботливо направлялся и развивался в благодатной среде. Молодой научный сотрудник смело решает сложную задачу теоретической астрофизики: она определяет, что́ происходит в недрах холодной звезды — красного гиганта — VV Цефея. А через несколько лет исследовательница VV Цефея защищает докторскую диссертацию. На этот раз — обобщенный труд о строении и эволюции звезд.

Женщина-астроном Алла Масевич внесла немалый вклад в сложнейшую отрасль человеческих знаний.

Столь проникновенное служение науке нисколько не сузило круг ее жизненных интересов. Эту обаятельную женщину, неизменно элегантную, можно — как ни мало у нее свободного времени — встретить на выставке, в театре, в концерте...

...Где-то за дверью прошелестел и бесшумно, словно ткнулся в подушку, остановился лифт. Девочка стаскивает валенки, ярко-красную курточку, и тут только выскакивают из-под капюшона светленькие косички.

— Мама, я хочу играть с Леной, — просит общительная Наташа.

И маме, подчиняясь, приходится идти за соседкой.

Наконец Лена пришла, и за стеной завязывается мирная оживленная беседа.

— Теперь можем поговорить и мы, — улыбается Алла Генриховна. — Так вас интересует моя поездка в Америку? Да, я недавно вернулась из США. Это была моя вторая поездка в эту страну. Ответный дружеский визит. Ведь у нас в Москве на астрономическом съезде присутствовали двести пятьдесят американцев. После съезда многие из них путешествовали по нашей стране и потом приглашали к себе.

— Вы не одна ездили в США?

— Нас было трое. Академик Артоболевский, профессор Вишневский. Но после Нью-Йорка мы разъехались в разные стороны. Так как я знаю язык, то путешествовала одна, без переводчика. За месяц я посетила много обсерваторий, университетов, колледжей, сделала пятнадцать докладов. Останавливалась у моих гостеприимных старых знакомых. Везде мне показывали фотографии Москвы, Ленинграда, Крыма, тепло вспоминая проведенные в СССР дни.

— Алла Генриховна,— спрашиваю я,— работая в Астрономическом совете, вы занимаетесь оптическими наблюдениями за спутниками. А как они поставлены в США?

— Этот вопрос меня интересовал больше всего. Я провела несколько дней на Смитсонианской обсерватории, возле Бостона. Там расположен центр всех наблюдений. И, представьте себе, профессор Уиппл (с ним я познакомилась в свое время на конференции в Дублине) и его коллеги испытывали те же самые затруднения, что и мы, когда создавали и налаживали сеть наблюдений. Шли мы совершенно одинаковыми путями. Похожа и однотипна аппаратура для наблюдений. А кое-чему я откровенно позавидовала. Профессор Стренд в морской обсерватории в Вашингтоне показал мне автоматическую электронную машину для измерения положения звезд. Я пожалела, что у нас нет такой.

Свой рассказ ученый иллюстрирует многочисленными вырезками из газет. Десятки разных изданий предавали гласности самые неожиданные эпизоды из ее путешествия. Во Флориде было тепло, и 30 декабря она купалась в море. Факт этот комментируется столь же обстоятельно, как и выступление ее на ежегодном съезде американского астрономического общества. Она осматривает гигантский Аризонский кратер, образовавшийся вследствие падения метеорита, происшедшего, как предполагают, 50 тысяч лет назад. А вот она отвечает на вопрос, что ей особенно понравилось в Соединенных Штатах. Под аншлагом «Новости для советских мужей» интервью, из которого следует, что А. Г. Масевич очень нравится, как мужья помогают своим женам на кухне: моют, например, посуду, готовят завтрак в воскресные дни. Это заявление оказалось сенсационным и обошло все газеты...

— Может быть, неплохо бы перенять этот обычай и нашим мужьям? — смеется Алла Генриховна. — Не правда ли, хороший обычай?

А в колледже Свартсмор, под Филадельфией, ее потчевали настоящим русским чаем из традиционного самовара. Кстати, там был не только русский чай, но и разговор велся на русском языке. Воспитанники колледжа изучают русский язык и уже довольно хорошо владеют им.

— Много же у вас друзей!..

— Не только друзей, но даже появились и родственники. Когда мы были в Индии, Пуршахват Рао, фермер из-под Мадраса, предложил мне побрататься с ним и в знак этого подарил ожерелье из слоновой кости. А во Вьетнаме, в городке Куанг Йене, живет мой крестник, маленький Туан. Он родился в день запуска второго советского спутника, 3 ноября 1957 года. И его родители захотели (отец — политработник Народной армии), чтобы заочными крестными их мальчика были академик Седов и я. С тех пор мы регулярно переписываемся.

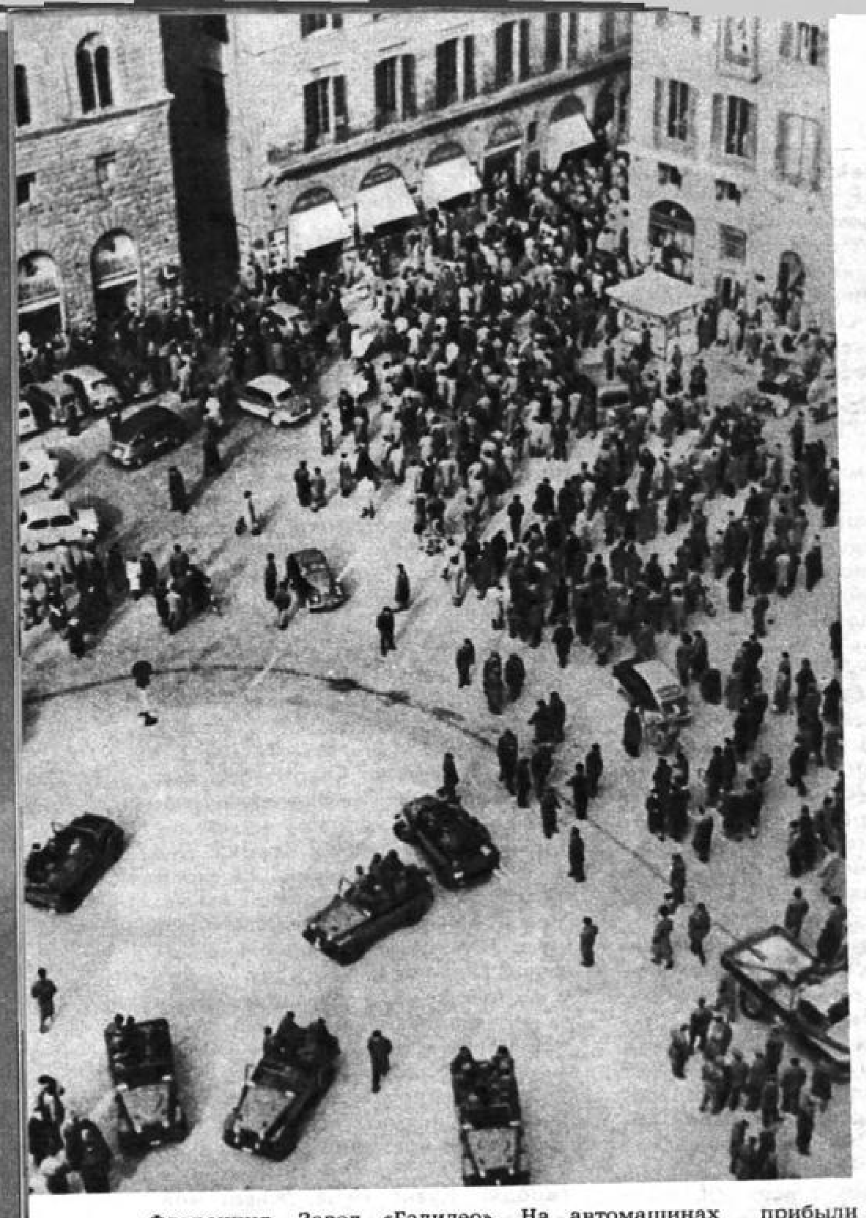
...За окном уже ночь. Спит, угомонившись, Наташа. Застыли на стекле серебряные звездочки инея. Сверкают и мерцают за стеклом далекие холодные звезды.

— Трудно ведь вам! Звезды, спутники, лекции, дочь и дом...

— Да, трудновато. Но зато, знаете, как все это безумно интересно!..

Путешествуя по США, А. Г. Масевич посетила Хеверфордский колледж. С астрономическим отделом ее познакомили профессора Луис Грин (слева) и Питер ван де Камп (обсерватория Спроул).

Флоренция. Завод «Галилео». На автомашинах прибыли полицейские.

Рядом с мужьями

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Письмо из Рима

Весь январь и февраль прошли в Италии под знаком бурной борьбы трудящихся против наступления капиталистов на рабочий класс. Почетное место в этой борьбе принадлежит итальянским женщинам — работницам, женам и матерям рабочих.

В январе рабочие завода «Галилео» во Флоренции заняли предприятие, чтобы помешать увольнению 530 своих товарищей. Они держались на заводе 18 дней. На заре последнего дня крупные силы полиции ворвались на территорию завода. Город еще спал, рабочие не успели организовать отпор. Они ушли с завода. Но еще не занялся день, как уже в квартале Рифреди, где завод возвышается над окраинами Флоренции, все были на ногах. Даже священники, которые по опыту знают, что если они хотят хоть в какой-то мере сохранить влияние среди населения, вынуждены были поддержать борьбу трудящихся. Не вышли из своих депо трамваи и автобусы. Остановилась работа на других предприятиях. Аудитории университетов и школ оставались пустыми, профессора и студенты не явились на занятия. Магазины, даже фешенебельные универмаги в центре города, оставались закрытыми.

Жены и дети рабочих «Галилео» двинулись колонной к центру города. Они несли плакаты с надписями: «Работу нашим мужьям!», «Хлеба нашим детям!». И здесь, в тени памятников флорентийского искусства эпохи Возрождения, произошли первые стычки. Полиция, не считаясь с тем, что перед нею женщины и дети, набрасывалась на демонстрантов, избивала их. Вместе с мужчинами женщины защищались, помогали строить баррикады. Один полицейский грузовик был перевернут и подожжен, десятки арестованных горожан были вырваны из рук полицейских агентов. Борьба продолжалась целый день, затихая в одном месте города, чтобы вспыхнуть в другом...

Но бои во Флоренции, хотя они и были самыми драматическими в этот бурный период, оказались не единственными. Еще не утихло эхо демонстраций в столице области Тосканы, как началась борьба в другой части Италии, на юге страны, в городе Ночера Инфериоре (провинция Салерно). Здесь около девятисот женщин-работниц заняли текстильную фабрику «Котоньере Меридионали», чтобы помешать увольнению своих подруг. До этого они пять дней проводили в знак протеста «итальянскую забастовку». Мощная волна солидарности сразу же охватила всю провинцию Салерно, где среди текстильщиц и работниц других профессий за последние годы было выброшено за ворота до трех тысяч человек. Один из самых волнующих эпизодов в событиях, развернувшихся вокруг «Котоньере Меридионали»,— это письма детей уволенных рабочих и работниц, адресованные властям провинции Салерно. Маленькие итальянцы с детской непосредственностью говорили в них о том, чего добиваются в борьбе их отцы и матери.

В момент, когда я пишу эти строки, борьба еще продолжается. Рабочие и работницы «Котоньере Меридионали», поддерживаемые морально и материально всеми трудящимися района, по-прежнему занимают фабрику. Тем временем новые классовые бои завязываются в других провинциях и городах страны. В Анконе, городе в области Марке, было объявлено о закрытии некоторых предприятий; сразу же последовал ответ рабочих: невыход на работу, забастовки, демонстрации на улицах, митинги... В провинции Реджо-Эмилия и во многих городах севера Италии — такие же стачки, уличные демонстрации, требования о создании такого правительства, которое считалось бы с интересами и нуждами рабочих. И повсюду трудящиеся женщины рука об руку с мужьями и сыновьями участвуют в борьбе, бросают гневный вызов режиму нищеты, безработицы и полицейских насилий.

В преддверии Международного женского дня 8 марта трудящиеся итальянки показывают, что они мощная сила в общей борьбе, которую ведет рабочий класс Италии против корыстных планов монополий, за демократию и мир.

Группа работниц текстильной фабрики «Котоньере Меридионали» во дворе занятого ими предприятия.

АСЯ

Рассказ

Анатолий КУЗНЕЦОВ

Рисунок П. Пинкисевича.

Тогда Асе шел девятнадцатый год. Она работала табельщицей на труболитейном заводе и по вечерам ходила в клуб петь. Она сама не знала, хороший у нее голос или плохой, ей просто нравилось петь и нравился хор.

В семье из восьми детей она была старшей. Дома всегда было весело. Отец работал машинистом. Ожидая, пока дети встанут на ноги, он растерял терпение и в те редкие дни, когда бывал дома, кричал, что дети бездельничают, что Ася — первая лоботряска.

Это было несправедливо, за Асю вступалась мать. На Асе, как на всякой старшей дочери, лежала добрая треть всех домашних забот: она нянчилась с маленькими, бегала в лавку, стирала, шила, только почему-то никто этого не замечал. Она была старшей, не привыкла капризничать или отказываться. Мать иногда вздыхала:

— В кого ты пошла такая? Тяжело тебе будет, Аська: злые люди обидят тебя, заездят, а ты и слова не скажешь...

Клуб был иным миром — праздничным дворцом, полным музыки и света. Занятия хора проводились в душном, хотя и просторном зале. В нем амфитеатром возвышались сколоченные из досок помосты, похожие на полки в бане, на них стояли длинные грубые скамьи; на скамьях собирался пестрый народ. Асино место было на правом крыле хора, в ряду сопрано. Она садилась у окна, так что ей были видны фонари на улице. Когда становилось очень душно, окно запотевало, и на нем можно было рисовать узоры пальцем.

Внизу у пюпитра кипятился маленький, с вдохновенной «артистической» шевелюрой руководитель хора Миша Антропов. Он силился перекричать разноголосый шум:

— Альты, начали с пятого такта! И!.. Прекратить! Это не пение, а тихий лепет на лужайке. Сначала. Только альты! И!..

Состав хора менялся: постоянно приходили новички, они одни сидели смирно; басы в задних рядах бубнили свои партии, тенора пробовали свои хрупкие голоса, сопрано толковали о новых блузках. И все это надо было перекричать Мише Антропову и вечно повторять для новичков сначала. Это был сизифов труд, но хоровик не сдавался.

Многие ходили петь потому, что это приносило различные блага: отпуск со второй смены перед праздником, красивый концертный костюм за счет клуба, поездки на олимпиады и даже бесплатный вход на танцы. Ася в отпусках не нуждалась: она работала в первой смене,— а концертов и олимпиад страшно боялась.

Тем не менее она не посмела отказаться, когда Миша Антропов (она его всегда почтительно называла Михаилом Нифонтовичем), словно между прочим, предложил ей разучить «Средь шумного бала».

Она разучила, и романс ей понравился. Она спела его на концерте под аккордеон, и с этого дня судьба ее была решена: она стала солисткой. В хоре Миша Антропов поручал ей запевать, хотя у других девушек голоса были звонче и сочнее. Ей было стыдно, будто она обкрадывает кого-то. У нее получалось чисто, это она знала, но не более. Таланта явно не было, одна большая старательность.

И все же Миша Антропов иногда выкраивал время и занимался с ней почему-то отдель-

но, хотя, пожалуй, в его обязанности это и не входило.

Был он весьма бесцеремонным человеком, всех бранил, но к ней относился ласково, как к ребенку, а если делал замечания, то словно извинялся. Вероятно, он чувствовал, что на нее не следует кричать. Ася боялась, когда на нее грубо орали. Тогда она просто тупела и смотрела полными ужаса, потрясенными глазами; людям становилось совестно.

Никто никогда не узнал, сколько страхов довелось ей пережить. Когда она запевала, у нее

холод шел по всему телу, начиная от затылка, подкашивались ноги и темнело в глазах. Ей казалось, что она все забыла и обязательно собьется. И все же она выходила из ряда и пела, не сбивалась, не забывала. В зале стояла внимательная, дружелюбная тишина.

Миша Антропов изредка, между прочим хвалил ее. Он всегда был занят, он руководил несколькими хорами в разных концах города и потому постоянно поглядывал на часы. Однажды, проходя по коридору, он взял Асю за локоть и сказал:

— Я устроил тебя к профессору Щеглову. Ты переходишь к нему. Мне жаль отпускать тебя, но ты иди. Завтра, к семи часам!

«А завтрашний хор, Михаил Нифонтович?!» — открыла было рот Ася, но хоровик нахлобучил шляпу и побежал к выходу, поглядывая на часы.

На другой день Ася, чтобы не ослушаться, пошла к профессору Щеглову. Он сам музыки не писал, а преподавал в музыкальной школе и в клубе металлургов.

Профессор оказался очень старым, изысканно одетым, в высшей степени интеллигентным и остроумным человеком. Кружок вокалистов помещался на втором этаже, в маленькой комнате с одним окошком, куда едва вошел рояль и два стула. Говорили, что профессор подготовил самого Орлинского, который теперь пел в областном оперном театре.

Профессор поставил Асю к роялю и долго заставлял ее петь, аккомпанируя дрожащими, старческими руками в белоснежных манжетах. Что-то в ее голосе удовлетворило его, потому что он сказал:

— Отныне вы моя ученица, а в хор я вас буду отпускать только по большим праздникам.

Ася стала ходить к нему. У профессора на лысине возвышалось всего несколько клочков седых волос, но они так живо топорщились, так вдохновенно взлетали, когда он вскидывал голову, что, пожалуй, стоили всей шевелюры Миши Антропова. Профессор был удивительно жизнерадостным и юным в душе человеком. Прежде чем заниматься, он расспрашивал Асю о ее малоинтересной жизни, допытывался, какие книги она любит. Книг Ася почти не читала: некогда.

— Но ведь это ужас! Вы должны читать! Вы должны читать, поражаться и удивляться! — восклицал профессор.— Запомните на всю жизнь: когда вы перестанете удивляться, вы состаритесь! О!

Он рассказывал о себе разные удивительные вещи. С ним Асе было легко и свободно, словно с близкой подружкой. Потом занимались часами, иногда далеко за полночь, выходя из всех графиков, пока не приходила наконец, брацая ключами, сторожиха Маша.

— Одну минуточку, Маша! — махал руками профессор.— Мы пробежим последние пять тактов и финал. Неужели вы не понимаете? О! Искусство не знает графиков и пределов!

Маша садилась на табуретку, слушала, задумавшись, и ждала пять, пятьдесят, сто тактов.

У выхода из дворца профессор и Ася расходились в разные концы: ему надо было в центр города, ей — в рабочий поселок. Он не забывал сказать:

— Я бы проводил вас, но мне еще дальше, чем вам. У вас молодые ноги и масса сил. Пожалуйста, повторите рондо. Вам нужно работать как можно больше. Для людей музыки работа — это все. Вы когда-нибудь вспомните меня и поймете, что старый чудак Щеглов был прав.

Он уходил в темноту неуверенной походкой старика, а Ася бежала домой пешком, от фонаря к фонарю, потому что трамвай уже не ходил. Она уставала, не высыпалась, ее бранила мать. У них было хозяйство, четыре комнаты в индивидуальном доме — целая усадьба. На одну уборку и мытье полов уходило полдня, у младших же сестренок только финтифлюшки в голове.

Но профессор был неумолим. Ася не могла спорить с ним, с его безжалостным «работать, работать, работать!». Каждый раз повторялось одно и то же. Она так сжилась со своими занятиями, так привязалась к старому учителю, что уже не представляла своей жизни без него, без ночных побегушек, без сторожихи Маши. Профессор увлекался, тряс вдохновенными клочками седин и кричал:

— Вот увидите: вы будете знаменитой актрисой, вас будут слушать миллионы, и тогда вы, конечно, забудете старого дурака-профессора, но все-таки вы когда-нибудь вспомните и скажете, что он был прав!

Ася улыбалась. Она уже знала увлекающийся нрав старика, прощала ему и не верила ему. Она не могла представить себе нарисованной им картины. Она пела с ним, потому что всегда любила петь.

Из комсомольцев завода организовалась агитбригада, которая с песнями и частушками выступала в обеденные перерывы по цехам.

Асю пригласили петь. Она испугалась, но, не умея отказываться, согласилась. Это прибавило ей хлопот; теперь она уж действительно не имела ни минуты свободной.

Вместе с контрабасом, аккордеонами и кларнетами жизнерадостная толпа «артистов» набивалась в старенький служебный автобус и колесила по огромной территории завода от котельной до ремонтного цеха.

Выступали прямо на станинах, на помостах. Людям нравились эти концерты. Ася пела «Я помню чудное мгновенье», стоя на краю помоста, а вокруг нее все станки, автокары и балки были облеплены измазанными, в промасленных робах рабочими, которые пили из

бутылок топленое молоко, жевали булки и внимательно слушали. Когда она начинала петь, становилось особенно тихо; окончив, она не раз слышала «бис».

Ей пришло по почте письмо, в котором неизвестная работница писала, как ей понравилась Асина «песня»: «Спасибо вам, деточка, вы хорошая, глядя на вас, я вспомнила свою молодость... Дай бог, чтобы к вам была доброй жизнь». Асю взволновало это письмо. Ей хотелось увидеть эту женщину, почему-то думалось, что у нее горе. Но письмо не было подписано, и Ася так и не узнала, кто же она была.

Однажды на завод приехал корреспондент из какого-то журнала. Он оказался щупленьким, рыженьким, очкастым пареньком в потрепанном пальто и стоптанных калошах; собирал материал о рационализаторах, писал об агитбригаде.

Он совершил с артистами несколько рейсов в автобусе, потом остался на два лишних дня, сидел на репетициях, забрался даже к профессору Щеглову.

И в тот вечер он провожал Асю домой. Он шел, бодро шлепая по лужам, забрызгал ей чулки, о чем она терпеливо смолчала, и говорил о том, что у нее большие способности, что у нее итальянский тип лица (а это к чему еще?) и, короче, ей надо бросить все, ехать в Москву и поступить учиться. Асе даже думать о таком было страшно, но он, как дважды два, доказал ей, что бояться глупо и это ребячество, что тысячи людей мечтали бы иметь ее дар и если она закопает свой талант в землю, это будет преступление — да, да, преступление! — перед собой, перед народом, перед самой жизнью. Если же у нее никого в Москве нет и негде остановиться, то пусть не беспокоится и приезжает прямо к ним в общежитие; он устроит ее к девчонкам, те всегда примут.

Тут выяснилось, что он вовсе не корреспондент, а только студент факультета журналистики. Он приезжал на практику, чтобы заработать, потому что ему никто не помогает: он один, у него нет родных.

Это была волнующая, пугающая ночь.

На другой день паренек уехал, оставив Асе адрес. Его вдохновенные речи, чем-то напоминавшие тирады профессора Щеглова, долго еще вспоминались ей.

Прошла зима, прошла весна, наступило лето с лунными душными ночами. Ася не так боялась возвращаться поздно домой.

Однажды профессор не стал ее задерживать. Он был особенно, подчеркнуто торжествен, и накрахмаленная манишка сияла на его впалой груди. Он сказал:

— Ну, вот, старый дуралей Щеглов сделал все, что мог. Теперь я могу с чистым сердцем послать вас в столицу.

Ася ахнула, перепугалась, но профессор вздохнул:

— Нет, привыкайте к этой мысли. Вы должны ехать и пробиваться. Иначе вы обидите меня смертно. Да, запомните это! Мне жаль расставаться с вами, но вас ждут люди! О! Простите, если старик говорит высокопарно.

Дня через два он слег, словно выполнил в этом мире все, ради чего стоило бегать и кипятиться. Ася ходила к нему домой. Он требовал, чтобы она ехала.

Она бы ни за что не поехала, если б не тот адрес, который оставил ей рыженький корреспондент. Почему-то именно он вселил в нее бодрость: это была какая-то точка опоры. И ей к тому же вспоминалось: «Преступление — да, да, преступление! — перед народом, перед самой жизнью...»

Ася взяла отпуск, заняла у подруг денег и, зажмурясь, поехала. Профессор написал длинное письмо на имя директора консерватории, завод дал характеристику, агитбригада дала рекомендацию, Миша Антропов, услышав о событии, улучил минутку и тоже настрочил на подоконнике несколько слов. Ася испугалась этих бумаг и в последний момент забыла приколоть их к своим документам...

Приехав в Москву и разыскав общежитие, Ася обнаружила, что знакомый ее паренек закончил учебу и на днях выехал работать в Благовещенск на Амуре, и никого из его друзей не оказалось: в общежитии обитали новички, поступающие. Асю даже не пустили туда без пропуска.

Но зато консерватория тоже поселяла своих новичков в общежитие, и Ася счастливо устроилась там.

Когда она увидела, сколько людей пытается поступить, она пала духом. Она поняла всю смехотворность своей попытки, убедилась, что не пройдет, и приготовилась уезжать. Но заявление было подано, оставалось ждать.

Дни экзаменов она провела как в тумане. Что-то делала, что-то повторяла. Она оторопела в громадном городе и просто отупела, как бывало, когда на нее орали. Но она старалась и трусила, как всегда. Она дрожала, что на экзамене не устоит и упадет: так подкашивались ноги; дрожала, что собьется или забудет слова; что ее пение дико беспомощно (она пела письмо Татьяны) и способно вызвать лишь печально-иронические улыбки. Но пела она не сбиваясь, в комиссии никто не улыбался.

Ее приняли.

Когда Ася в последний раз приехала в родной город за вещами, за увольнением с завода, профессор уже поправился. Старик до слез обрадовался за нее.

Отец и мать удивились, загордились и тоже обрадовались, что она пошла «в люди». Теперь уже младшие сестры стирали, мыли, шили и бегали в лавку.

Асю определили в класс Ирины Сергеевны Лопухиной. Это была седая, молчаливая, строгая женщина. Она всегда казалась очень усталой, говорила тихо и немногословно. Некогда она была выдающейся певицей.

Выслушав Асю, она ошарашила ее своим заключением: о колоратуре, пожалуй, нечего мечтать; кто знает, может быть, получится лирическое сопрано, но неизвестно, разве при колоссальном труде...

Но она стала заниматься с ней так же терпеливо, как и с другими, открывала такие секреты мастерства, что Ася диву давалась.

— Да все это пустяки, дитя мое,— устало сказала как-то Лопухина.— И божий дар наш — это почти ничего, и работа — это, знаете, само собой разумеется. Самое ценное, самое святое — это культура и душа.

Иногда, прервав занятия, она рассказывала о прошлом, о том, какого большого ума и высочайшей культуры были Нежданова или Собинов.

Ася сгорала со стыда. Она старалась. Она читала, когда только могла. Она нырнула с головой в музыку. Москва была до краев полна музыкой. Большой театр, Большой зал, Малый зал, Зал имени Чайковского... Ася захлебывалась, не поспевая, занималась дни и ночи, а вечерами ходила на концерты.

Лопухина ни разу не похвалила ее. Она всегда слушала молча, а если говорила, то только об ошибках, одно — два слова, но так неожиданно жестко, что у Аси душа уходила в пятки, и она вдруг думала, что ее могут исключить.

И Ася с грустью вспоминала свой клуб и тесную комнатку, старого профессора и сторожиху Машу в углу на скамейке. Порой она впадала в отчаяние.

Пение перестало доставлять ей радость, хотелось бросить все и зареветь. Она ревела, но не бросала. Проглотив слезы и наспех перекусив кефиром в подвальной консерваторской столовой, она бежала наверх опять заниматься, или в читальню, или на галерку Большого театра. Занятий и заданий была такая уйма, что Ася ухитрялась выполнять их, наверное, только благодаря своей трусости и неумению отказываться. Она похудела, издергалась, изнервничалась, с голосом у нее творилось что-то неладное. Раньше ей казалось, что она поет приятно, теперь казалось, что она поет ужасно.

Однажды учили арию из «Риголетто». Ася старалась изо всех сил, так вошла в работу, что забыла обо всем на свете.

Вдруг Лопухина встала, хотела что-то сказать, но только поцеловала Асю и, взволнованная, ушла.

Ася вспомнила, как о Лопухиной рассказывали девчонки, будто она считалась в свое время непревзойденной исполнительницей партии Джильды. Асе стало очень жаль старую певицу и стыдно, словно она была в чем-то крепко перед ней виновата.

Ничего после этого не произошло, но как-то Лопухина пригласила Асю к себе домой. Ася ходила к ней, пила чай из миниатюрной золоченой чашки, выслушивала массу старых театральных историй, смотрела пожелтевшие фотографии. Лопухина расспросила подробно об Асиной прежней жизни, живо заинтересовалась профессором Щегловым и просила приходить еще, потому что она живет одиноко.

И Ася ходила и сидела допоздна, и вечера эти неизменно превращались в импровизированные занятия, хотя Лопухина по-прежнему не находила для нее ни одной похвалы, а только бранила, прерывала, замечала каждую погрешность.

Скорее всего именно Лопухина и была повинна в том, что в год окончания консерватории Асю, единственную из всего выпуска, приняли в крупнейший столичный театр.

Уже летом она пела на сцене Джильду — ее слушали тысячи; выступала по радио — и ее слышали миллионы. Одно только и осталось в ней от прежней Аси: перед всяким выступлением у нее подкашивались ноги, шел холодок от затылка, и она дико боялась, что собьется или забудет слова...

В июле театр уезжал на гастроли на юг. В пути Ася отпросилась на два дня, чтобы побывать в родном городе.

А дома было все то же: те же четыре комнаты и то же хозяйство, но только почему-то все это оказалось неожиданно маленьким, просто негде было повернуться. Это поразило Асю. Домик был тот же, и куст сирени под окном, и калитка, но только они словно уменьшились в размерах...

Ася вспомнила, как она давно когда-то нашла розовую кружку. В детстве она очень любила пить молоко из огромной розовой кружки с цветочками. Потом кружка потерялась. Прошло много лет. Роясь в песке под домом, дети откопали розовую кружку. Ася взяла ее, узнала и поразилась: кружка была маленькая, крохотная, меньше стакана! Это была, несомненно, она: та же ручка, те же цветочки, знакомые, близкие, но только... меньше. И Ася поняла, что кружка такой всегда была, но это она, Ася, выросла.

Встретив ее, мама заплакала. Она постарела, сгорбилась заметно. Отец смешно и торжественно вырядился в старомодный, пахнувший нафталином костюм. Братья уже поженились, а сестры вышли замуж.

Клуб металлургов тоже показался Асе далеко не таким громадным, каким он был раньше, а комната, где занимался хор, оказалась просто душной клетушкой. В коридоре Ася столкнулась с Мишей Антроповым. Он растолстел, в шевелюре блестела седина, но он все так же летел, торопился, поглядывая на часы.

Он был несказанно рад Асе! Ведь тут все слушали ее по радио, все говорят о ней. Оказывается, жители ее городка помнили о том, что здесь ее родина, помнили гораздо крепче, чем она сама. Тут же Миша похвастался, что у него родилась двойня — сын и дочь,— поволок на сцену, потом в хор, где отчаянно махал руками и кричал:

— Баритоны вступают в паузе! И!.. Прекратить! Это не пение, а тихий лепет на лужайке. И!..

Но в хоре уже не было знакомых лиц: все новые ребята, юная поросль.

И только после всего этого от Миши Антропова Ася узнала, что профессор Щеглов умер минувшей осенью. Она заплакала. Мать не написала ей об этом, но мать могла и не знать.

На другой день Ася ходила на кладбище и отыскала могилу профессора. Кладбище находилось далеко за городом, в степи, полной древних курганов.

Могила была огорожена деревянным заборчиком от коз, на ней лежала плита. Ася принесла с собой букет незабудок и положила его на нагретую солнцем плиту. Ей было очень тяжело; ей не хватало хотя бы нескольких слов, чтобы сказать их старому профессору, который не дожил до ее успеха и никогда уже не узнает о нем.

За проволочной оградой мальчишка пас коров и играл на дудке; у него это неплохо получалось.

Идя обратно пыльной дорогой, Ася дышала степными запахами, думала о тех, с кем сталкивала ее жизнь, о том, как много в мире хороших, вдохновенных людей, и, что бы там ни болтали разные циники, благодаря единственно им, этим людям, прекрасна жизнь.

ВРАЧУЮЩИЕ АТОМЫ

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Случай в клинике

Страшно стоять на берегу, видеть, как медленно, но неотвратимо тонет человек, и отчетливо сознавать, что ты не в состоянии помочь ему. Такое примерно чувство переживали врачи одного из терапевтических отделений столичной больницы имени Боткина, собравшиеся 30 мая 1958 года у постели больной С. Диагноз был лаконичен и грозен: митральный порок сердца, сердечная недостаточность III степени. Записи в истории болезни напоминали рецептурный справочник. Они отражали настойчивые попытки врачей спасти больную женщину, в глазах которой медленно меркли последние искорки.

Профессор еще раз приложил стетоскоп к груди С. и, прищурив глаза, старался отыскать среди знакомых шумов хотя бы один обнадеживающий тон. Нет! Больное сердце уже не справлялось с обычной нагрузкой, оно захлебывалось и замирало.

Если бы только можно было хоть временно, на какие-то минуты или часы снять часть непосильного груза! Сердце замедлило бы свой судорожный бег, и, кто знает, сколько еще месяцев или лет оно могло бы оставаться работоспособным! Но как облегчить сердце, если оно уже почти не реагирует на возбуждающие и тонизирующие средства?

Профессор медленно свернул стетоскоп, посмотрел в окно, за которым раскинулся зеленый шатер больничного парка, и тихо сказал что-то лечащему врачу...

Через несколько минут в кабинет заведующего кафедрой радиологии Центрального института усовершенствования врачей Василия Корниловича Модестова вбежала запыхавшаяся женщина в белом халате.

— Прошу извинить. Я к вам от профессора-терапевта...— Она назвала имя одного из видных советских ученых и кратко рассказала о положении больной.— Необходима ваша помощь...

Василий Корнилович Модестов быстро пробежал по строкам истории болезни, на мгновение задумался и сказал, что надо попробовать применить радиоактивный йод.

— Йод? При сердечной недостаточности?

— Да, да,— подтвердил профессор.— Радиоактивный йод.

Почему же все-таки йод!

С появлением на вооружении медицины меченых атомов все реальнее стало вырисовываться многое из того, о чем вчера еще можно было лишь строить догадки.

Меченые атомы дали новую пищу для раздумий, например, о роли щитовидной железы. Ее гормон — тироксин — весьма сильнодействующее оружие. Если организм не получает своей нормы тироксина, человек буквально перерождается: еще вчера деятельный, энергичный, он вдруг становится сонливым и забывчивым, глаза прячутся за отечными веками, голос делается неприятно трескучим, сердце бьется медленно, точно нехотя. Но едва ли бывает лучше, когда поступление этого гормона в кровь повышено: с изумляющей быстротой спокойный человек делается раздражительным, суетливым, с трудом засыпает и при первом шорохе открывает глаза. А посчитайте у него пульс, измерьте артериальное давление — все ускорено, все не в норме.

Когда сердце и без того резко ослаблено болезнью, когда ему трудно с обычной быстротой прогонять по жилам кровь, обильное поступление тироксина вконец изматывает его.

Профессор В. К. Модестов.

Однако как умерить активность железы? Врачи вспомнили, что она имеет свойство жадно захватывать львиную долю йода, вводимого в организм. Подсчитано, что концентрация йода в ней может в 5 тысяч раз превышать его содержание в крови. Йод нужен щитовидной железе для выработки тироксина, который почти на две трети состоит из этого элемента.

И вот родилась идея: а что, если «обмануть» щитовидную железу? Дать ей вместе с йодом еще и губительное для ее нежных клеток радиоактивное излучение? В результате должно наступить быстрое снижение функции железы и сокращение количества посылаемого в кровь гормона.

30 мая больной С. дали выпить из пробирки немного глюкозы с радиоактивным йодом. И произошло то, на что надеялись врачи: тироксин перестал подхлестывать сердце и этим значительно облегчил его работу.

Йод и рак

Профессор Модестов проводил заключительные занятия с группой зарубежных специалистов. Было много вопросов, пожеланий, благодарностей. Время летело незаметно, и только для черноволосой, молодой с виду женщины, сидевшей в коридоре у дверей аудитории, оно тянулось нестерпимо медленно. Инженер Нина А. ждала профессора с таким же трепетом, с каким обычно подсудимый дожидается приговора.

Два года назад у нее обнаружили злокачественную опухоль щитовидной железы. Опухоль удалили. Но вскоре опасность нависла с новой силой: появились отпочкования опухоли — метастазы. Нож хирурга был уже бессилен. Доцент 1-го Медицинского института М. П. Домшлак вынужден был сказать Нине А. (он постарался сделать это как можно деликатнее), что ее болезнь требует применения новых методов лечения. Женщина все поняла. Не мигая, она смотрела ему прямо в глаза, и не было сил выдержать это безмолвное ожидание, невысказанный вопрос.

— Я дам вам письмо к профессору Модестову,— мягко закончил доцент.

И вот А. на кафедре радиологии.

Оживленный, немного утомленный после лекции Василий Корнилович выходит из аудитории.

— Я к вам, профессор.

«Многоуважаемый Василий Корнилович! — писал доцент Домшлак.— Буду вам очень признателен, если найдете возможным принять эту больную. У А. два узла справа в наружном треугольнике шеи (размером 2 и 1,5 сантиметра), образование на своде черепа и уплотнение без резких границ (приблизительно 4×3 сантиметра) на правой молочной железе. Гистологическая структура: карцинома».

Профессор Модестов долго, не торопясь прощупывает своими тонкими, точно зрячими пальцами одну за другой злокачественные опухоли. Да, природа зло, немилосердно обошлась с этой сорокадвухлетней женщиной. Можно ли еще помочь ей?

В памяти всплыл апрель 1957 года. Здесь же, в этом же кресле, сидел тогда директор столичного театра и взволнованно рассказывал о горе, постигшем актрису. У нее удалили раковую опухоль щитовидной железы, а через полгода огромное, диаметром в 5 сантиметров, новообразование появилось в правом легком. Директор приехал просить о помощи.

Модестов понимал, что риска в данном случае не было: хирурги уже исчерпали свои возможности, онкологи тоже. И он решил применить радиоактивный йод.

...Наблюдения других ученых и его собственные многочисленные эксперименты подтверждали, что радиоактивный йод концентрируется не только в самой щитовидной железе, но и в метастазах (отпочкованиях) ее злокачественных опухолей. Модестов решил попытаться погасить раковый очаг в легком актрисы с помощью изотопа йода. Но вот вопрос: какую дозу назначить? Дать мало — опухоль останется и будет дальше расти, дать много — погибнут не только перерожденные, но и здоровые клетки. Как быть?..

Десять унций меченых лучей

Великий врач и химик эпохи Возрождения Парацельс, которого современники обвиняли в применении ядов, отвечал своим критикам: «А знаете ли вы, что есть яд? Все есть яд, ничто не лишено ядовитости; и все есть лекарство. Одна только доза делает вещество ядом или лекарством».

Доза... Модестов давно уже бился над этой загадкой. Он знал, что единого мнения у ученых здесь нет. Одни вводят больным

Идет очередной эксперимент с кроликом. Ассистент А. Козырева вводит радиоактивные вещества.

Фото С. Фридлянда.

сразу по 100 милликюри радиоактивного йода, другие — 200—240, третьи — 300, четвертые — даже 600. В то же время имеются и сторонники очень малых доз — порядка 1—3 милликюри.

Все в Модестове протестовало против подобной пассивной, «слепой» тактики. Еще в 1951 году, заинтересовавшись другим заболеванием щитовидной железы — тиреотоксикозом (базедова болезнь), он начал применять дробное введение небольших доз меченого йода. С тех пор через его руки прошло более 450 таких больных. 92,3 процента из них выздоровели, и только в 0,9 процента случаев отмечались осложнения.

Сравнительно недавно один из советских исследователей в специальном обзоре суммировал опыт лечения тиреотоксикоза радиоактивным йодом, накопленный во всех странах мира. И что же? Сопоставление результатов целиком в пользу щадящего метода, примененного Модестовым. У него поправились 92,3 процента больных, а из 5 тысяч человек, о которых идет речь в обзоре, выздоровели лишь 79,8 процента. И, кроме того, у 9,7 процента больных развилась микседема — болезнь, обусловленная хронической нехваткой в организме тироксина. Значит, йод излишне сильно подавлял работу щитовидной железы.

И вот жизнь поставила исследователя перед новой проблемой: найти верную дозу меченого йода при метастазах рака щитовидной железы.

Если следовать в фарватере тех, кто верит в сокрушительные, тотальные удары по новообразованию, то надо дать актрисе не менее 100 милликюри и пассивно дожидаться результатов. Но разве сотни лабораторных экспериментов не доказали, что меченый йод быстро покидает организм? Так, уже за первые 24 часа из 100 милликюри выводится 55 процентов, за 48 часов — 82 процента, за 72 часа — 92 процента. Какой же смысл ждать с повторным воздействием полтора месяца? Не лучше ли назначать йод в меньших количествах, но чаще?

Актриса выпила с глюкозой первые 10 милликюри меченого йода. Затем трижды, с перерывом в 5 дней, введения повторялись. Потом разовую дозу увеличили до 15, наконец, до 20 милликюри. Все время Модестов и его помощники пристально следили за состоянием больной, за составом крови, работой сердца, почек.

Результаты? О них лучше всего рассказывает серия рентгенограмм. Уже через 5 месяцев диаметр опухоли уменьшился с пяти до двух сантиметров. Еще через 2 месяца он уменьшился до полутора сантиметров. Вскоре опухоль начала осумковываться, обызвествляться.

С тех пор прошло много времени. Актриса Н. продолжает работать в театре.

Что же касается инженера Нины А., то и она благополучно здравствует. Лишь время от времени эта женщина является к профессору Модестову, чтобы пройти очередной осмотр и вновь поблагодарить его.

Рассказывает аспирант Кинь

Двадцативосьмилетнюю Софью К. доставили в травматологическое отделение больницы ночью.

Утром профессор-хирург осмотрел девушку и, обращаясь к окружившим его студентам-практикантам, сказал:

— Банальный случай перелома плеча. Недельки через 3—4 больная забудет о своей неосторожности!

Но... предсказание уважаемого хирурга не оправдалось. Прошел месяц, второй, третий, шел к концу четвертый, а кость все не срасталась. Бывают такие случаи! Заходя теперь в палату, где лежала К., врачи с виноватой улыбкой шутили:

— Подводите вы, дорогая, медицину. Нельзя так...

Но профессору было, конечно, не до шуток. В один из этих дней к нему в кабинет тихо, почти неслышно вошел невысокого роста черноволосый юноша и, застенчиво улыбнувшись, представился:

— Аспирант Кинь.

Старательно подбирая русские слова, он спросил, нет ли в клинике больных, которых профессор считал бы нужным лечить с помощью радиоактивных изотопов.

Минут через десять Кинь уже был на кафедре радиологии (она размещается в этой же больнице) и взволнованно рассказывал своему шефу, профессору Модестову, о Софье К.

...Еще в годы войны некоторые хирурги обратили внимание на такое явление: у раненых, которым чаще делали рентгеновские снимки, переломы срастались относительно быстрее. Неужели так действуют рентгеновы лучи?

Профессор Модестов решил проверить: может быть, радиоактивные изотопы оказывают благоприятное действие при переломах?

Новую научную тему поручили молодому вьетнамскому врачу аспиранту товарищу Кинь. Эксперименты подтвердили предположение профессора.

Теперь можно было в клинике испытать разработанную методику.

Первой оказалась К. Вместе с новокаином Кинь ввел ей в область перелома между несросшимися концами кости 2 микрокюри радиоактивного фосфора. Уже через две недели на снимке явственно обозначилась костная мозоль, образования которой так долго и тщетно добивались травматологи.

...Разрывая сиреной тишину больничного парка, промчалась карета «Скорой помощи». Только что под трамвай попал Сергей П. У него перелом обеих бедренных костей, одна из них повреждена в двух местах.

Пострадавшего сразу положили на операционный стол. После того, как кости были плотно соединены с помощью гвоздей Дуброва, хирург наложил на места переломов фибринную пленку, пропитанную радиоактивным фосфором. Затем раны зашили.

Обычно для заживления такой серьезной травмы требуется не менее полутора — двух месяцев. У П. костная мозоль начала появляться через 14 дней. Это уже практический результат исследований русского профессора Модестова и его ученика, вьетнамского врача Кинь.

* * *

Мы приоткрыли сегодня дверь в одну из научных лабораторий, занятых использованием атомной энергии в мирных целях, лишь для того, чтобы показать: работа идет! Вот какова перспектива!

Но пусть не будет среди нас нетерпеливых. Борьба против человеческих недугов — длительная, осадная война, в которой нет места лихим атакам и молниеносным победам. Даже вооружение лечащего врача таким могучим оружием, как атомная энергия, не меняет основного характера этой упорной баталии, ведущейся наукой во имя здоровья и долголетия человека.

Всем известны слова Станиславского о том, что театр начинается с вешалки. Но, проходя от вешалки к своему месту, вы непременно встретитесь с билетершей. И если она строго и презрительно даст вам понять, что ваше место не в первом ряду, а в двадцатом, то вы пожалеете, что на этот раз вас встретила не Анна Мартыновна Ерарте. Работает Анна Мартыновна в Риге, в академическом театре драмы. Она хорошо понимает, что в театре вы ждете добра не только от драматурга и режиссера, но и от билетерши.

Фото В. Тарасевича.

Шофер такси — женщина. Это очень обрадовало пассажирку с двумя ребятишками. Не потому, что она не доверяет мужчинам-шоферам, вовсе нет! Но ведь во время поездки так приятно поговорить по душам, как это умеют делать незнакомые женщины. И, возможно, вильнюсский шофер Елена Корычевайте расскажет, что она водит машину уже 18 лет и что у нее тоже есть пятилетняя дочка. Вспомнить о таком милом шофере — одно удовольствие.

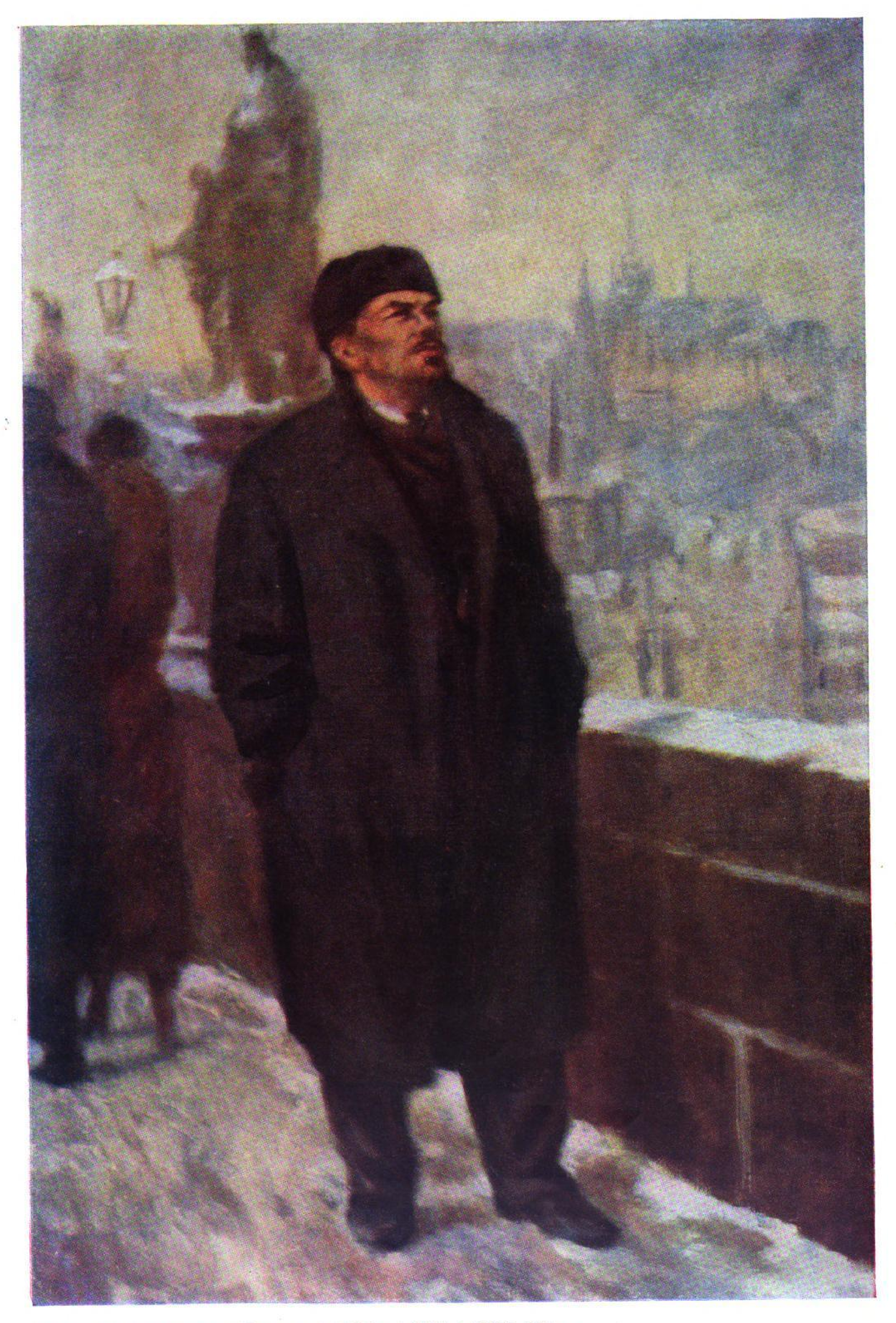
Фото Ю. Каценбергаса.

Н. М. Корчагин. ПОРТРЕТ ЗАСЛУЖЕННОГО ВРАЧА РСФСР Н. М. САМОРОДОВОЙ.

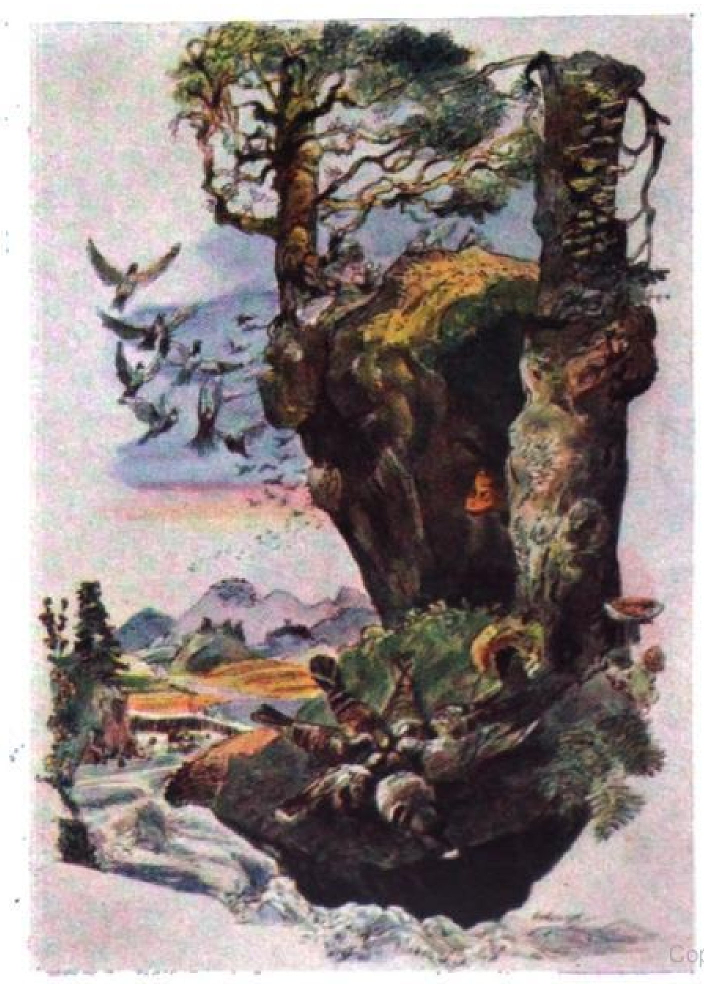
Выставка живописи и скульптуры

Мартин Сладки (Чехословакия). ЛЕНИН НА КАРЛОВОМ МОСТУ В ПРАГЕ. 1954 год.

Ян Славичек (Чехословакия). ПРАГА ЗИМОЙ.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Иозеф Лизлер (Чехословакия).
ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИИ К БАСНЯМ БИДПАЯ.
Акварель. 1955 год.

А. А. Дейнека. ДОЯРКА.

Выставка «Наш современник».

Б. И. Казаков. У ЧАСОВ.

Выставка живописи и скульптуры

На завалинке

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Рисунки С. ДУДНИКА.

С годами художник Васильев все чаще стал испытывать потребность побывать в родном городе. Подсчитывая, сколько лет он не был в нем, Васильев ужаснулся ходу времени, которое отлистывает, как книгу, десятилетия. Из всех близких, некогда обширной семьи, осталась только старшая сестра, Лиза, старая учительница. В одном из редких писем к нему она как бы вскользь написала, что не хочется еще уходить на пенсию, хотя уже и пора, и Васильев с тем же изумлением и горечью подсчитал, что Лизе, этой веселой, неутомимой, с золотыми косами, уже под шестьдесят лет.

Человек всегда боится глубоко шевелить прошлое. Он видит тогда, сколько не осуществил из задуманного, как много совершил на своем пути ошибок и как безвозвратно потерял то, что не сумел в свое время ценить. Но вместе с тем молодые годы всегда влекут к себе, потому что с ними связаны чистота помыслов, мечты и уверенность, что лучшее в жизни не пройдет мимо, стороной...

С этим чувством, что предстоит вспомнить многое из прошлого, Васильев приехал в родной город. В школе уже начались каникулы, и он застал сестру Лизу, которую все почтительно называли Елизавета Ивановна, дома.

— Боже мой, Лиза, сколько же мы не виделись! — сказал он с искренним чувством, целуя сестру.

Что-то не стираемое никаким временем было в родных чертах ее лица, и теперь Лиза еще больше походила на отца, каким он был в последние годы своей жизни. Даже седина как-то затерялась в золотых волосах, словно они только запылились в дороге. Был и брат таким же, каким она помнила его с детства: невысоким, с круглым румяным лицом и черной щеточкой волос; только румянец стал чуть кирпичного оттенка, а в черной щеточке волос появилось нечто схожее с барсуковой кистью.

— Милый мой барсучок! — сказала Елизавета Ивановна с нежностью, целуя его в лоб у основания волос, и не потребовалось даже пояснять, почему она так назвала его.— Честное слово, я по тебе так соскучилась, что и не скажешь!

— Я тоже соскучился, Лиза.— Он несколько раз поцеловал с обеих сторон ее руку.— Конечно, ничем нельзя оправдать, что мы с тобой так редко видимся. Откровенно говоря, я поджидал, что ты приедешь в Москву.

— Да не получалось все как-то... то занятия в школе, то экзамены. А летом огородик я завела, цветами на старости лет увлекаюсь,— улыбнулась она, и Васильев увидел, что, действительно, в доме полно цветов: в вазе стоят пионы, а под окном в садике качаются и словно заглядывают в комнату белые и фиолетовые мальвы. И та неозабоченная тишина детства, какая была в этом домике в пору жизни родителей, как бы вернулась на миг и мягко и грустно проникла в самое сердце. Лиза была в свое время замужем, но мужа давно потеряла, детей у них не было, и она воспитывала только девочку-сиротку, дочь двоюродной сестры, умершей несколько лет назад.

Все в доме осталось, как было в детстве, но появилось и новое: три больших шкафа с книгами, которых прежде не было, и какая-то почетная грамота в рамке, и старинные пяльцы, на которых Лиза, должно быть, учила вышивать воспитанницу. Они сели за стол, уже заранее накрытый для завтрака.

— У тебя прямо как в саду,— сказал Васильев, чуть отодвигая в сторону вазу с пионами.

— Цветы — хорошие друзья,— ответила Елизавета Ивановна, и можно было понять, что она чувствует себя одинокой.

— Ах, сестренка, сестренка,— покачал он головой,— как быстро идет время! Когда-то отец подарил мне цветные карандаши, это и было, вероятно, началом моей порчи... Жизнь художника всегда тревожная, всегда недоволен собой, всегда кажется, что ничего путного не сделал. Твоя работа педагога куда более благодарная. Видишь результаты своих трудов, выводишь молодых на дорогу жизни, следишь за их судьбами.

— Да, в этом отношении я богата,— сказала Елизавета Ивановна задумчиво. — Столько хороших ребят, и со столькими я до сих пор связана, хотя многие из них и сами уже стали учителями или учительницами!

Васильев поглядел на сестру.

— Что ты меня разглядываешь? — вдруг слегка смутилась она.— Старая стала?

— Да нет... надо бы написать твой портрет. Я попробую.

— Ну вот еще, нашел Джоконду!.. нет уж, милый, в свое время не написал, а сейчас ни к чему!

Но он задумчиво продолжал разглядывать ее лицо с серыми, не утратившими притушенной прелести глазами, со знакомой родинкой на щеке, трогательно поблекшей и тронутой морщинками... У стареющей женщины первыми появляются складочки возле губ, те полудужки, которые все глубже и глубже, как бы резцом, наносит время.

— Все равно напишу,— сказал он. — Не захочешь позировать, по памяти напишу... Я ведь твое лицо наизусть знаю.

— Давай о чем-нибудь другом, поинтереснее,— отмахнулась она.— Ты непременно в нашей художественной школе побывай. Некоторые молодые художники специалистами по фарфору стали, такие сервизы расписывают, что только в музее хранить. Кстати, и в музей наш зайди, там есть кое-что из живописи.

— Зайду, конечно... вот уж не предполагал, что в нашем городке будет когда-нибудь музей!

Васильев пил чай, думал о своем; знакомая с детства кукушка вдруг выскочила в распахнувшейся дверце старинных шварцвальдских часов и вдовьим голоском прокуковала одиннадцать раз.

— Даже кукушка наша жива! — сказал Васильев не то растроганно, не то сокрушенно: как мог он все-таки за столько лет только теперь собраться сюда?

Потом он с сестрой прошел в садик, почти сплошь залитый цветами; огород в глубине был тщательно прополот, и Васильев увидел ту Люсеньку, которую воспитывала сестра. Это была худенькая смуглая девочка со смелыми, чуть цыганскими глазами, какие были у двоюродной сестры.

— Ну, приехал он наконец, дядя Миша! — сообщила Елизавета Ивановна не без гордости.

Руки у девочки были в земле, она быстро отерла их о край передника.

— Вот с кого портрет писать,— сказала Елизавета Ивановна, по-матерински оправляя на худеньких плечиках девочки завернувшиеся бретели, и можно было почувствовать, как она привязана к ней.

— Что ж, можно будет написать портрет и этой дамы,— ответил Васильев, задержав в своей руке руку девочки.

— Я не дама,— сказала она с достоинством.

— А кто же ты?

— Люся.

— Ну, разумеется, Люся.

Он наклонился и поцеловал ее в теплый пробор нагревшейся под солнцем головы.

И все как-то сразу стало на свои места, словно он не уезжал на долгие годы из этого домика: и сестра, известная всему городу, уважаемая учительница, и часы с кукушкой — все с тем же загадочным, всегда что-то сулящим голоском,— и девочка, уже доверчиво идущая рядом с ним, о котором, наверное, столько хорошего наговорила по сестринскому великодушию Лиза...

— Так ты пройдись по городу, Мишенька, а я займусь по хозяйству. Надо мне все-таки угостить тебя как следует,— сказала Елизавета Ивановна.

Он помедлил.

— Наверное, почти никого из тех, с кем был я знаком, уже не осталось,— вздохнул он, страшась почувствовать себя в родном городе приезжим.

— Да, время идет, Мишенька! — вздохнула, в свою очередь, сестра.—И война какая была... одних недосчитаешь, другие поразъехались. Знаешь, кто о тебе часто справляется?.. Помнишь Машу Агееву? Она сейчас в нашем музее работает.

— Маша Агеева?.. Да неужели?! — И Васильев с какой-то внезапной сердечной болью вспомнил давнюю, перевернутую страницу своей жизни, когда милая, с близорукими глазами, с гладко причесанными каштановыми волосами Маша готова была пойти с ним хоть

на край света, и он, испуганный силой ее любви и решимостью, постарался все притушить и свести к мимолетному увлечению.

— Боже мой, как идет время!..— вздохнул он.— Так, может быть, и начать с музея? Где он помещается?

— Помнишь особняк купцов Елистратовых? В нем одно время был детский дом.

— Да, конечно...

— И часовщик Моисей Иванович жив, наверное, ты его не забыл,— сказала сестра с живостью, довольная, что остались еще те, кого брат знал с детства.— Сейчас он на пенсии, но такие замечательные вещи делает! Недавно из Москвы приезжали смотреть его механизмы.

Словно сильный ветер дул теперь из той долины юности, которая казалась навсегда оставленной, как остаются позади школьные годы, мимолетные привязанности и те первые шаги, которые с вершин познания жизни кажутся наивными или даже смешными... Но когда проходит время, дивишься тогдашней своей свежести чувства и сожалеешь, что давно ничего не осталось от смелой и неосторожной молодости.

Васильев хорошо помнил особняк Елистратовых, где в первые годы революции помещался детский дом для сирот погибших в гражданскую войну. Дом был надстроен, и возле старинного крыльца под навесом теперь висела дощечка с указанием, по каким дням и в какие часы музей открыт для посещений. Был как раз понедельник, когда музей закрыт. Васильев разочарованно обогнул дом и вошел во двор; вход с тыловой стороны дома оказался открытым. В пустом коридоре с развешанными по стенам фотографиями была музейная тишина. Васильев прошел по коридору и увидел сквозь открытую дверь в одной из боковых комнат работавшую за столом женщину. Она подняла голову и посмотрела в его сторону.

— Нельзя ли повидать товарища Агееву? — спросил Васильев, вспомнив вдруг, что не узнал у сестры, не другая ли сейчас у Маши фамилия.

— Я Агеева,— сказала женщина.

Она сняла очки, в которых работала. Теперь, вглядевшись, Васильев с трудом узнал в строгом, болезненно-бледном и обвянувшем лице женщины знакомые черты; только близорукие глаза смотрели с давним мягким выражением.

— Ну, здравствуйте... Художник Васильев, иначе Миша... Узнаете?

— Боже мой!..— воскликнула женщина.— Наконец-то вы приехали.

— Спасибо, что не забыли меня,— сказал Васильев чуть растроганно.— Мне сестра передавала, что вы иногда справляетесь обо мне.

Было в облике женщины нечто, говорившее об ее несложившейся судьбе.

— Я всегда о вас помнила,— сказала она твердо.— Кроме того, я не могла забыть вас хотя бы потому, что я музейщик.

— Как так? — удивился Васильев.

— А вы не знаете разве, что у нас в музее есть некоторые ваши картины? Кое-что мы получили от вашей сестры, кое-что приобрели в Москве. У нас ведь целая комната наших знатных земляков.

— Ничего не знал об этом,— признался Васильев.— Но почему же вы не написали мне? Я бы непременно прислал для музея что-нибудь самое лучшее из своих работ.

Женщина на миг замялась.

— Знаете, неловко как-то напоминать о себе... время ведь так все изменяет. Может быть, вы подумали бы об этом как-нибудь иначе, я на этот счет всегда была мнительной. Так хотите посмотреть ваши вещи? — перевела она разговор на другое.

Он прошел за ней в ту комнату, где среди фотографий знатных земляков был и его откуда-то добытый увеличенный портрет. По бокам портрета висели два его ранних этюда: дворик родного дома и березовая роща за городом, та самая, в которой бывал он с Машей и где, тесно обняв его за шею рукой и глядя в его глаза нежными близорукими глазами, она сказала, что любит его на всю жизнь,— да еще рисунок натурщика, которого рисовал он в натурном классе художественного института. Все другие изображения были в этой комнате тоже аккуратно развешаны, но в том, как было выбрано для его этюдов наилучшее освещение, чувствовалась особая забота.

— Я обязательно пришлю вам несколько лучших моих работ, если у вас найдется место, где повесить,— сказал Васильев.— И не думайте, Маша, что я совсем забыл вас... нет, просто жизнь сложна, быстро идет, и не успеваешь иногда сделать самое главное.

Она не надевала очков, хотя, видимо, ей уже было трудно без них: в этом была тщетная и трогательная попытка сохранить прежний свой облик, хотя бы и в приближении.

За годы его работы у Васильева было приобретено немало акварелей для музеев и даже для Третьяковской галереи, но эти первые, ранние этюды на стене, в комнате земляков, этот остановленный в своем движении ход времени, эта женщина, которая когда-то любила его и теперь, как бы выполняя лишь свои обязанности музейного работника, развешивала его картины,— все это обратило к тому самому важному и неповторимому, с чего началась жизнь...

Они сели на стулья, расставленные вдоль стен для посетителей.

— Я знаю, как это, впрочем, знает каждый человек о себе, что пропустил в своей жизни многое,— сказал Васильев.— Но мне всегда казалось, что так и устроена жизнь: одно уходит, другое приходит взамен... И все же самое главное — то, что заложено с юности, будь то привычка к своим обязанностям или первое чувство, которое никогда уже в такой чистоте не повторится.

Она молчала, сжимая в руках свои очки.

— Вы, Маша, тоже чистая и глубокая страница моей жизни,— сказал Васильев,— и хорошо, что я могу сказать вам об этом, хотя бы с таким опозданием.

Она смотрела теперь на него в полутьме прикрытой снаружи ставнями залы, смотрела, словно вспоминая и сравнивая, долгим, ни разу не обманувшим его, не обманывающим и теперь взглядом женщины, которая любила его и продолжала любить по глубокой памяти своего состарившегося сердца.

— Как хорошо все-таки, что вы приехали,— сказала она только.— Если вы действительно захотите прислать что-нибудь для нашего музея, мы будем вам так благодарны.

Она опять как бы заслоняла своими обязанностями истинное чувство.

— Не надо, Маша... музей музеем, а мы с вами — это мы с вами. Мне жалко только, что я не приехал раньше, не приезжал часто... Человек не имеет права откладывать встречу с тем, что ему дорого.

Но ей тоже показалось, что он заслоняет этими общими фразами то, что надо сказать просто и искренне. Он понял ее и смешался.

— А в общем, это чудесно, Маша, что я встретил вас именно в музее, и вообще все чудесно.

Он осторожно высвободил из ее рук очки и дважды поцеловал руку.

Васильев вышел из музея растроганный, представляя себе, как одинокая фигура Маши снова склонена в музейной тишине над рабочим столом: может быть, она составляла каталог или писала историю музея.

Некогда пыльная главная улица была теперь заасфальтирована, и жители привычно дожидались у остановок автобусов, таких же, как в

— Да ведь это же Ксения Васильевна! — воскликнет тот, кто лечился и выздоровел в Ленинградской больнице имени Куйбышева. И обязательно прибавит:— Удивительно добрая и отзывчивая женщина!

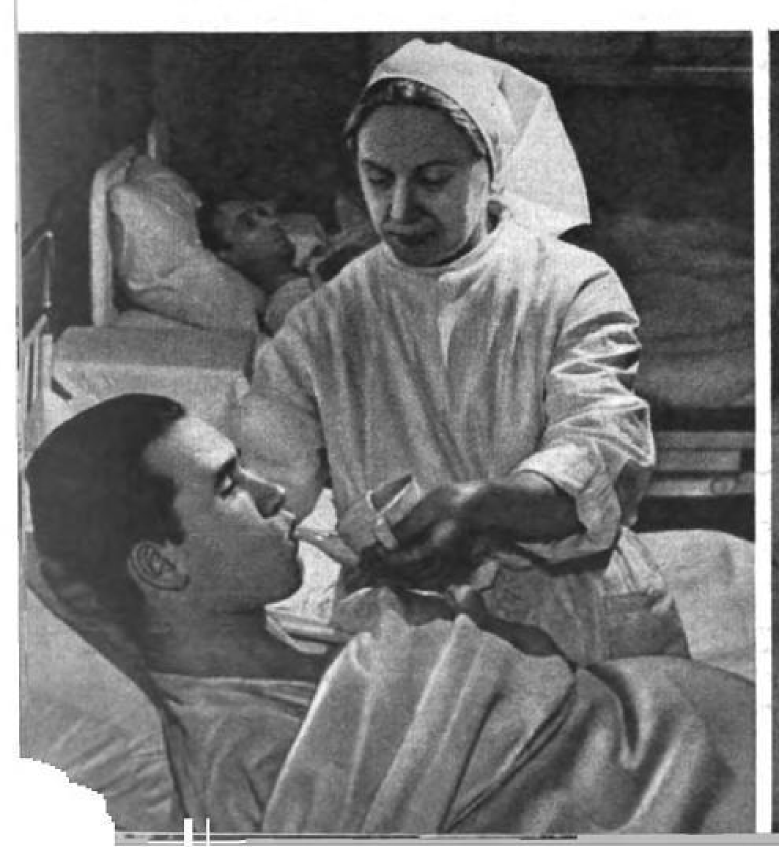
Пусть же о санитарке К. В. Янушевской узнают не только ленинградцы! Фото Б. Уткина.

Снимая трубку телефона, вы никогда не думаете о той, которая соединит вас с любимой, с другом, с товарищем, иногда за тысячи километров. Кто она? Например, Нила Мартыненко — лучшая телефонистка Симферопольской междугородной станции. Не надо нервничать в телефонной будке. Нила позаботится, чтобы вы не потеряли напрасно ни минуты. Все остальное — уже ваше личное дело.

Фото Г. Бородина.

Зинаида Викторовна Бородкина отправляет поезда на станции московского метро «Измайловская». Если кто-нибудь из пассажиров и пропустит два — три поезда, то это лишь по ее вине: никак не наглядится на четкую работу обаятельной дежурной.

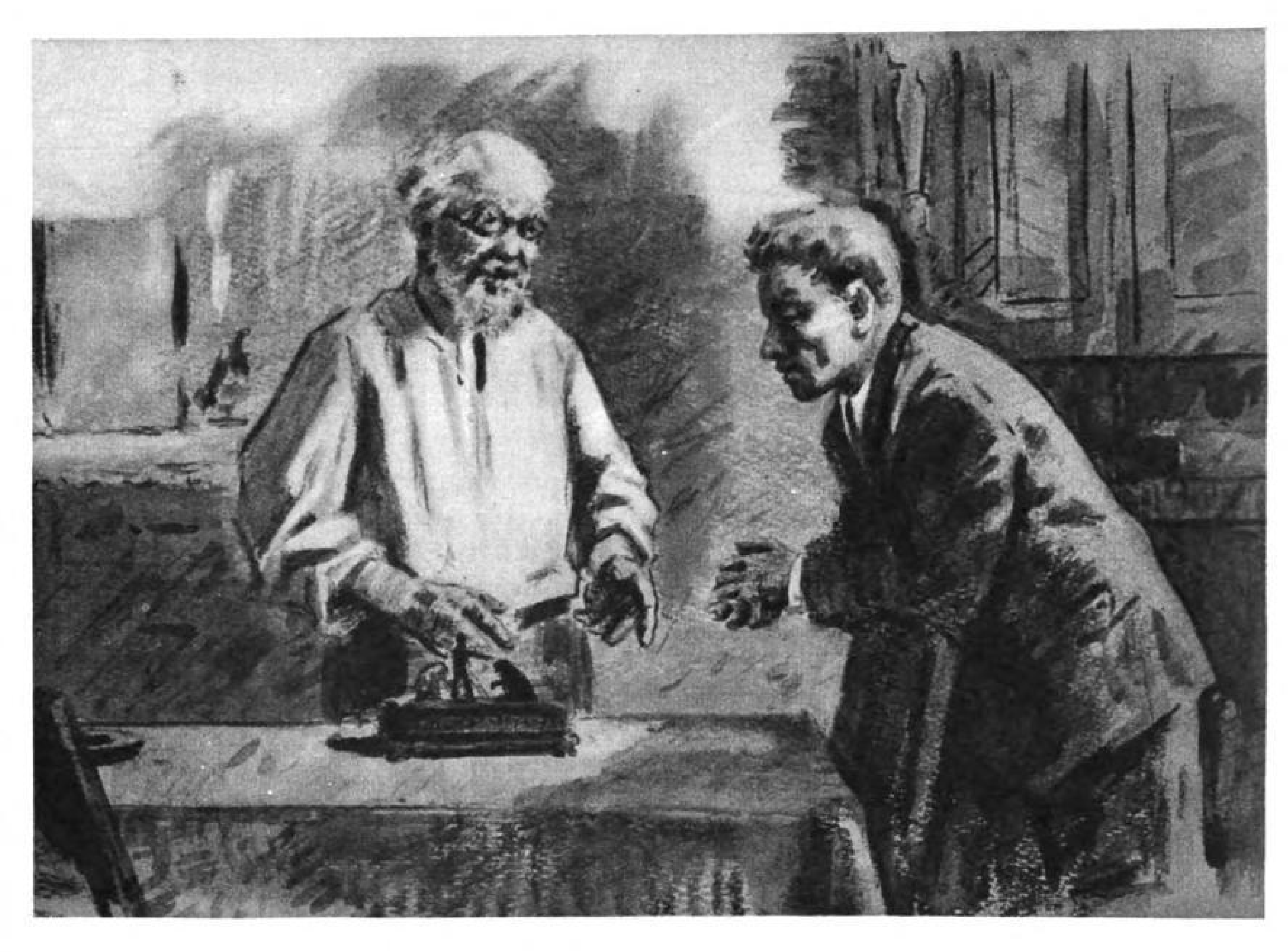
Фото Риммы Лихач.

Москве; город разросся, соединился с соседним поселком — городком рабочих силикатного завода и фарфоровой фабрики, и теперь уже нельзя было понять, где кончается одно и начинается другое. Возле площади с новым зданием универмага и соседствующим обширным, выкрашенным в охровый цвет административным зданием, вероятно, городским Советом, Васильев огляделся. Часовая мастерская, в которой работал когда-то Моисей Иванович, была цела, только носила теперь строгое название «Точное время».

Моисей Иванович был кудесником его, Васильева, детства: в окне его мастерской висели часы, на циферблате которых кузнецы молотками отбивали по наковальне минуты, а когда приходило время бить, распахивалась дверца ярко-красного горна, и в ней начинало метаться пламя. На других часах китайские болванчики принимались в момент боя серьезно и укоризненно качать головами, их голые животы лоснились, и Миша Васильев представлял себе удивительный, волшебный Китай с золотыми драконами и заморскими птицами...

В мастерской «Точное время» все знали Моисея Ивановича и с готовностью указали, где он живет: он жил через улицу, в том же доме, в котором жил всю жизнь.

Очень маленькая старушка, почти по грудь Васильеву, открыла ему дверь.

— Вам Моисея Ивановича? — спросила она, видимо, привыкнув к частым посещениям.— Заходите.

В комнате со всех сторон что-то звучало и свиристело, как в зоологическом магазине. Всюду работали маятники часов. На столе стояла детская железная дорога. В золоченой клетке сидели на ветках металлические птички в перышках.

— Вы меня, Моисей Иванович, конечно, не помните,— сказал Васильев минуту спустя вышедшему из задней комнатки старику.— Миша Васильев... когда-то, школьником, я проводил у вас в мастерской целые дни.

Старик мягко задержал в своей руке его руку, вглядываясь сквозь толстые стекла очков.

— Вот и хорошо,— сказал он добродушно, конечно, не узнав его.— Ко мне многие из молодежи заходят... я их к механике приучаю. Ты тоже по механике?

— Нет, я художник. Пишу картины.

Но старик остался, видимо, равнодушен к его профессии: его интересовали только механики.

— Я так доволен, что вижу вас снова! — сказал Васильев, искренне радуясь, что старик, кусок его детства, жив, что-то еще мастерит, и, наверное, стоит только завести пружинку — и начнет действовать железная дорога, запоют и затрепещут крылышками птички на ветке, и пойдет гулять по мастерской веселый шум.

— Тебе, может, посмотреть на что-нибудь охота? — спросил старик, угадав его мысли.

Он придвинул круглую клетку, изображавшую арену цирка со львами, завел пружинку, дрессировщик взмахнул палочкой — и львы послушно стали прыгать под музыку с табуретки на табуретку. Было удивительно не то, что Моисей Иванович еще создает свои механизмы, а что, только приехав в родной город, он, Васильев, вспомнил о нем и захотел его увидеть. А ведь, может быть, именно Моисей Иванович со своим волшебным миром, со своими золотыми китайскими драконами и кузнецами, отбивающими на наковальне время, разбудил в нем художника, определил дорогу его жизни, населил его мир богатством воображения и красок...

— Так ты заходи,— напутствовал его четверть часа спустя старик.— Ко мне многие заходят. Вот мне уже восемьдесят шестой год пошел, пора бы на печке полежать.— Он засмеялся мягким, почти беззубым ртом.— Да молодежь наша механику любит, как ей откажешь?

Он проводил Васильева до двери, вероятно, уверенный, что услужил еще одному одержимому искусством механики.

— Погоди-ка,— сказал он вдруг, все же вспомнив о его профессии,— внук-то мой, Николай, тоже ведь по твоему делу пошел... на фарфоровой фабрике художником. Обожди, я к тебе его вышлю, он как раз на обед пришел.

И Васильев подумал, что если внук стал художником и, значит, обманул надежды деда сделать его механиком, то влечение к живописи оказалось для него сильнее всего на свете. Фарфоровая фабрика была тут же, в городе, и, наверное, только Маша, изучая историю города, могла бы сказать, выросла ли фабрика при городе или город разросся при фабрике.

— Зря вас от обеда оторвали,— сказал он минуту спустя высокому юноше с такими тонкими соболиными бровями, что они были под стать девушке.— Но ваш дед был моим первым учителем... может быть, именно благодаря ему я и стал художником. Моя фамилия— Васильев.

— Это не ваши ли работы висят у нас в музее? — спросил Николай живо, поразив Васильева своей осведомленностью.— Я ведь копировал ваш этюд с березами... Меня за эту копию и приняли в художественное училище при нашей фабрике. А сейчас я уже третий год работаю художником.

— Вот уж не думал, что мои слабые, ранние работы могут что-нибудь значить!.. Мне даже не было известно, что здесь есть музей, а в нем — мои картины.

— А я вас сразу узнал по фотографии,— признался Николай расположенно.— Вы ведь брат Елизаветы Ивановны, а она была самой моей любимой учительницей в школе.

— Вот оно что...— задумался Васильев на миг.— Знаете ли, приходите-ка к нам после работы,— предложил он дружески.— Мы с вами и насчет живописи потолкуем и насчет всего на свете. И захватите что-нибудь из ваших вещей.

За годы, что не был он в родном городе, здесь построили новые школы и техникум, и теперь у большинства, кто шел ему навстречу, были в руках книжки или рулоны с чертежами— техникум был механический,— и Васильев шел и думал, что Моисей Иванович, наверное, не нарадуется, как разрослась семья механиков.

— Три хорошие встречи в первый же день,— сказал он, вернувшись домой и садясь рядом с сестрой на знакомый с детства диван.

— Маша — умница, можно сказать, ее руками создан наш музей, а Николай — чудесный парень... да и художник отличный, посмотришь его работы,— отозвалась Елизавета Ивановна, выслушав, как провел брат утро.— А про Моисея Ивановича даже в газетах пишут, недавно в областной газете была целая статья под названием «Чудесный механик»,— сказала она с теплотой.—Как хорошо все-таки, Мишенька, что ты приехал.— Она по-матерински провела плотно рукой по его седеющему бобрику волос.— И знаешь, что еще,— добавила она уже совсем доверительно, заглядывая ему в глаза,— ведь Маша никогда не переставала любить тебя, а личная жизнь ей не удалась, нет... Может быть, потому и не удалась, что Маша тебя одного любила.

— Ну что ты,— попробовал отшутиться он.— Не такой уж я Байрон...

— Кто вас знает, мужчин, как вы устроены и за что вас любят! — сказала Елизавета Ивановна как бы сама себе.

Но то, что эта родная, добрая Лиза сидит рядом с ним, как когда-то в детстве; что кукушка по временам выскакивает из своей конурки; что Люся за окном старательно нарезает букет, вероятно, для него, Васильева; что на стенах комнаты знатных земляков именно рукой Маши Агеевой развешаны его картины и с одной из них сделал копию Николай,— все это только подтверждало ту истину, что начала рождают следствия и из следствий возникают новые начала... и чем богаче начала, тем богаче и следствия.

— Это ничего, что мы с тобой постарели, Лизонька, и по-стариковски словно сидим на завалинке,— сказал он сестре.— Старость не страшна, если взял от людей лучшее и сам дал им кое-что взамен. Но как обидно, когда убеждаешься, что и взял меньше, чем мог, и отдал меньше, чем хотел.

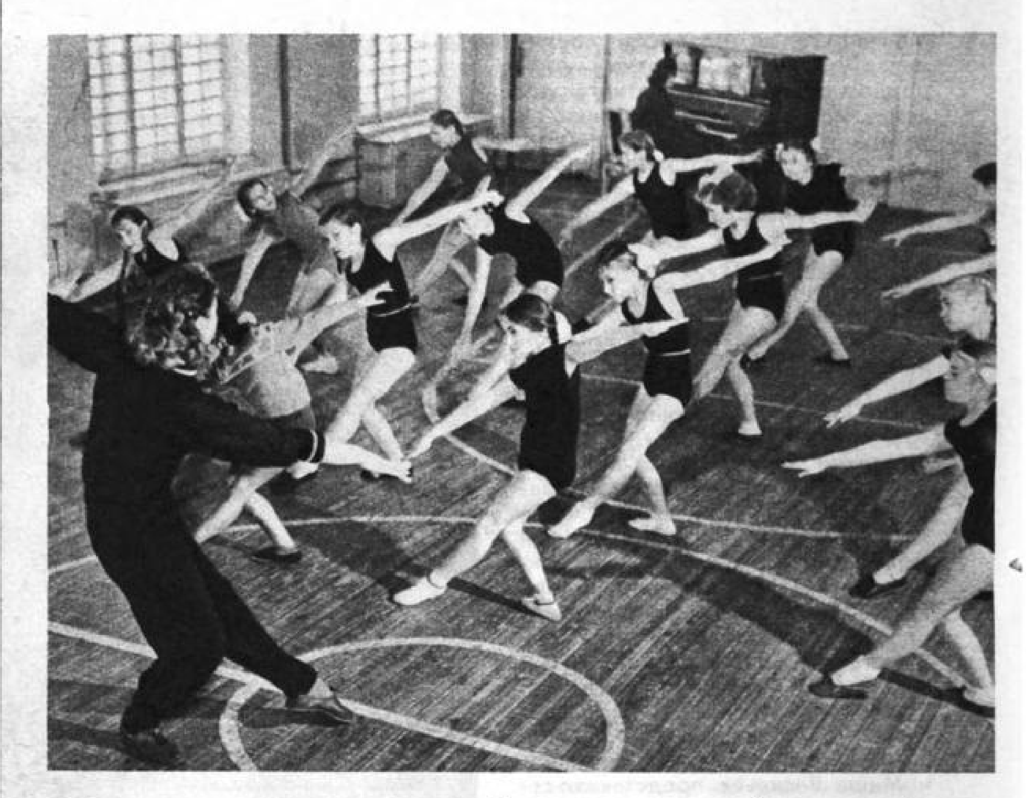
Может быть, сестра и не совсем поняла его, но ее плечо теснее прижалось к его плечу. Она как бы тоже хотела сказать, что вечерней заре не дано ничего затмить, если человек честно жил, хорошо потрудился, а главное, помог другим легче жить...

Потом пришла Люся с букетом цветов.

— Я ирисов срезать не стала,— сказала она деловито,— они и не пахнут почти. А пионы просто прелесть какие, — добавила она тоном изысканной женщины.

Она поставила цветы в вазу, слегка распушила их, чтобы букет был пышнее, и понесла в отведенную Васильеву комнату.

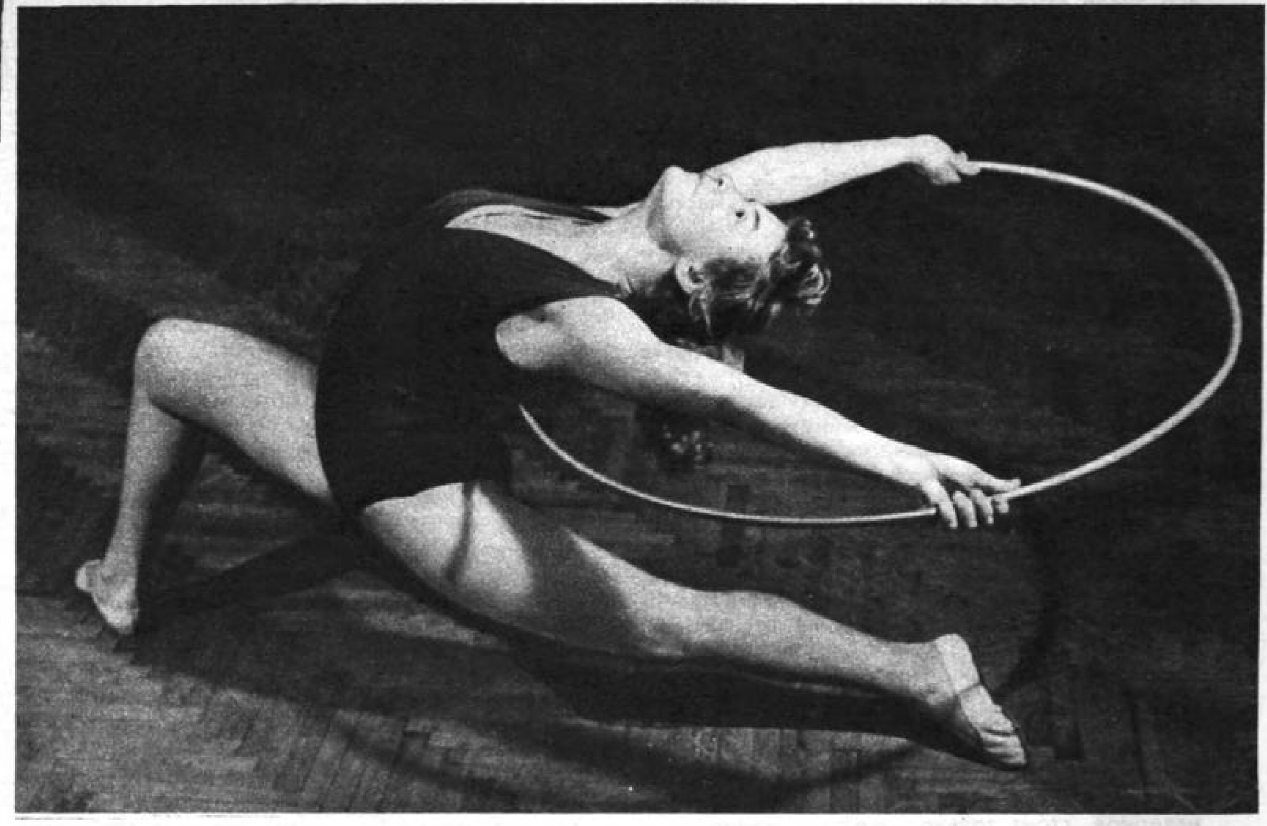

На занятиях группы художественной гимнастики детской спортивной школы № 2 Киевского гороно.

Мастер спорта Томила Медведева.

Мастер спорта Елена Бирюк. Три года подряд она завоевывает звание чемпионки Советского Союза по художественной гимнастике.

Мастер спорта Тамара Недопако.

Н. КОЗЛОВСКИЙ, Д. ПОПОВ

ЖЕМЧУЖИНА СОВЕТСКОГО СПОРТА

Есть виды спорта, которые сближаются с искусством. Примером может служить фигурное катание на коньках, из которого возник новый вид искусства — балет на льду. Классический балет сторицей вернул спорту его вклад в искусство.

В тридцатых годах группа ленинградских балетных педагогов—любителей спорта поставила широкий эксперимент: они задумали соединить высокую культуру владения телом, которую в течение столетия создал русский балет, с достижениями в области гимнастики. Многолетние опыты увенчались успехом. Так, в послевоенные годы начал развиваться новый вид спорта — художественная гимнастика.

...Мы на занятиях кафедры гимнастики Киевского института физкультуры. Звучит музыка. Девушка в плотно облегающем фигуру спортивном костюме выбегает на площадку. В руках у нее тонкая бамбуковая палочка с муаровой лентой на конце. Упражнение, сначала величавое и спокойное, постепенно ускоряется. Музыка звучит все громче и быстрее. Темп упражнения быстро нарастает, и вот уже в каком-то вихре человек и ленточка сливаются в единый рисунок, непрерывно меняющий свою форму. Необычайные по трудности повороты, связки, «волны», прыжки, в которых спортсменка на какой-то миг словно повисает в воздухе, доведены до совершенства и вызывают восторг зрителей.

В художественной гимнастике нет ни брусьев, ни колец, ни «коня», ни иных спортивных снарядов. Весь «инвентарь» состоит из леноч-

Занятия на кафедре гимнастики Киевского института физкультуры. Здесь готовятся преподаватели художественной гимнастики. Сколько грации даже в этих статичных позах!

ки, мячика и обруча. А некоторые упражнения делаются и вовсе без предметов.

Частенько художественную гимнастику упрекают в сходстве с балетом. Кстати, в этом нет ничего зазорного. Однако схожесть здесь чисто внешняя, рисунок некоторых спортивных движений лишь отдаленно напоминает балетные па. Но балет подчиняется законам искусства, а художественная гимнастика — законам спорта. В балете движение и жест являются средством художественного выражения каких-то идей, а в гимнастике движение является самоцелью.

Занятия художественной гимнастикой гармонично развивают весь организм, придают фигуре изящество и пластичность. Одновременно обогащаются эстетические вкусы спортсменки: она приобщается к музыкальной культуре, приучается к ритму и координации движений, у нее совершенствуется слух.

Советской художественной гимнастике — самому молодому виду спорта, сложившемуся на основе лучшего в мире балета и лучшей в мире спортивной гимнастики,— нетрудно предсказать большое будущее. Уже не за горами время ее победного шествия по стадионам. Этого, правда, еще не понимают некоторые наши спортивные руководители, но энтузиазм общественности и естественное стремление людей к красивому окажутся сильнее личных оценок и вкусов.

→ В группе художественной гимнастики детской спортивной школы № 2 Киевского гороно большое значение придается музыкальному воспитанию. Занятия всегда начинаются с урока музыки.

Нелегальное издание драмы «Ткачи»

ТКАЧИ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Герхарта Гауптмана.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Небольшая книжка в светло-зеленой обложке. На титульном листе напечатано: «Издание...» Далее строка густо зачеркнута чернилами, однако при внимательном рассмотрении можно прочитать: «...группы народовольцев». Под этой строкой: «Ткачи. Драма в пяти действиях Герхарта Гауптмана. Перевод с немецкого». Ниже: «Типография...» И снова строка зачеркнута, на этот раз настолько тщательно, что прочитать ее невозможно. Внизу год издания — 1895-й.

Сомнения нет, перед нами нелегальное издание, вышедшее в подпольной типографии.

Происхождение и судьба книжки очень интересны.

Она находилась в личной библиотеке дочери Л. Н. Толстого Татьяны Львовны Толстой-Сухотиной, затем перешла к сыну великого писателя Сергею Львовичу Толстому, который подарил книжку научному работнику Яснополянского музея-усадьбы Н. П. Пузину, а тот, в свою очередь, подарил ее мне.

Как же попало нелегальное издание драмы Гауптмана в Ясную Поляну?

На это ответил старый революционер В. Д. Бонч-Бруевич в не публиковавшемся ранее письме к Н. П. Пузину. Вот что он сообщал:

«...Я у Горбунова в «Посреднике» [1] встретился с ним (Л. Н. Толстым) и передал ему нелегальное издание драмы «Ткачи» Гауптмана, которую перевела тогда в 1895 г. сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, а редактировал этот перевод Владимир Ильич.

Эта книжечка печаталась в подпольной типографии «Народовольцев 4-го листка» [2].

Лев Николаевич радостно смотрел на эти произведения свободной печати, брал книжечки в руки, рассматривал их, попросил их взять с собой прочесть и вдруг сказал: — Будьте осторожны! Ведь легко попасться, а там тюрьма, ссылка, каторга!.. Вот как добывается у нас свобода печати,— обратился он к Горбунову и другим здесь бывшим сотрудникам «Посредника»...

Таким образом, становится понятным, как попала в Ясную Поляну книжка Гауптмана. Она привлекает наше внимание потому, что, по авторитетному свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, редактировалась В. И. Лениным.

Пьеса посвящена массовому восстанию силезских ткачей в 1844 году. В условиях самодержавной России она долго не могла увидеть света. Легальный ее перевод на русский язык был опубликован лишь в 1902 году. Таким образом, первый перевод драмы Гауптмана «Ткачи» был осуществлен на семь лет раньше при ближайшем участии В. И. Ленина.

Мих. МОСОЛОВ

Тула.

[1] Издательство «Посредник», во главе которого стоял И. И. Горбунов-Посадов.

[2] Петербургская нелегальная, так называемая Лахтинская, типография.

Под ветвями сакуры

За последние годы наши писатели много путешествовали по Востоку, и в стихах, очерках, новеллах рассказали о его трудолюбивом народе.

Недавно изданы очерки Екатерины Шевелевой «В японской столице» и цикл ее стихов «Токонома». Автор как бы является нашим проводником; он ведет нас через ярмарочную пестроту улиц Токио, через сады и парки, розовые от цветов японской вишни — сакуры. Вместе с ним мы входим в «Токио Метрополитен гимназиум». Там сейчас идут соревнования на первенство мира по настольному теннису. Вот

...Однорукая девочка
вышла к столу.
И шепнул кто-то рядом
со мной: «Хиросима».

Мы видим, как друзья обступили девочку.

...Нет высоких речей.
Но молчанье такое,
Будто здесь произносится
клятва, обет.
Многотысячный зал.
Бьется сердце людское
И рождается гневное:
«Нет!»

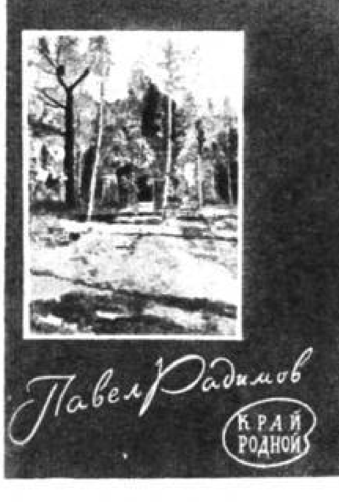
С этим «Нет!» часто встречается автор во время своего путешествия. Вот, например, скромный домик молодого врача, имя которого — Мир. Врач поет своей дочке о крыльях, мечтает о счастье для всех детей на земле...

В Асакуса-парке, где отдыхает простой народ, где ветки сакуры украшены стихами любимых поэтов, продавец сувениров, которого иссушили нужда и годы, повествует людям о великих поэтах и музыкантах, о древних храмах Японии, а не о Японии солдатских хаки и военных баз...

Екатерина Шевелева показала людей, которые ценят красоту, любят музыку, умеют высоко и гордо держать голову, громко заявлять о своих правах, смело мечтать и, главное, бороться.

М. НАУМЕНКО

Екатерина Шевелева. В японской столице. Изд-во «Молодая гвардия». 1958. 96 стр. Токонома. Стихи. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 82 стр.

ПЕРОМ И КИСТЬЮ

Возвращались мы как-то с приятелем в Москву. Дорога была скверная, день холодный, с неба большими хлопьями валил мокрый снег, залеплявший ветровое стекло нашего «Москвича». Уже в темноте мы выбрались на гладкое шоссе, и, чтобы установить, где находимся, приятель обратился к повстречавшимся колхозным девушкам, разодетым явно не по погоде.

— Куда это вы так вырядились, девчата? — полюбопытствовал приятель.

Те не без гордости ответили:

— На вернисаж!

Вернисаж в колхозе? Это показалось нам любопытным. Мы пригласили девушек в машину и завернули в колхозный клуб. Там действительно только что состоялось открытие художественной выставки. В кругу колхозников, проявлявших неподдельный интерес к живописи, мы и встретили автора выставленных произведений, П. А. Радимова. Мы познакомились, и сострили что-то насчет передвижничества, но Павел Александрович совершенно неожиданно парировал остроту:

— А я и есть передвижник. Если хотите, то теперь уже, может быть, и действительно последний из передвижников.

В завязавшейся беседе выяснилось, что П. А. Радимов с 1911 года начал участвовать в знаменитых передвижных выставках, а спустя три года по рекомендации И. Е. Репина и В. Д. Поленова был принят в члены Товарищества.

Вместе с присутствовавшими колхозниками мы осмотрели выставку. Верный традициям передвижников, П. А. Радимов стремится запечатлеть правду жизни, особую прелесть красок родной природы. По лицам колхозников было видно, что им доступно и дорого то, что изображено на полотнах старого художника.

П. А. Радимову сейчас уже семьдесят два года. Но он крепок, неутомим и молодо деятелен. Живет художник в Абрамцеве. Дома застать его нелегко. С утра он обычно бродит с этюдником где-нибудь по берегам живописной Вори, а частенько отправляется в Загорск, Переславль-Залесский, Ростов-Ярославский, в Каширу или Раменское. Сюда влекут Павла Александровича не только памятники старины, радующие сердце пейзажи, но и живые дела тружеников Подмосковья. Во всех этих местах у художника много знакомых: колхозники, учителя, лесничие, охотники, энтузиасты-краеведы.

Собрался я как-то по осени к художнику в Абрамцево. День был ужасный. С утра дул злой, хлесткий ветер, торопливо очищавший холодное небо от редких, рваных туч. Тяжело было тащиться в такую погоду с электрички, но зато я был уверен, что на этот раз застану Павла Александровича дома. И не застал. Оказывается, он с утра ушел бродить с этюдником. Ничего в этот раз не написал художник. Но домой вернулся не с пустыми руками. Картины осени так взволновали сердце старого художника, что он сложил в то утро стихи. Когда мы грелись чаем в его мастерской, Павел Александрович прочитал мне эти стихи:

Осенний день
не говорлив,
Он смотрит строго.
Среди плакучих редких ив
Бежит дорога.

Над косогором слет
грачей,
Шумна ватага.
Сверкает лентою ручей
На дне оврага.

Лазурь сметает облака,
Уходят тучи.

Павел Радимов. Край родной. Стихи и рисунки о Подмосковье. Изд-во «Московский рабочий». 1958. 63 стр.

Познакомиться с хорошей новой книгой — как это приятно! В бакинской детской библиотеке такому знакомству помогает библиотекарь Минавар Алиева. Она и посоветует, и постарается узнать, что больше интересует школьника, и спросит его мнение о прочитанной книге.

Фото М. Фришмана.

Вы не забыли послать телеграмму: «Поздравляю Женским днем дорогая тчк желаю счастья зпт целую горячо»? Пользуясь случаем, поздравим и Рихси Ахмеджанову. После школы она окончила курсы телеграфисток в Ташкенте и уже два года работает отлично. У нее не может получиться в телеграмме непонятное слово «сючала», как, помните, в рассказе «Душечка» у Чехова.

Фото А. Палехова.

Как жизнь твоя всегда
легка,
Простор могучий.

Цепь говорливых
журавлей,
Нить паутины.
Да придорожник,
да репей,
Да ширь равнины.

Я, разумеется, знал, что Радимов не только талантливый живописец, но и поэт. Но до той встречи, признаться, я думал, что Павел Александрович давно оставил стихотворство, так как много лет уже не встречал в печати его стихов. Но Радимов, оказывается, много и упорно работает над стихами. Недавно издательство «Московский рабочий» выпустило в свет книжку П. Радимова «Край родной». В подзаголовке сказано: «Стихи и рисунки о Подмосковье». Да, здесь, дополняя друг друга, соседствуют стихи и рисунки. Выполненные маслом этюды даны в качестве заставок к отдельным стихам и воспроизведены на нескольких цветных вкладках. Особенно хороши цветные вкладки «Март», «Ранняя весна», «Речка Воря», «Березы». Все они с большим настроением передают прелесть подмосковной природы.

В книге собраны стихи и рисунки последних лет. Темы работ, выполненных пером и кистью, сходны, поэтому так органично слились здесь два рода искусств: живопись и поэзия. Главная тема книжки, как мне кажется, выражена в открывающем сборник стихотворении «Окская долина»:

Какой простор! Руси
великая краса!
Тебя забыть нельзя
и разлюбить нет силы.

Но чего бы стоила вся эта краса без человека! В стихах и живописных этюдах внимание художника неизменно привлекают удивительные творения рук человеческих, любовно охраняемые народом архитектурные памятники Подмосковья, и новое, что подмечает глаз художника в шахтерском Мосбассе, у причалов южного порта столицы, в подмосковном колхозе «Победа». Рассказывая обо всем этом художник обращается и к далекому прошлому и к нашей современности.

Немолод этот искатель, но он бодр и неутомим. И хочется пожелать ему новых дорог и новых красот на пути.

Вл. НИКОЛАЕВ

В моей Осетии весна

Зинаида ХОСТИКОЕВА

АДАТ

Не только прадеды и деды,
Но и отцы с давнишних пор
Считали за большие беды
И за неслыханный позор,
Когда невеста,
от испуга
Порой чуть не сходя с ума,
Сама пыталась выбрать друга,
Избрать любимого сама.

Века тоски и униженья...
И вся семья, весь мир родной
От девушки такой в селенье
Шарахались, как от чумной.
Закон религии упрямо
Любовь отталкивал назад...
Была бессильна даже мама
Перед тобою, злой адат.

И мой отец, усевшись рядом,
О всем толкуя вкривь и вкось,
В былые дни суровым взглядом
Меня пронизывал насквозь.
Обычай соблюдая свято,
Он требовал лишь одного —
Быть ревностным слугой адата.
И добивался своего.

Казалось, никуда не деться
Мне от суровых глаз...

Но вот,
Переступив границу детства,
Я вышла на большой народ.
Другой здесь свет,
Другая сила,
Другие мысли и слова.
И молодость вдруг предъявила
Другие на меня права.

И странно: в этой жизни новой,
Теперь колхозный бригадир,
Отец мой строгий и суровый
По-новому глядит на мир.
Мне не приискивая сватов
И в том как бы найдя покой,
Он не отрекся от адата,
А на него махнул рукой.

ЧИНАРА

Все одна и никому не пара,
Привечая галок без числа,
Как горянка стройная, чинара
За моей околицей росла.

И она, бывало,
В полдень знойный,
В летнюю томящую жару,
Как-то по-особому пристойно
Распластавши ветви на яру,

Не сходя с насиженного места,
Дружбою умея дорожить,
Словно осетинская невеста,
Путнику старалась прислужить.

Да и я за горным перевалом,
Жительница здешнего села,
Под ее тенистым покрывалом
Ласковое детство провела.
И потом я слышала немало
В дни,
Когда за книги принялàсь,
Как соседям говорила мама:
— Вся в чинару дочка удалàсь!..

И сейчас, свою встречая збрю,
Вспоминаю маму и молчу.
Что в чинару удалась —
Не спорю
Да и спорить вовсе не хочу.

ЗАВИСТЬ

Не на вечерке, а случайно
Однажды в предзакатный час
Тебя на мостике комбайна
Я увидала в первый раз.

В тот день пшеницу мы косили.
И обжигал нас суховей.
И я уже забыть не в силе
Твоих разлетистых бровей.

Ты самым лучшим был в округе,
Степной герой моей мечты.
И я завидую подруге,
В которую влюбился ты.

О ТЕПЛОТЕ

Спросил:
— По-вешнему нежна,
В своем спокойствии усталом,
Скажи, зачем ты спать должна
Под этим грубым одеялом?..
Еще добавил:
— Жизнь пока
Не замела тебя метелью,
Пусть станут бархат да шелка
Твоей достойною постелью!..

— Ну, что ж!..
Спасибо и за то!..
Да только вот шелками
Смалу
Меня не баловал никто,
Да и сама их не искала.
А это одеяло, друг,
Напоминает в дни ненастья
Мне грубость материнских рук
И теплоту ее участья.

Перевел с осетинского
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

Даже самые светлые, самые умные головы время от времени обрастают и нуждаются в стрижке и бритье. Вот тут-то и встает вопрос: кому доверить свою голову? Если вы живете в Вильнюсе и встретили на жизненном пути такого парикмахера, как Фелиция Петрайтене, то вам посчастливилось.

Фото Ю. Каценбергаса.

Обедают все и всегда. Но далеко не все после еды говорят «спасибо». Иногда, наоборот, требуют жалобную книгу. Этого никогда не случается в Риге, если обед подает Бирута Силиня. Женственная приветливость — одна из лучших приправ к еде. Такую прекрасную приправу нужно широко внедрять как в общественных столовых, так и у себя дома.

Фото В. Тарасевича.

Рисунок Н. Долгорукова.

ИЗНАНКА БЛИСТАТЕЛЬНЫХ УЛЫБОК

Д. УМАНСКИЙ

Франц Иозеф Штраус... Имя, примелькавшееся в печати. «Штраус заявил... Штраус потребовал...» Одна западногерманская газета писала даже, что в ФРГ наступила «эра Штрауса».

Едва ли заслуживает описания весь сорокатрехлетний жизненный путь нынешнего боннского военного министра. Упомянем разве лишь о не совсем детских забавах Франца Иозефа в самом еще нежном возрасте. «Тогда он,— рассказывает его биограф,— распространял в Мюнхене, на Шеллингштрассе, листовки некоего Гитлера, который устроил на той же улице, в доме № 50, у фотографа Гофмана, свою первую штаб-квартиру. А напротив, в доме № 49, помещалась мясная лавка отца Штрауса, куда захаживал торговец битой птицей Гиммлер».

Таков был дух, царивший в семейке, где созревал Франц Иозеф, таковы были клиентура папаши и все окружение. Потом Франц Иозеф стал обучаться историческим наукам, которые явно не пошли ему впрок. Возмужав, он немедленно вступил в ряды гитлеровских орд. Был на советской земле, но, прямо скажем, ему повезло: он уцелел. Его спасли ноги, обмороженные ноги. Вернувшись домой обер-лейтенантом, он был назначен инструктором в школу зенитчиков в Шонгау. Там его и застал конец войны, который понравился Францу Иозефу куда меньше, чем ее начало. Но уже тогда Штраус начал потихоньку размышлять над тем, как бы все начать сначала.

Размышлять пришлось недолго: американцы его приметили. Им приглянулся голубоглазый блондин с улыбкой во весь рот. Францу Иозефу янки тоже приглянулись. Хотя и победители, но столпов нацистского райха не преследовали и даже начали их подкармливать. Прикинув, что к чему, Штраус решил, что дружба с такими победителями пойдет ему на пользу. Так началась головокружительная карьера Штрауса.

К тому времени он сумел пристроиться и к местным, баварским воротилам. Они без труда раскусили не в меру честолюбивого молодого человека, усердно работающего локтями, готового перекричать любого. В ту пору как раз сколачивался христианско-социальный союз. Штраус оказался под стать и клерикалам, и его сделали генеральным секретарем баварского филиала партии Аденауэра. Канцлер в него уверовал.

И тут пошло: Штраус — депутат бундестага; Штраус — председатель комиссии по вопросам «Европейского оборонительного сообщества»; Штраус — представитель ФРГ в Европейском совете; Штраус — федеральный министр по вопросам атомной энергии с дополнительной ежемесячной мздой от трестовиков в 5 тысяч марок...

Но все это было только трамплином. Решительный прыжок был совершен в конце 1956 года, когда реваншисты, которым так же, как и Францу Иозефу, хотелось все начать сначала, стали выходить (пока что на бумаге) на стратегический простор. Наиболее ретивые из них кричали уже об Урале.

Реорганизовав в октябре 1956 года свой кабинет, Аденауэр отдал пост военного министра Иозефу Штраусу.

Франц Иозеф Штраус любит улыбаться и изображать из себя вегетарианца и пацифиста. «Всеобщее разоружение,— воскликнул он однажды,— мне дороже национального вооружения!» В другой раз его так занесло, что он провозгласил с ответственной трибуны: «Я не министр обороны и уж, конечно, не военный министр! Я... министр мира!» И добавил, что ничем так не озабочен, как тем, чтобы «дело не дошло до выстрела». Сказал — и спохватился. Могут не поверить! И на всякий случай стал заверять, что говорит «совершенно серьезно»...

Улыбка до ушей, салонные манеры, галстук девственной белизны — сама невинность... Тем не менее Штраус гораздо вольготнее чувствует себя, когда рубит сплеча.

Так, к примеру, защищая пресловутые Парижские соглашения, открывшие путь ремилитаризации Западной Германии, он изрек без обиняков: «Через Париж ведет дорога на Восток». Уточняя цель этого путешествия, он разъяснил: «Советский Союз сотрем с лица земли». А когда пришлось проводить в бундестаге закон об атомном вооружении нового вермахта, Франц Иозеф декларировал: «Нет разных планов — зеленого, желтого, красного. Есть только один план — красный». Боннский «министр мира» без стеснения намекал здесь на тот цвет, которым в свое время был зашифрован план нападения Гитлера на Советский Союз.

Некоторые западногерманские газеты изощряются в художественных сравнениях, изображая Штрауса на трибуне, в моменты, так сказать, высшего творческого вдохновения: мол, это «дикий кабан, выбежавший из чащи, несущийся вперед, сворачивая все на своем пути». Другие предпочитают еще более красочные сравнения, утверждая, что он «скорее походит на бандита, чем на члена правительства». Какая из этих характеристик точнее, сказать трудно. Впрочем, одно тут неразрывно связано с другим...

Уже не первый год боннский министр кричит на всех перекрестках: «Советы угрожают!» Трюк не новый, и не Штраус его придумал. «Если говорят,— любезно разъясняет Штраус,— что с советской стороны нет военной угрозы, то очень легко создать впечатление, будто нам вообще никакая опасность не угрожает». Такое «впечатление» Штрауса не устраивает. Куда ему с ним деваться? Без вранья о «советской угрозе» не заразить западных немцев страхом. А страх и военная истерия — главные союзники Штрауса. Зато все, что ослабляет страх, для Штрауса — враг. Недавно он превзошел себя в новом трюке. Те, заявил он, кто добивается безатомной зоны в Европе... «потенциальные военные преступники».

Нет, недаром Штраус высоко котируется маклерами-генералами на вашингтонской бирже!

«США питают к нам безграничное доверие»,— заявил он, возвратившись после очередного рейса за океан. «План перевооружения,— бахвалясь, добавил он,— выполняется с пунктуальностью железнодорожного расписания».

«План», как известно, все расширяется. До недавнего времени в ФРГ были единичные ракетные базы; ныне на ее территории их уже десятки.

Мы позабыли упомянуть об одной страстишке Штрауса. Он до смерти любит опровергать. Одна западногерманская газета назвала его даже «рекордсменом опровержений».

Нечистая совесть толкает Штрауса на отрицание самых очевидных истин. Совсем недавно, приняв позу угнетенной невинности, он воскликнул: «Ракеты «Найк», «Матадор» и «Онест Джон» будут только с цементными зарядами и только для учебных целей!»

Разумеется, никто этому не поверил.

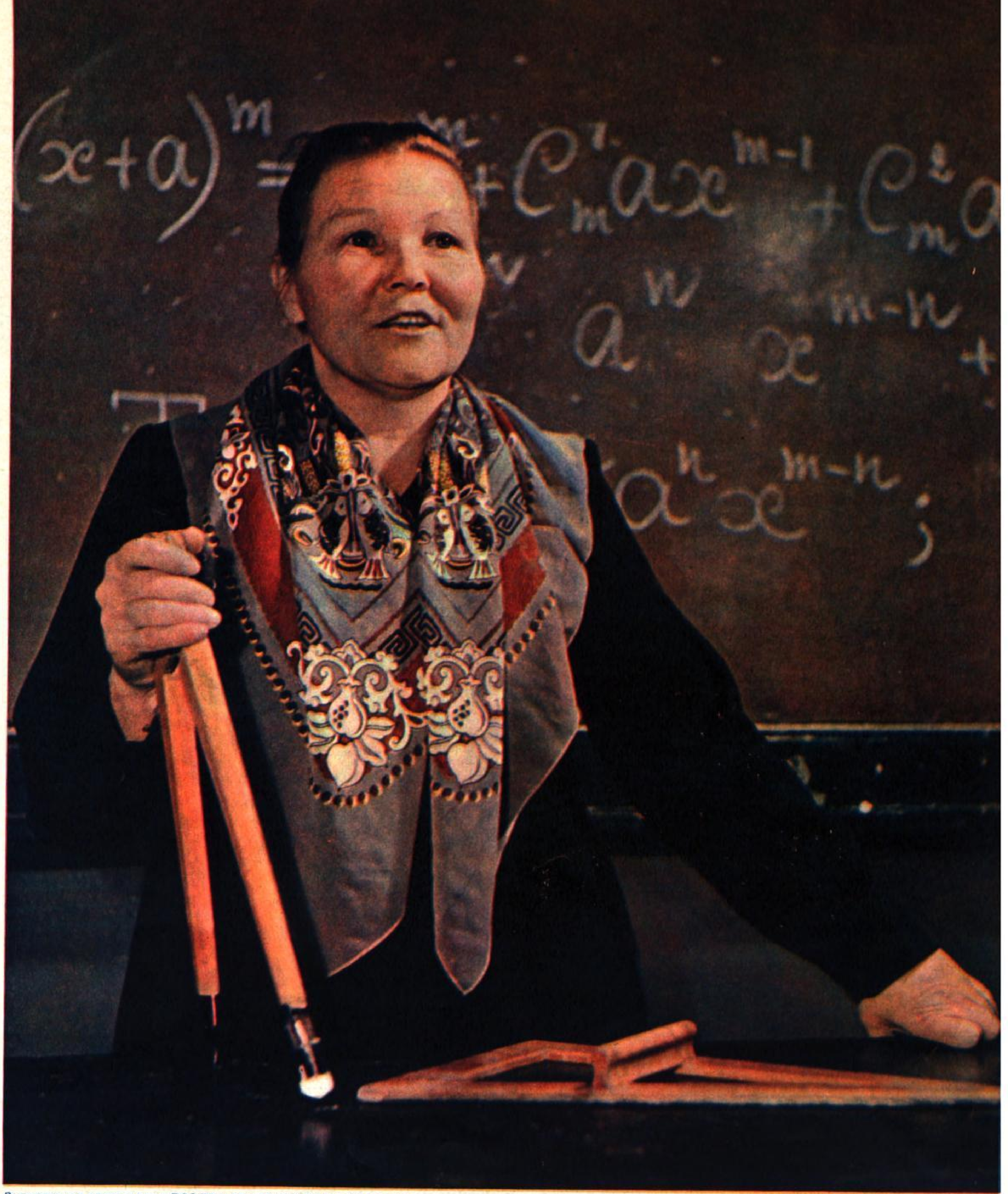
Вконец запутавшись в своих опровержениях, Штраус возвестил недавно по телевидению, что ему-де требуется «только тактическое атомное оружие». Для чего? На случай «выступления против Советского Союза». С какой целью? «Чтобы,— сказал Штраус, не моргнув глазом,— спасти мир от угрозы большой войны между США и СССР и предотвратить введение в действие стратегического атомного оружия». Ну чем не ангел мира?

И, конечно, не приходится удивляться тому, что Штраус встретил в штыки советские предложения по берлинскому вопросу — ликвидировать опасный гнойник в сердце Европы, превратить Западный Берлин из шпионского гнезда в демилитаризованный, мирный, свободный город.

Ныне вся ФРГ покрыта густой сетью «солдатских» обществ и сообществ гитлеровского образца. Там, в ФРГ, стоит такой реваншистский гул, что он напоминает гитлеровские завывания. «Никакой разноголосицы!» — требует Штраус. Пусть никто не мешает «местным командирам» (эсэсовским в том числе) действовать в духе «старых добрых традиций» германской военщины, незыблемость которых недавно вновь возвестил боннский военный министр.

...Недавно западногерманский город Дюссельдорф воочию увидел, что такое «эра Штрауса». Трибуна у военного монумента. На трибуне — бывший гитлеровский генерал Якоби. На очередном сборище реваншистов он прославляет дело, которое, по его словам, началось... еще в 1900—1904 годах! Тогда, напоминает он, армия и флот Германии расправились с боксерским восстанием в Китае и с «готтентотами» в Африке. А в 1914-м, восторженно восклицает генерал Якоби, начался путь «великой армии» — армии германских захватчиков! Этот путь, оказывается, «до сих пор еще не завершен»...

Как видно, «дранг нах остен» продолжает оставаться главной мечтой штраусов, хотя руины рейхстага — достаточно наглядный урок для тех, кто мечтает «завершить путь» сумасбродных предков. Впрочем, развалины Ковентри и пепел Орадура напоминают и о том, что, готовясь к прыжку на Восток, германские милитаристы всегда по пути цепляли Брюссель, Париж... А в век космоса могут зацепить и более дальние столицы...

Заслуженная учительница РСФСР и Марийской АССР математик Таисия Ивановна Александрова ведет урок.

НАШИ ЗАСЛУЖЕННЫЕ

С. ФРИДЛЯНД

В городе Йошкар-Ола, столице Марийской автономной республики, десятая часть населения — студенты. Молодежь это воспринимает как должное, как закономерность.

Но люди постарше помнят иные времена. Тогда перед маленьким и бесправным марийским народом, особенно перед женщинами, стояла неодолимая преграда на пути к образованию.

На этих снимках читатель видит представительниц первого поколения женщин народа мари, получивших образование. Их юность проходила в глухих, нищих деревнях. Сейчас они работают в научных лабораториях, медицинских учреждениях, читают лекции в учебных заведениях, деятельно участвуют в подготовке нового поколения национальной интеллигенции.

Заслуженный врач республики Прасковья Денисовна Краснова — одна из первых марийских женщин, получивших высшее медицинское образование. Сейчас П. Д. Краснова возглавляет физиотерапевтическое отделение центральной поликлиники в Йошкар-Ола.

В этой группе жизнерадостных марийских девушек — будущих физиков, математиков, филологов, педагогов,— конечно, заслуженных еще нет. Все они пока студентки. Но пройдут годы — и лучшие из них, несомненно, станут заслуженными деятелями республики. Ими также будет гордиться маленький народ мари.

Из новых стихов

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ЦИФРЫ

Цифры! Гордые цифры у нас.
Они словно авиастаи:
Столько-то выплавлено чугуна,
Столько-то сварено стали!

И кажется за цифирью сей:
По плановым магистралям
Волга, Лена, Обь, Енисей
Плывут в Коммуну металлом.

Иду по Москве. А цифры горят!
Они прорицают! Они говорят:
Революция с нами!

И вдруг переходит дорогу отряд,
Плывет пионерское знамя.
Теплынь разлилась в груди у меня...
Гляжу, как строем зажатым
Курносая милая ребятня
Шагает вслед за вожатым.

Не поразит она цифрами вас,
Ни с кем как будто не мерясь,
Но всюду,
где ступит
Советская власть,
Падает детская смертность.

КАРУСЕЛЬ

Шахматные кони карусели
Пятнами сверкают предо мной.
Странно это круглсе веселье
В суетной окружности земной.

Ухмыляясь, благостно-хмельные,
Носятся
(попробуй пресеки!)
Красные, зеленые, стальные,
Фиолетовые рысаки.

На кобылке цвета канарейки,
Словно бы на сказочном коне,
Девочка на все свои копейки
Кружится в блаженном полусне...

Девочка из дальней деревеньки!
Что тебе пустой этот забег?
Ты бы, милая, на эти деньги
Шоколад купила бы себе.

Впрочем, что мы знаем о богатстве?
Дятел не советчик соловью.
Я ведь сам на солнечном Пегасе
Прокружил всю молодость свою;

Я ведь сам, хмелея от удачи,
Проносясь по жизни, как во сне,
Шахматные разрешал задачи
На своем премудром скакуне.

Эх ты, кляча легендарной масти!
На тебя все силы изведя,
Человечье упустил я счастье:
Не забил ни одного гвоздя.

* * *

Отцы, не раздражайте ваших чад!
Мы часто недовольны матерями:
Они всё поучают, всё ворчат,
Хоть мы уже полуседые сами.

А в отрочестве — что греха таить,—
Как говорится, всякое бывало.
Попробуй только яблоко стащить —
Ремня наешься до отвала.

Но если вдруг, ревмя ревя от боли,
Ты увидал за тыном меж ветвей,
Как ваш сосед копается в дреколье,
Чтоб рассчитаться с матерью твоей,—

Ужели ты, чудовище, допустишь
И станешь смаковать ребячье торжество?
Да я бы душу выбил из него!
Его садочек изрубил бы в пустошь!

А вы, поэт, заласканный врагом,
А вы, чтоб только всласть насвоеволить,
Вы допустили, и любая сволочь
Пошла плясать и прыгать кувырком.

К чему ж былая щедрая растрата
Душевного огня, который был так чист,
Когда теперь
для славы Герострата
Вы родину поставили под свист?

Жизнь ИСКУССТВА

Поет школьница

В Минске Тамара Воробей, ученица лебедевской средней школы, Молодечненской области, выступила на сцене Государственного театра оперы и балета. Она никогда прежде не бывала здесь. Только по фотографиям в газетах да по рассказам сестры знала об этом прекрасном дворце искусства, где выступают знаменитые актеры. И вдруг сама очутилась на его подмостках.

В оперном театре проходил заключительный концерт республиканского смотра художественной самодеятельности. Народные таланты республики показывали свое искусство.

Выступление школьницы из деревни Мороськи понравилось и жюри и всем присутствующим в зале. Девушка в скромном синем платье, с белым бантом в косах сразу расположила к себе подкупающим обаянием юности, хорошим, приятным голосом.

Запомнилось пение Тамары Воробей не только присутствовавшим на концерте. Радиослушателям и телезрителям тоже пришлась по сердцу юная певица.

И вот идут письма. Их авторы спрашивают Тамару о песнях, которые она сейчас поет, о ее жизни, о занятиях. Девушка отвечает. Она рассказывает о том, что учится в 9-м классе, поет в хоре.

Дома Тамара помогает матери. Татьяна Ивановна, мать Тамары,— одна из лучших доярок колхоза «Беларусь». Она много времени отдает работе. А дома тоже немалые заботы: корова, три поросенка, куры. Обо всем этом заботится Тамара.

Село Лебедево и деревня Мороськи издавна славятся песнями. Подростком Тамара стала участницей домашнего трио. Татьяна Ивановна и старшая сестра, Ольга, своими голосами удивляли даже разборчивых односельчан. Ольга к тому же неплохо играет на гитаре.

— Музыки вокруг меня всегда было много. А вот ноты по-настоящему читать еще не умею,— признается Тамара.— Жду не дождусь, когда откроется в Лебедеве филиал Молодечненской музыкальной школы. Но теперь это скоро должно случиться.

К. СТРЕПЕТОВА

Минск.

Тамара — хорошая помощница родителей.

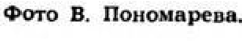

Фото В. Пономарева.

«С огнем большевистским в груди»

«Барабанщица» на сцене ЦТСА. Нила Снижко — Л. Фетисова, Федор — А. Попов.
Фото А. Гладштейна.

Мы часто говорим: незаметный героизм, подвиги повседневности... Однако любой подвиг требует мужества, огромного напряжения воли, способности к самопожертвованию. Об этом думаешь на спектакле «Барабанщица» в Центральном театре Советской Армии.

Юная Нила Снижко ведет в тылу врага подпольную работу по заданию советской разведки.

Мы, зрители, встречаемся с Нилой в городе, уже освобожденном от врага. Но город еще на чрезвычайном положении: идут фашистские контратаки, активно действуют оставленные врагом разведчики. Нилу, которая работала в фашистской комендатуре, все считают предательницей, «немецкой овчаркой». Девушка вынуждена терпеливо и молча сносить оскорбления, чуть ли не всеобщую ненависть. Это презрение особенно мучительно, но Нила не только переносит его, но даже черпает в нем силы...

Пьеса Афанасия Салынского «Барабанщица» успела войти в репертуар многих сценических коллективов. Столичный театр поставил эту пьесу умно, взволнованно. Это заслуга режиссера А. Окунчикова и всего талантливого актерского коллектива, но прежде всего Людмилы Фетисовой, играющей заглавную роль.

Сложна роль Нилы Снижко, но и увлекательна для актрисы. Человек цельного характера, она вынуждена все время «играть» — не только с такими, как переодетый фашистский разведчик Бренк (Д. Сагал) или подонок Круглик (Л. Любецкий), но и с горячо любимым ею молодым архитектором Федором (А. Попов).

Песня о юном барабанщике «с огнем большевистским в груди» — с детства любимая песня Нилы. Судьба барабанщика стала и ее судьбой...

Юр. ЗУБКОВ

Спектакли на французском языке

Этого веснушчатого, вихрастого мальчугана Рыжика в одноименной пьесе Ж. Ренара играет молодая преподавательница французского языка Е. Орановская.

Самодеятельный театральный коллектив при Московском доме учителя поставил уже несколько произведений драматургов Франции. Все спектакли идут на их родном языке. Руководит коллективом член общества «СССР — Франция», старейшая переводчица и писательница А. Орановская (литературный псевдоним — Алис Оран), чье творчество высоко ценил Ромен Роллан.

Участники театральной студии — преподаватели и студенты московских вузов. А зрители — все любители театра, интересующиеся французской литературой.

Рисунок С. Разговорова.

Абсолютная чемпионка мира Тамара Рылова.

Лавровый венок Тамары Рыловой

Знамена девяти государств развевались во главе торжественного факельного шествия в честь открытия 17-го чемпионата мира по скоростному бегу на коньках для женщин. Сто факельщиков сопровождали участниц соревнований, тренеров и судей к зданию Свердловского городского Совета, где состоялась жеребьевка.

И когда председатель горсовета И. И. Муравьев, которому была предоставлена честь начать жеребьевку, вытянул записки с фамилиями первой пары, он и не подозревал, что заставил волноваться трехкратную чемпионку СССР Тамару Рылову. Оказалось, что именно ей вместе с китаянкой Лю Фен-жунь выпала доля начать соревнование на ледяной дорожке. Рылова предпочла бы идти в последующих парах, чтобы уже знать результаты ближайших соперниц.

Правда, она и на этот раз блестяще пробежала «пятисотку» — за 47,5 секунды, установив новый рекорд свердловского катка. Но если б Рылова бежала, скажем, после Софьи Кондаковой, возможно, она сумела бы «выжать» еще какую-то долю секунды.

Результаты забега оказались настолько «плотными», что, например, Инга Артамонова, показав результат 48,6 секунды, оказалась только на шестом месте, а пьедесталу почета пришлось выдержать тяжесть пяти победителей: Тамары Рыловой и Софьи Кондаковой, поделивших первые два места, а также Эльзы Эйнарссон (Швеция), Ирис Сихвонен (Финляндия) и Лидии Скобликовой (СССР), поделивших третье, четвертое и пятое места.

«Пятисотка» задала тон. Пожалуй, давно не было таких острых схваток на льду, какие увидели свердловчане.

Не оправдались прогнозы спортивных обозревателей, которые предрекали, что борьба за лавровый венок разгорится только между Ингой Артамоновой и Тамарой Рыловой.

Чемпионка мира, хотя и установила рекорд для равнинных катков на дистанции 1 500 метров, все же не могла противостоять прогрессирующей от состязания к состязанию Тамаре Рыловой. Выиграв бег на 500 и 1 000 метров, Рылова прочно удерживала общее первенство по количеству очков. Правда, после третьей дистанции на втором месте шла Инга Артамонова, но «на пятки» начали наступать молодые уральские спортсменки — свердловчанка, конструктор Верх-Исетского завода Валентина Стенина и студентка Челябинского пединститута Лидия Скобликова.

Кажется, что сам родной уральский климат помогал этим талантливым спортсменкам на ледяной дорожке. В беге на 1 000 метров В. Стенина заняла второе место, отстав от Рыловой всего на 0,4 секунды.

И вот наступили забеги на 3 000 метров — самый острый период состязаний за лавровый венок чемпиона.

Чтобы остаться чемпионкой мира, Инге Артамоновой требовалось теперь выиграть у Рыловой более 9 секунд. Вариант трудный, но возможный. Ведь в шведском городе Кристиненхамне, где в прошлом году разыгрывался подобный же чемпионат мира, в беге на этой дистанции Артамонова опередила Рылову почти на 10 секунд. Может ли чемпионка мира преодолеть и сейчас примерно такой же разрыв?

Выстрел стартера — и начались забеги.

Волей жребия обеим претенденткам на лавровый венок пришлось бежать в разных парах: Артамоновой с Ирис Сихвонен, а Тамаре Рыловой с Эйви Хуттунен. Инга, опередив бежавшую с ней в паре Ирис, финишировала со временем 5 минут 38,5 секунды. Но этот результат был недостаточен. Болельщики быстро подсчитали количество очков и убедились, что Артамонова... уже потеряла звание чемпионки мира. Весь стадион пришел в бурное волнение. И не удивительно: решалась судьба первенства.

Седьмая пара вызвала двойной интерес. Здесь шли непобедимая на этой дистанции Эйви Хуттунен и Рылова. И хотя на дистанции победила финка, Тамара Рылова по сумме очков четырех дистанций впервые завоевала звание чемпионки мира.

Второе место в общем зачете заняла Валентина Стенина.

Блестящий финиш Лидии Скобликовой окончательно отодвинул теперь уже экс-чемпионку Ингу Артамонову на четвертое, не призовое место.

Когда мы попросили заслуженного мастера спорта Марию Григорьевну Исакову прокомментировать только что закончившийся чемпионат, она произнесла всего одну фразу:

— Труд всегда приносит победу.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото И. Тюфякова.

Валентина Стенина (слева) и Эльза Эйнарссон (Швеция).

Лидия Скобликова на дистанции.

XXV первенство мира по хоккею с шайбой

ПЕРЕД ФИНАЛОМ

Спортивная Прага живет под впечатлением убедительной победы (8:3), которую одержали местные хоккеисты над сильной командой США.

Это была последняя «прикидка» перед чемпионатом мира. Она еще раз показала, что тренер сборной команды Чехословакии Властимил Сикора сумел сформировать молодой коллектив, который после успешных выступлений в Москве и у себя на родине сможет теперь выйти на лед, уверенный в своих действиях.

Хорошее состояние команды усилило надежды соотечественников на победу чехословацкой сборной в решающих матчах. Увеличился в связи с этим интерес к турниру. Не удивительно, что сотни тысяч любителей этой игры, которую не случайно здесь называют «спортом № 1», пытаются приобрести билеты на пражский закрытый стадион, где будут происходить финальные игры мирового чемпионата. Но, увы, стадион вмещает только 14 тысяч человек, и подавляющее число болельщиков вынуждено будет наблюдать за играми, сидя у экранов телевизоров. Пять миллионов человек смогут увидеть по телевидению все встречи финальной пульки. Матчи из Праги и даже предварительные состязания из Братиславы будут транслироваться не только по Чехословакии, но и в Варшаву, Будапешт, Берлин и другие города Центральной Европы.

Все участники чемпионата разъехались по трем городам. В Братиславе в отборочных матчах на право играть в финале встретятся команды Канады, Чехословакии, Польши, Швейцарии. В Брно будут выступать хоккеисты СССР, Норвегии, ГДР и США. На каток стадиона в Остраве выйдут шведы, итальянцы, финны и спортсмены ФРГ.

Две лучшие из каждой группы, а всего шесть команд, составят финальную пульку. Она и будет разыграна в Праге.

Сейчас мы наблюдаем какое-то паломничество из Праги, да и из остальных городов, в Братиславу. Жребий свел на братиславском крытом стадионе спортсменов Чехословакии и Канады. Правда, эта встреча носит предварительный характер, но все же местные любители придают ей большое значение, как генеральной репетиции перед решающими встречами.

Из Братиславы сообщают, что местный стадион получил 350 тысяч заявок, в то время как его трибуны за три дня отборочных соревнований могут вместить только 70 тысяч человек...

Вся печать наперебой говорит о важности двух «знаменательных схваток»: Канада—Чехословакия и СССР — США.

Очень много статей публикуется о спортсменах СССР, которые выступают в Брно.

Хочется сказать несколько слов о предварительной подготовке к турниру. Команду Канады, как известно, представляет клуб «Бельвиль Макфарландс», усиленный несколькими первоклассными хоккеистами других клубов. В частности, за «Бельвиль» будут играть Конно Броден, Джон Госслинг и Денис Боучер. «Родоначальники хоккея», как называют здесь канадцев, приехали в Европу уже давно. Они понимали, что им нужно акклиматизироваться и привыкнуть к европейской манере игры. Канадцы совершили триумфальную поездку по Европе: с разгромным счетом они победили сборную команду ФРГ, коллектив Дортмунда, сборную Южной Швеции, города Мальме. Они дважды победили сильную сборную команду Швеции и «под занавес» в Кортина д'Ампеццо легко обыграли итальянцев, а в Базеле — швейцарцев.

По отзывам специалистов, канадцы находятся сейчас в хорошей спортивной форме и полны желания удержать звание чемпионов мира в семнадцатый раз.

Американцы тоже давно находятся в Европе: их тренер М. Райман после проигрыша советским хоккеистам и особенно канадской команде «Китченер Ватерлоо Датчмен» со счетом 1:7, видимо, взял курс на более «жесткую» игру. Спортсмены по-своему восприняли этот курс. В итоге почти по всему маршруту следования американских хоккеистов в полиции оставались протоколы о драках, которые они учиняли во время матчей.

Американцы победили парижан, норвежцев, швейцарцев, финнов, однако два раза потерпели поражение от сборной команды Швеции и совсем недавно в Пльзене — от местных спартаковцев.

Правда, товарищеские игры не всегда являются точным показателем тех или иных качеств команды, но все же некоторое представление о соотношении сил они, несомненно, дают.

Тренер шведской сборной Эдмонд Ригтл в несколько затруднительном положении: лучший его центр нападения Свен Юханссон после серьезной травмы все еще не может играть в полную силу. Это заметно снижает наступательные действия основной шведской тройки.

Отборочные состязания заканчиваются 7 марта. После однодневного отдыха все команды съедутся в Прагу и уже 9-го начнутся финальные матчи.

М. ИВАНОВ

Свой гневный протест нгодиньдьемовским палачам выражают тысячи людей, переселившихся из Южного Вьетнама в Демократическую Республику.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ФУ ЛОЙ

Слушайте голос тысяч замученных,
Которые однажды темным днем
нашли эту страшную смерть.
Слушайте голос тысяч заключенных в большом концлагере,
Что находится на юге Вьетнама.
Слушайте голос тысяч замученных, которые погибли,
Но поведали всему миру о преступлении.

Этими словами, полными невыразимого горя, ненависти, начинается стихотворение вьетнамского поэта То Хыу. Он написал его на следующий день после кровавых событий в Южном Вьетнаме.

В концлагере Фу Лой томились представители всех слоев общества — рабочие, крестьяне, прогрессивные писатели и журналисты. Здесь были женщины, дети, престарелые. Их бросили за колючую проволоку лишь за то, что они боролись против оккупантов, за свободу своей родины, за мир во всем мире.

Их подвергали жесточайшему тюремному режиму, который не зря называется системой медленного убийства. В лагере ежемесячно умирало более двухсот человек.

Но ничто не могло сломить духа вьетнамских патриотов. Невозможно было подавить их решимость. И тогда южновьетнамские власти пошли на массовое убийство. Первого декабря прошлого года по приказу американо-дьемовских властей лейтенант южновьетнамской армии Хо Ван Тан, окончивший школу контрразведки в США, подсыпал яд в пищу заключенных. Около тысячи узников скончались, более четырех тысяч серьезно заболели.

Заключенные потребовали от администрации выдать больным лекарства. Хо Ван Тан ответил отказом. Заключенные начали протестовать. Тогда палач приказал солдатам открыть огонь.

Узнав о зверской расправе в Фу Лой, местные жители бросились к лагерю. Хо Ван Тан пустил в ход пожарные брандспойты и слезоточивые бомбы. В ответ раздались крики: «Долой Нго Динь Дьема!», «Долой американских империалистов!»

Более трех тысяч представителей вьетнамской интеллигенции обратились к интеллигенции всего мира с призывом осудить кровавые злодеяния.

«Это — самое зверское преступление, когда-либо имевшее место в мирное время,— говорится в обращении.— Это — самое серьезное нарушение Женевского соглашения, которое предусматривает защиту бывших участников движения Сопротивления.

...Это — отвратительное преступление против вьетнамского народа и всего человечества».

Возмущение вьетнамского народа разделяет весь прогрессивный мир.

Ю. КУРОЧКИН

г. Ханой.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА МАХДИ

Во время пребывания советской спортивной делегации в столице Судана Хартуме мы посетили Дворец республики и расписались в книге почетных гостей.

Осматривая коллекцию старинного оружия в вестибюле дворца, мы обнаружили в одном углу полувыцветшую картину. Она изображала бравого английского генерала в полной форме, надменно взирающего с вершины лестничного пролета на то, как снизу устремляются к нему вооруженные копьями чернокожие с искаженными от злобы лицами. Подпись гласила: «Смерть Гордона».

Значит, это он, известный каратель Чарльз Джордж Гордон, который в качестве губернатора свирепствовал в Судане в 1874—1885 годах, явившись сюда из Китая, где в 1864 году потопил в крови народное восстание тайпинов. Гордон был убит во время взятия Хартума повстанцами в 1885 году. Как же могло случиться, что картина, возвеличивающая колонниального генерала и принижающая народных мстителей, осталась висеть здесь, во Дворце республики, спустя три года после провозглашения независимости?

Заметив наше удивление, офицер охраны, пожилой суданец в белом кителе, коротких брюках и феске, подошел ближе.

— Дворец принадлежал английскому генерал-губернатору,— сказал он,— и кое-что здесь сохранилось в прежнем виде. Но все это до времени. Вы, наверное, слышали, что правительство приняло решение снять находящиеся в Хартуме памятники английским генералам.

Да, мы слышали об этом решении. Но, направляясь в гостиницу с аэродрома, мы видели в центре города медного Гордона, оседлавшего верблюда. А по пути во Дворец республики проезжали мимо конной статуи Китченера — того самого Горация Герберта Китченера, который в 1898 году впервые в истории войн применил пулеметы против вооруженных копьями да старыми ружьями суданских повстанцев и уничтожил родившееся в восстании независимое государство, безжалостно истребив десятки тысяч людей.

Мы поинтересовались, есть ли в Хартуме памятник национальному герою Судана Мухаммеду-Ахмеду, сыну плотника, поднявшему тогда народ на освободительную войну.

— Когда выйдете на набережную,— с готовностью отозвался офицер в феске,— взгляните на противоположный берег Нила. Там, в Омдурмане, вы увидите белый яйцевидный купол. Это мавзолей нашего Махди.

«Махди», «посланник бога»,— так назвали Мухаммеда-Ахмеда. Борьбу с оккупантами соратники Махди объявили «джихадом» — священной войной. Колонизаторы именовали махдистов «фанатичными дервишами».

Мы побывали в мавзолее Махди. Это действующая мечеть. Внутри нее находится надгробие, служащее предметом поклонения.

— Вот здесь покоится наш пророк! — торжественно произнес хранитель мечети, старик суданец в плотно повязанной чалме.

Он ошибался, этот добрый старик: Махди под надгробием нет. Китченер, разгромив восставших, приказал выкопать прах Махди, сжечь его в топке парохода и высыпать пепел в реку...

И вот спустя три дня нам посчастливилось быть свидетелями последней победы Махди над английскими генералами. 11 декабря перед статуей Гордона был выстроен военный караул и оркестр. Оживленная толпа хартумцев окружила оцепленную полицией площадь. Многие забрались на деревья. Появились чины английского посольства в характерной колониальной форме, тихие и смущенные. Послышались насмешливые возгласы. Но вот горнисты сыграли «отбой», и под мелодию гимна Суданской Республики на статую медленно начал опускаться брезентовый шатер. Толпа рукоплескала, улюлюкала, свистела. Наконец шатер полностью укрыл фигуру, и солдаты крепко связали концы брезента. Полчаса спустя такая же церемония торжественной упаковки повторилась у статуи Китченера. Осталось только ночью снять фигуры подъемным краном и заровнять место.

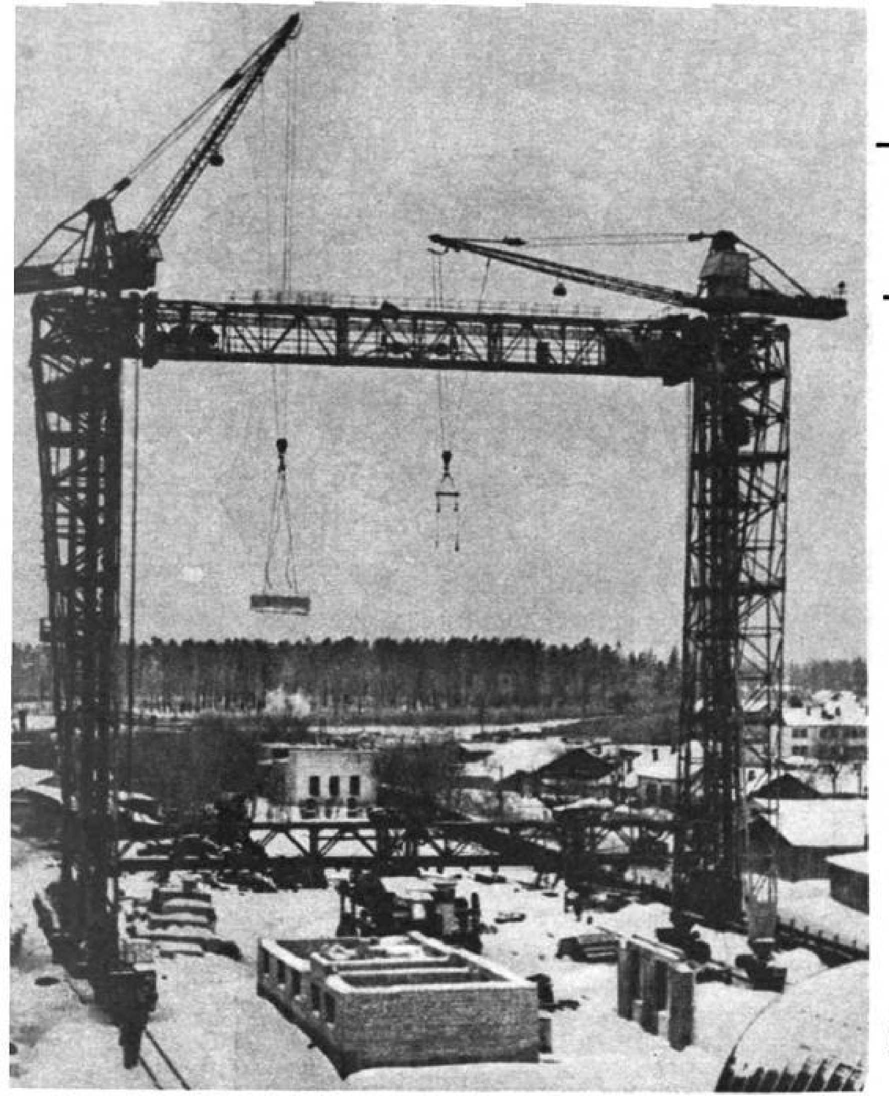
Когда с упаковкой памятников было кончено, ликующая толпа суданцев прорвала оцепление. Чернолицые люди в белых галибиях и тюрбанах бегали вокруг пьедесталов, кричали, смеялись, размахивали руками. Суданские солдаты уезжали на грузовиках с песнями. Создалась атмосфера праздника, радостного и торжественного. Потомки «дервишей» праздновали победу Махди.

Л. ЯБЛОЧКОВ

Статуя Гордона. Последние минуты на пьедестале.

Фото автора.

ОТ КРАЯ ДО

Почетному пионеру

Пионеры Сталинабада собрали металл, из которого на Ковровском заводе был построен экскаватор. Рабочие подарили его сталинабадской организации пионеров. Школьники торжественно передали машину почетному пионеру — машинисту экскаватора М. П. Зюзину.

Фото К. Фарафонова.

Первая в мировой строительной технике

Даже самым опытным специалистам-строителям этот проект казался фантастикой. «Ликвидировать башенный кран на стройках, символом которых он стал, механизировать труд строителей? Невозможно!» — раздавались голоса.

Но инженеры В. Ф. Попов и И. М. Цалькович продолжали упорно работать над проектом строительного агрегата.

Прошло пять лет. Пять лет, за которые не раз неудачи постигали изобретателей. На первом испытании, когда специальная комиссия приехала смотреть смонтированную машину, она совсем не стала работать. Во время следующего испытания машина выполнила одно задание и сломалась...

Наконец устранены помехи, недоработки, продуманы все детали. И вот на одном из московских заводов Министерства транспорта создана первая в мировой строительной технике опытная домостроительная машина.

Что же умеет делать этот агрегат?

Новая машина может одновременно строить несколько зданий, она комплексно механизирует почти все трудоемкие работы при возведении зданий из крупных блоков, панелей, кирпича.

Пять тонн — грузоподъемность каждого из трех кранов машины. Они могут монтировать элементы здания и одновременно и раздельно. Управляется агрегат с центрального пульта из рабочей кабины по радиосвязи. Экипаж его—8—12 рабочих во главе с инженером-машинистом.

На 350 процентов повышает производительность труда рабочих домостроительная машина при строительстве кирпичных зданий и на 200 процентов — при сооружении из крупных блоков. Это значит, что применение таких машин намного сократит сроки строительств и их стоимость.

В ближайшее время на одной из улиц Москвы агрегат начнет возводить опытные пятиэтажные дома.

Н. ЯРЦЕВ

Фото Ф. Короткевича.

НАЙДЕН КЛАД

И в наше время, случается, находят клады. Несколько дней назад под отбойные молотки метростроевцев И. И. Корнеева и В. В. Русиновича попали две небольшие глиняные кубышки, из которых посыпались монеты.

Специалисты, ознакомившись с кладом, датируют монеты концом XV — началом XVII века — со времени правления Ивана III до Лжедимитрия I. Зарыт клад был, по-видимому, в начале XVII века, в тревожное время польско-шведской интервенции.

В кубышках около 40 серебряных рублей — по тем временам немалая ценность. По документам XVI века известно, например, что четверть ржи (6 пудов) стоила 4—5 копеек. А годовой заработок плотника равнялся 2 рублям.

Любопытно, что клад найден в районе Монетчиковских переулков, где жили мастера московского Кадашевского монетного двора.

Маленькие, с арбузное семечко, монетки чеканены были в Москве, Пскове, Новгороде, Твери. На некоторых из них буквы-знаки денежников. Изображение самого мастера-денежника сохранилось на тверских монетах XV века. На оборотной стороне большинства монет изображен всадник с саблей или копьем в руке.

Монетный клад — интереснейший памятник экономической и политической истории. Он послужит для изучения товарно-денежных отношений того времени.

Находка поступила в Музей истории и реконструкции города Москвы.

А. ВЕКСЛЕР

Фото Е. Войханского.

«ТУ-104Б» летит по маршруту

Пассажирские, багажные и вспомогательные помещения на самолете «ТУ-104Б».

Самолет «ТУ-104Б» совершил испытательный перелет по маршруту Москва — Харьков — Днепропетровск — Киев — Москва. Вели самолет опытные летчики-испытатели К. Сапелкин, В. Ковалев, А. Крестенко.

Эти испытания, которые проводились недавно, должны были выяснить, достаточно ли комфортабельны условия перелета для пассажиров, удобны ли кресла, как работают кухня, буфет. Повар и три бортпроводницы заботились о путешественниках.

Самолет «ТУ-104Б» — новый вариант всемирно известного реактивного пассажирского самолета конструкции А. Н. Туполева, которому недавно была присуждена высшая награда Международной авиационной федерации (ФАИ) — Золотая медаль.

«ТУ-104Б» отличается от своих предшественников большей вместительностью и грузоподъемностью. Он берет на борт 100 пассажиров. Скорость реактивного самолета не уменьшилась.

В ближайшее время этот самолет будет летать на внутренних и международных линиях Советского Союза.

А. ГОЛИКОВ

На «ТУ-104Б» удобно летать пассажирам всех возрастов. Маленький путешественник может поспать в кроватке.

КРАЯ

Он пел с Шаляпиным

А. А. Клименко.

В книге «Федор Шаляпин» писатель Лев Никулин рассказывает о своей встрече со знаменитым певцом в 1917 году в Крыму. Артист пригласил к себе в номер молодого писателя, случайно оказавшегося его соседом в гурзуфской гостинице.

«Признаться,— пишет Л. Никулин,— меня удивило гостеприимство, оказанное неизвестному молодому человеку, но сейчас же я узнал причину.

— С отцом вашим мы приятели. Заезжал он ко мне сюда, в Гурзуф, из Севастополя. Уговорил спеть матросам...

На диване лежала матросская форменка и бескозырка с георгиевскими ленточками и надписью золотом «Пантелеймон».

...Он взял с дивана матросскую бескозырку, надел ее на себя правильно, примерив так, чтобы кокарда пришлась над переносицей...

— Я так в Севастополе пел. Матросскую рубаху надел им на радость...»

Недавно в Одессе я встретился со старым большевиком — бывшим гальванером черноморского крейсера «Алмаз» Алексеем Алексеевичем Клименко, который сообщил мне интересные подробности об этом концерте.

Отдыхавший в Гурзуфе Ф. И. Шаляпин выехал в Севастополь и, разъезжая по кораблям, подбирал «голосистых» матросов.

— Как-то днем,— рассказывает А. А. Клименко,— вахтенный вызвал меня из отсека, приказал надеть парадную форму и явиться в кают-компанию. Я выполнил приказание. За роялем сидел какой-то рослый штатский. Как полагается по уставу, я рапортую:

— Гальванер Клименко прибыл по вашему приказанию.

Штатский поднялся, протянул мне руку и весело произнес:

— Артист Шаляпин. Приехал послушать вас. Говорят, что Клименко — сильный тенор. Что будем петь?

Федор Иванович сел за рояль. Я спел украинскую песню. Затем Шаляпин начал наигрывать разные вариации, а я должен был петь.

— Хорошо, гальванер. Будешь солистом в нашем хоре,— сказал Шаляпин.

Тут я узнал, что готовится концерт.

Собрал Шаляпин со всех кораблей около ста певцов. Две недели шли репетиции. А затем в солнечный день на Приморском бульваре перед 20 тысячами слушателей Федор Иванович в полной матросской форме дирижировал хором и сам пел.

Пели мы хором «Дубинушку», «Есть на Волге утес», «Замучен тяжелой неволей». Я пел соло и в дуэте с Шаляпиным...

Прощаясь с Клименко, Ф. И. Шаляпин советовал ему учиться, отрекомендовал его жившему тогда в Севастополе профессору пения. Но нагрянули бурные дни осени 1917 года, и революция призвала в свои ряды гальванера Клименко.

М. СТАВНИЦЕР

«Телевизионный мост»

Так начинались передачи из Таллина для ленинградцев. Сквозь стекла старинного уличного фонаря смотрит диктор Таллинского телецентра З. Мадисова.

Фото автора.

Между Ленинградом и Таллином шеренгой вытянулись стальные башни радиорелейной линии. На башнях установлены антенны и приемно-передаточная телевизионная аппаратура. С помощью этого «телевизионного моста» недавно начался обмен программами телевидения в Ленинграде и Таллине.

Ленинградцы показали жителям Эстонской столицы постановку «Когда горит сердце», телевизионный плакат «Цифры великого плана», киножурнал «Искусство» и передачу, посвященную пятнадцатилетию со дня гибели Мусы Джалиля.

Интересную программу ленинградцев телевизионные ретрансляторы передавали в Кохтла-Ярве, Нарву, Пярну и другие города и районы республики.

Кроме жителей Эстонской ССР, ленинградскую программу смотрели телезрители Хельсинки и некоторых других городов Финляндии благодаря трансляции этой передачи в эфир мощной Таллинской телевизионной станцией.

Таким образом, начало регулярных передач по радиорелейной линии Ленинград — Таллин явилось и первой трансляцией ленинградской телевизионной программы за пределы нашей Родины.

Интересную программу показали и таллинцы ленинградцам. Телезрители города Ленина и столицы Советской Эстонии остались довольны четкостью изображения и чистотой звука. Порой трудно было поверить, что смотришь передачу на расстоянии трехсот километров.

И. ГРАЧЕВ

Молдавия. Колхоз «Красный садовод». Полив садов.
Фото Р. Лихач.

БОЛЬШЕ ФРУКТОВ СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ!

Кто завоевал первые места в соревновании садоводов на премии «Огонька»

Весной прошлого года было объявлено соревнование садоводов на премии и дипломы журнала «Огонек».

Прошел год, причем год для садоводов выдающийся. На Кубани, в Молдавии, в Крыму, на Дону, в Средней Азии на тысячах гектаров заложены молодые сады и виноградники. Богатейшие урожаи плодов выращены и собраны в колхозах и совхозах. А садоводы-любители? И их стало намного больше. Рабочие, служащие, колхозники, сельские интеллигенты обзаводятся своими садами...

В соревновании на премии и дипломы «Огонька» участвовали и колхозы, и совхозы, и плодовые питомники, и садоводы-любители. Недавно жюри подвело итоги. Кто признан победителем?

Диплом «Огонька» и первая премия (легковой автомобиль «ГАЗ-69») присуждены колхозу «Красный садовод» Бендерского района Молдавии. Это — интереснейшее хозяйство. На большой площади колхозники вырастили огромный урожай яблок и груш. Но это еще не все. Рядом со старым садом колхоз заложил новый на 208 гектарах, причем прижилось 99,7 процента высаженных деревьев, а прирост их достиг за год 55 сантиметров. В «Красном садоводе» очень восприимчивы ко всему новому — за пять лет колхоз посадил крупный сад на карликовых подвоях, он раскинулся на 200 гектарах. Они тут отлично чувствуют себя, «добрые карлики».

Две вторых премии (мотоцикл «М-72») за успешную посадку новых садов получили садоводы солнечного Крыма: совхоз «Приморье» и колхоз «Дружба народов». Оба хозяйства — передовики всесоюзного соревнования садоводов, начатого крымчанами.

Третью премию (конно-моторный опрыскиватель) за посадки получил совхоз «Зеленый гай», Тамбовской области.

Первую премию (легковой автомобиль «ГАЗ-69») за выращивание саженцев жюри присудило Смолинскому плодопитомническому совхозу Челябинской области.

Вторую и третью премии за выращивание саженцев получили Андижанский питомник Узбекской ССР и Московская плодово-ягодная опытная станция.

Две премии за внедрение карликовых подвоев в садоводство (мотоцикл и конно-моторный опрыскиватель) получили украинский совхоз имени Котовского и Розгребельский плодопитомнический совхоз Курской области.

В соревновании участвовало много садоводов-любителей. Премии присуждены товарищам: С. Шмарыго (город Темрюк, Краснодарского края), С. Константинову (Астрахань), С. Ворошилову (Махачкала), К. Рижамадзе (село Аспиндзе, Грузинской ССР), А. Анкудинову (Ижевск), С. Белоглазову (Запорожье), С. Иванову (Медынь, Калужской области), С. Радованову (станция Раздельная, Одесской области), а также коллективному саду рабочих и служащих Хабаровского краевого управления связи и садоводческому товариществу «Дружба» Министерства сельского хозяйства Дагестанской АССР.

Все победители соревнования премированы также годовой подпиской на «Огонек».

Нечистый дух в Казакове

Фельетон

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Рисунок Е. Ведерникова.

Иван Дровосеков, молодой дюжий парень с упрямым русым чубом, принадлежит к той завидной категории людей, о которых говорят: «У него золотые руки». Они ловко орудовали топором и фуганком, напильником и сверлом, и слыл Иван на селе умельцем первой статьи, который мог поставить дом и сделать коляску для детских яслей.

Случилось так, что когда соседний колхоз «Пробуждение» попросил подсобить ему возвести новые постройки, то послали туда Ивана Дровосекова с двумя помощниками, и они стали трудиться в строительной бригаде, сформированной из местных парней. На жительство определили Ивана к одинокой старушке Пелагее Филипповне. Село Казаково, где расположен колхоз «Пробуждение», находится километрах в двадцати от Арзамаса, города, в котором нередко церковные колокола мешают жителям слушать голоса радиорупоров, сообщающих о движении космической ракеты и искусственных спутников Земли.

Колхоз «Пробуждение» долго был одним из самых отстающих в Арзамасском районе, Горьковской области, но в последнее время круто пошел в гору. Построили скотный двор, гараж для автомашин, дом животноводов, новое здание правления артели. Хозяйство окрепло, доходы колхозников возросли. Иван Дровосеков, бывавший в Казакове и раньше, быстро заметил и оценил приятные перемены.

Под вечер в избе Пелагеи Филипповны Иван готовил инструменты к завтрашнему рабочему дню, а старушка сидела у окна.

— Вон колдун приехал на автомашине. Видать, в район ездил жаловаться. — Бабушка Пелагея проворно отвернулась от окна, трижды сплюнула и мелкими стежками стала крестить подбородок, похожий на печеное яблоко. — Еще, чего доброго, нелегкая сюда его принесет. Ты, Ванек, возьми-ка иголку, воткни в дверь и скажи: «С нами крестная сила». Тогда он не зайдет, супротив этого не может.

«Темная старушка», — подумал Иван и спросил:

— Это откуда же взялся у вас тут колдун местного значения?

— Здешний. Фельдшер ветеринарный Козлячков Петр, сын Никифоров.

Иван Дровосеков решил взглянуть на «колдуна» и вышел на улицу. Невысокий седой старичок, приехавший на попутной машине, попрощался с шофером и не спеша пошел к своему дому. Две колхозницы, сидевшие на завалинке, прытко вскочили и скрылись в избе, едва он приблизился.

— Экое у вас тут бескультурье! Даже не верится, что в наше время еще может быть такое, — сказал Иван, возвратившись в горницу. — Я думал, он по внешности хотя бы какой-нибудь особенный, страшный там или уродливый. Человек как человек. Даже больше на псаломщика похож, чем на уполномоченного сатаны.

— Это у него только видимость такая. А все внутри,— ответила бабушка.

— Да что же внутри?

— Знает он чевой-то.

— Разумеется, знает. Ветеринарный фельдшер знает, как скот лечить.

— Это само собой. Фельдшер он хороший, супротив этого никто не возразит. Очень любит животину, пестует ее, в полночь-заполночь приходит лечить. Но только все знают, что с нечистой силой он дело имеет, потому как колдун. Порчу наводит. У меня вот на покров телушка занемогла, не ест, не пьет. Тут бы фельдшера позвать, да я убоялась. Телушке поможет, а на дом порчу наведет. Так и околела моя пеструшка. Жалко-прежалко бедняжку, и в хозяйстве опять же убыток. А все потому, что колдун он, Козлячков-то.

— Ну кто мог выдумать такое?

— Все чистая правда. Сама в сельсовете слышала.

— Эх, Пелагея Филипповна! Отсталый вы человек, забыли вас охватить просветительной работой, вот и верите в разную чепуху.

— Темная так темная. Ну, а вот председатель нашего колхоза — человек охваченный, видный, партийный, а верит тоже.

— Не может быть! В колдунов?

— В них самых.

— И в ведьм?

— Есть и ведьма в наличности. Бедягина прозывается. Прямо против сельсовета живет.

Возмутился Дровосеков глупыми россказнями, решил разобраться в этом нечистом деле, и вот что он узнал.

Несколько лет назад повздорил ветфельдшер Козлячков с одним пьяным на улице.

— Ты говоришь, я пьяница, да? — кричал в паузах между икотой человек, уже готовый стать на четвереньки. — Ну и пусть. А знаешь, кто ты? Ты есть настоящий колдун! Вот кто ты!

Случай этот был давно забыт, но прилипла глупая кличка к специалисту, крестьянину, получившему образование в советской ветеринарной школе, отцу двух сынов-коммунистов. Затем кликуши из молитвенного дома, который активно функционирует в селе, стали связывать с именем ветфельдшера разные неприятные события. Занемог кто или скотина заболела — кликуши шептали: это «колдун» «порчу» напустил. В разгар полевых работ четыре—пять дней гуляет деревня престольный праздник. В колхоз на работу почти никто не ходит. Козлячков против этого. Кликуши шипят: «Видите, антихрист он! Супротив святой казанской божьей матери идет!» Поскольку в деревне не нашлось людей, которые активно выступили бы против этой брехни религиозных кликуш, небылицы вокруг имени ветфельдшера стали нарастать, как снежный ком.

Вечером ходил по деревне известный в колхозе пьяница Королев, частушки пел, прохожих задирал пока не свалился на улице. Когда два его родственника, комсомолец Петр Давыдов и Николай Ноздрин, приволокли Королева в избу, он уже метался в горячке и бредил непечатными словами.

— Не иначе как колдун Козлячков напустил порчу на дядьку, — решили племянник и зять. Не мешкая, помчались к дому ветфельдшера. Старик уже спал, когда ворвались хулиганы, схватили его и, раздетого, потащили по деревне. Жена фельдшера попробовала заступиться за мужа, но получила такой удар, что пролежала потом целых четыре месяца.

— Заколдовал дядю! Расколдовывай сейчас же, а то мы тебя прикончим! — орали здоровые пьяные парни, втолкнув старика в комнату, где лежал Королев.

— Да что вы, ребята, с ума посходили? Сколько раз я ему говорил: Королев, не пей денатурат, худо будет. Вот и допился...

— Что ты про денатурат толкуешь? Дядька его всегда пил, «коньяк три косточки» называл. И ничего не было. Это ты его попортил! Умывай сейчас же, а то худо будет!

Хлопцы притащили ведро с водой и силой заставили фельдшера «умывать» пьянчугу, что, по их представлениям, «снимает колдовство». А наутро по всей деревне пошли разговоры, что Козлячков «расколдовал порченого».

Ветеринарный фельдшер подал в суд. Казалось, тут бы и устроить в деревне показательный процесс над хулиганами, разоблачить религиозные суеверия. Но судьи из села Красное рассудку вопреки предложили вообще закончить дело полюбовно. Однако Козлячков не согласился. Он заявил, что это уже не первый случай, когда его избивают за «колдовство», и пригрозил пожаловаться в область. Тогда арзамасские судьи определили: взыскать с Николая Ноздрина штраф в 200 рублей, а так как у комсомольца Петра Давыдова сознание должно быть выше, то и штраф наложить выше — 350 рублей. Тем дело и кончилось.

Секретарь комсомольской организации колхоза Виктор Корчагин поехал в Арзамасский горком.

— Колдуна, говоришь, побил? — задумался тогдашний секретарь горкома тов. Гордеевцев. — Нехорошо. Надо его обсудить на комитете.

Но тут же выяснилось, что Давыдов в текущем году станет переростком, и решили поскорее снять его с учета. И никого из горкомовцев не взволновало засилье религиозных суеверий в селе, захвативших значительную часть молодежи, то, что культурно-просветительная работа в загоне, клуб «дышит на ладан» в переносном и буквальном смысле: запахи ладана доходят до него из молельного дома.

После этого фельдшеру и вовсе не стало жизни в колхозе. Зашел он в коровник — доярки с криками «С нами крестная сила!» врассыпную да еще двери за собой кольями подперли. Пришлось ветеринару вылезать в окно. «Вишь, в окна лазит, — взвыли кликуши,— натуральный колдун!»

Не будем описывать все мытарства ветфельдшера, а приведем лишь один постыдный документ. Бумага эта, скрепленная подписью и круглой печатью, хранится сейчас в нашей редакции, и

мы можем воспроизвести ее, сохраняя все особенности стиля. Вот выписка из протокола № 6 общего собрания колхоза «Пробуждение».

«2. О ветфельдшере колхоза.

Слушали:

Предс. к-за, который указал, что некоторые колхозники недовольны ветфельдшером Козлячковым Пет. Ник., вы наверное сами знаете по доказам, что он такой-сякой или устарел, недовыжидает вот и давайте здесь решим. К нам приходил из Панова ветфельдшер».

За сим следует постановление освободить Козлячкова от работы. Так человек лишился должности, которую исполнял тридцать лет.

Узнав все это, Иван Дровосеков пошел к председателю колхоза Бочкареву.

Виктор Иванович стоял на крыльце нового здания правления артели и, морщась, почесывал большой прыщ на своем носу.

— Что это у вас на носу, Виктор Иванович, болячка какая или что? — полюбопытствовал подошедший конюх.

— Колдуну Козлячкову обязан этим украшением, — ответил председатель. — Раньше некоторые доярки говорили, что как придет он на ферму, так у коров прыщики на вымени появляются. А теперь добрался до моего носа.

— Я как раз по этому делу, — обратился к нему Дровосеков.— Как это понимать в постановлении о фельдшере, что он «такой-сякой»?

— Это ты про Козлячкова? — спросил председатель Бочкарев и нахмурился.

— Знамо что, — ответил за него конюх, — каждый грамотный разумеет: «Такой-сякой» — значит, колдун он есть. Так на собрании и говорили.

— Я-то в колдунов не верю, — решительно сказал председатель. И уже тише добавил: — Но что-то в нем есть, в этом Козлячкове, нечистое.

— Да что ж в нем есть?

— А вот, например, люди говорят, что, когда придет Козлячков, нужно в стол из-под низу нож воткнуть или печные ухваты перевернуть вверх рогами, так он и не сможет выйти из избы, пока ножик не вытащишь.

— Слышал я эти бредни. Вчера мы пригласили Козлячкова к себе в избу. Мои ребята все ножи воткнули и ухваты попереворачивали, хотели темной бабушке Пелагее доказать, что все это брехня. Посидел с нами Петр Никифорович, жаловался, аж слезы у него на глазах наворачивались. Житья мне теперь здесь нету, говорит, дураки все это про меня повыдумывали. А потом встал и ушел.

— Так и сказал: дураки? — переспросил председатель. — Грубо!

— Но справедливо, — сказал Иван и направился к секретарю партийного бюро Шелепневу, но по дороге встретил директора местной семилетней школы Галкина.

— Иван Кузьмич, как же это получилось? Школа-семилетка, много учителей, культурная сила такая — и вдруг глупейшие суеверия в деревне?!

— Да, да! Отдельные факты пережитков имеют место, — согласился директор. — Видите ли, эмансипация духа, так сказать, раскрепощение сознания — процесс длительный и сложный. А вы, собственно, о чем? Ах, о Козлячкове!..

— Ученики ваши увидят старика на улице — камнями кидаются, колдуном дразнят!

— Отдельные ученики. Имеет место.

— Но ведь безобразие!

— Да, нехорошо. Мы усиливаем воспитательную работу. Но сам Козлячков тоже, как бы вам сказать, странный индивидуум. Идет вот про него такая прискорбная молва.

— Учительница вашей школы, которая распространяла билеты денежно-вещевой лотереи, побывала во всех домах, но наотрез отказалась зайти к ветфельдшеру. Почему?

— Я думаю, так сказать, из духа коллективизма, а отнюдь не из соображений мистического порядка. К тому же она разошлась с мужем, переживала душевную депрессию, вот и побоялась зайти. Эмансипация духа, видите ли...

Не дослушав директора, Дровосеков пошел дальше. Секретарь партийного бюро Виктор Ильич Шелепнев, выслушав Дровосекова, сказал:

— Критика твоя абсолютно справедливая. Мы в этом вопросе крупно недоработали. И Козлячкова сняли неправильно. Сыграли на руку отсталым элементам, поощрили суеверия. Забросили мы культурно-просветительную работу в деревне, не ведем борьбы с пережитками, с религиозным дурманом. Ну, ничего. Вот с хозяйством управимся, приступим к борьбе. А пока нужно семена готовить, удобрения припасать.

Вечером Дровосеков пошел в сельский клуб, где в грустном одиночестве сидел заведующий Витя Корчагин, он же секретарь комсомольской организации, и топил печь.

— Ты тут ходи осторожно,— сказал он гостю в ответ на приветствие.— Пол-то весь давно прогнил, щели вон какие, еще ногу сломаешь.

— А почему не почините?

— Да я сколько раз председателю колхоза Бочкареву говорил: хоть дыры в полу заделайте, несчастный случай может быть, травматические повреждения конечностей у посетителей клуба. «Нам сейчас не до клуба, — говорил Виктор Иванович,— хозяйством занимаемся».

Далее Иван выяснил, что лекция последний раз была здесь восемь или девять месяцев назад. На антирелигиозные темы вообще разговоров не велось.

— Как же вы миритесь с такими суевериями в деревне? Ведь у вас тридцать пять коммунистов, двадцать три комсомольца в колхозе! Могли бы и сами клуб отремонтировать.

— Как-то так вышло... — почесал затылок Витя.

— Эх вы, братцы-казаковцы! Нету на вас Гоголя или Щедрина, — сказал Иван и подумал: «Нужно ехать в горком партии».

* * *

Достоверно известно, однако, что сведения о безобразных явлениях в Казакове наконец дошли до Арзамаса без помощи Ивана Дровосекова.

Более того, казаковцы могут даже сказать, что никакого Дровосекова у них в селе не было. Это действительно так. Мы воспользовались фигурой плотника лишь для удобства повествования. Но зато все события, факты и разговоры, о которых мы рассказали, точны и достоверны, включая объяснение председателя колхоза о причине появления на его носу малосимпатичного прыща.

Спустя почти год после того, как ветфельдшер Козлячков был снят с работы, Арзамасский горком партии обсудил этот вопрос на заседании бюро. Факты, о которых рассказано выше, да еще другие, подобные им, были сурово и справедливо осуждены. Бюро горкома предупредило коммунистов Шелепнева, Бочкарева и Галкина и предложило восстановить в должности ветеринарного фельдшера Козлячкова.

Так, может быть, и нет нужды писать этот фельетон?

Недавно мы снова побывали в Арзамасском районе. Секретарь горкома КПСС тов. Пигин сказал:

— Для нас этот вопрос исчерпан, и случай этот давно забыт.

Инструктор горкома тов. Фомин рассказывает:

— Мы там провели лекцию. Колхозники признали Козлячкова за человека (!), пол в клубе недавно отремонтировали. С этим делом покончено, и разговаривать тут нечего.

Когда мы приехали в Казаково, там шло заседание правления колхоза. А в коридоре перед дверью председательского кабинета сидел ветфельдшер Козлячков. Он подал заявление с просьбой восстановить его на работе и надеялся, что правление артели наконец решит его судьбу. Четыре месяца прошло с тех пор, как бюро Арзамасского горкома приняло решение, но оно не выполнено до сих пор. Не рано ли арзамасские товарищи решили, что «вопрос исчерпан»? Ведь «нечистый дух» в Казакове еще отнюдь не развеялся.

Да и не только в Казакове. В самом городе Арзамасе баптисты завербовали в свою общину комсомолку, студентку педагогического института. В селе Водоватове некоторые отсталые колхозники отказывались проходить перепись населения по религиозным мотивам. Из затхлых углов, из щелей время от времени ветер доносит вместе с запахом ладана смрадный дух религиозных суеверий и невежества. А некоторые активисты не замечают этого, принюхались...

Безобразный случай в колхозе «Пробуждение» исключительный, может быть, единственный на всю нашу огромную страну. Но он ярко показывает, что может произойти, если актив села, коммунисты и комсомольцы забывают, что они непримиримые враги религиозных предрассудков и суеверий, воинствующие борцы за светлые души людей.

г. Арзамас.

Наши гости — артисты Малого театра: И. В. Ильинский, В. И. Цыганков, Д. С. Павлов, С. Б. Межинский, Е. Д. Турчанинова и Люся Крылова — студентка Училища имени Щепкина.

Фото М. Савина.

На очередном заседании творческого клуба «На «Огонек» коллектив редакции встретился с ведущими артистами Малого театра. В гости приехали народные артисты СССР Е. Д. Турчанинова, И. В. Ильинский, народный артист РСФСР С. Б. Межинский, заслуженные деятели искусств В. Ф. Рындин и В. И. Цыганков, заслуженный артист РСФСР Д. С. Павлов.

Это не был концерт. Не было показа отрывков, сцен, монологов из спектаклей. Гости знакомили со своей творческой лабораторией...

Мы знаем И. В. Ильинского как превосходного актера, но недавно Игорь Владимирович дебютировал как режиссер и драматург: он инсценировал роман «Ярмарка тщеславия» В. Теккерея и поставил спектакль на сцене Малого театра. Вот об этом и рассказывали И. Ильинский и режиссер В. Цыганков.

О задачах и работе театрального художника говорил В. Ф. Рындин, осуществивший около 200 постановок на сцене советских театров.

Одна из старейших русских актрис, Евдокия Дмитриевна Турчанинова, рассказывала о своей новой роли, о значении дружеской, радостной творческой обстановки для рождения нового спектакля.

Непревзойденный мастер русской речи, Е. Турчанинова внимательно изучает народный фольклор. Она прочла на вечере записанную на севере народную сказку.

С. Межинский и Д. Павлов показали сделанную для эстрадных выступлений инсценировку рассказа М. Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету».

И. Ильинский познакомил собравшихся со своим новым концертным репертуаром. Среди прочитанных им произведений особенно тепло был принят монолог в стихах «Человек и радость», автор которого пока не известен даже исполнителю: Ильинский отобрал эти стихи из произведений, присланных на конкурс эстрады.

У ТЕЛЕФОНА-АВТОМАТА.
Изошутка
Л. и Ю. Черепановых.

НАШЛИ ДРУГ ДРУГА.
Изошутка В. Черникова.

Первые марки Иракской Республики

До последнего времени в Иракской Республике были в ходу почтовые марки с изображением короля Фейсала II. Сейчас выпущены новые марки, на которых в связи с 38-й годовщиной создания иракской армии изображен солдат на фоне национального флага.

Марки сине-голубого, зеленого и фиолетового цветов выпущены достоинством в 3, 10 и 40 филсов.

П. ДЕМЧЕНКО

С лайкой на медведя

Пассажиры, сошедшие с электрички на подмосковной станции Водники, разделились. Рыболовы со своими чемоданчиками и пешнями свернули ко льду, а охотники, на ходу покрикивая на задирающихся собак, двинулись в свои охотничьи угодья.

Туго натянув поводки, тридцать лаек тянут своих хозяев по снежной, прошитой строчками следов целине в чащу. Охотники без ружей. Сегодня не будет сделано ни одного выстрела: московское охотничье общество проводит испытание лаек по медведю.

Лайка — собака универсальная, и одно из важных ее качеств — умение выследить медведя и помочь хозяину завершить охоту метким выстрелом.

А вот и медведь. Его торжественно ведут на заранее облюбованную полянку, куда по следу скоро устремятся лайки. Ничего не поделаешь: такова уж теперь под Москвой медвежья охота!..

След взят, собака бросается вперед и, выскочив на поляну, встречается со зверем. Теперь она может полагаться только на свою храбрость: сделает хватку — получит диплом, не сделает — строгие и неподкупные судьи только бесстрастно подсчитают количество набранных очков.

Ю. КРИВОНОСОВ

(См. 4-ю стр. обложки.)

Пятнадцать миллионов новых квартир будет построено в ближайшие семь лет. Кто из новоселов не захочет обставить квартиру новой мебелью, такой, которая украсит комнаты! Новые дома красивы и комфортабельны, но перед новоселами возникает немало трудностей, когда они начинают обставлять свое жилье. И происходит это потому, что мебельщики, которые должны были принять эстафету от архитекторов и строителей и продолжить заботу о новоселах, до сих пор не создали новых образцов мебели, в первую очередь для малометражных квартир.

По старым образцам, по старинной технологии, конечно, проще работать. Так и делали многие мебельные фабрики. Торговые организации нетрудно было убедить, что громоздкая, старомодная мебель соответствует вкусам покупателей — спрос-то колоссальный, покупают!

Для того, чтобы перестроить мебельную промышленность, Госстрой СССР объявил конкурс на лучшие образцы новой мебели. Условия были такие: меблировать типовые одно-, двух-, трехкомнатные квартиры, упростить технологию производства, снизить себестоимость, сделать мебель компактной, современной по форме и дешевой.

И какую выдумку, какой вкус продемонстрировали участники конкурса — архитекторы, художники, мебельщики!

Очень простую по технологии мебель показал Центральный научно-исследовательский институт фанеры. Комбинированная разборная полка, так же как и весь гарнитур, сделана из клееной фанеры. На этой полке могут разместиться книги и посуда, за дверцами и в ящиках — белье, откидной столик предназначен для работы.

В небольшой комнате можно использовать предложение Специального архитектурного конструкторского бюро Московского горисполкома и мебельной фабрики № 1. Комната, которую вы видите на одной из фотографий, рассчитана на трех человек: кроватка для маленького ребенка, две большие кровати, секретер, тумбочка, шкаф, стул. Мебели немало, но днем, когда две кровати убираются к стене и задергиваются шторкой, комната сравнительно свободна.

Пристенный плоский шкафчик с откидной доской, которую можно использовать как стол, предлагает Ленинградский проектный институт.

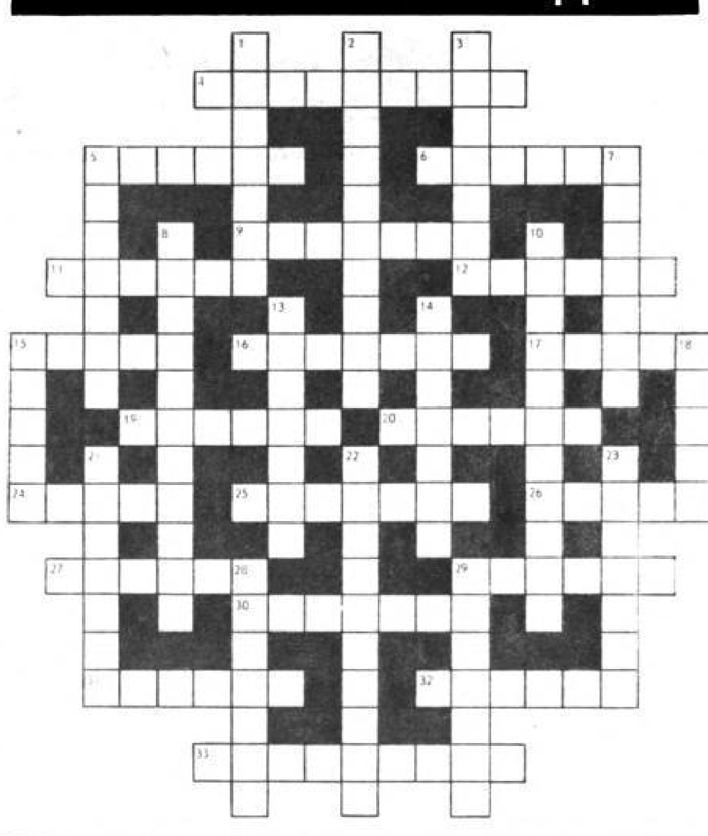
Легкой полочкой с цветами украшает и перегораживает комнату Центральное мебельное конструкторское бюро Главстандартдома. Этот комплект красив и дешев. Как и мебель, представленная таллинской фабрикой «Стандарт», он получил вторую премию; первую премию жюри не присудило.

Сейчас на выставку со всех концов Советского Союза приезжают мебельщики. Здесь они зарисовывают, фотографируют, знакомятся с новой технологией.

Нередко бывало, что от образцов до производства проходило слишком много времени. Сейчас Госстрою СССР необходимо принять все меры — обеспечить фабрики материалом, а если надо, и переоборудовать их соответственно новой технологии, чтоб в этом году они начали массовый выпуск удобной, красивой и дешевой мебели.

Н. СВЕТЛОВА

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Театральное представление без слов. 5. Длительный гул. 6. Единица яркости. 9. Продукт перегонки нефти. 11. Река, впадающая в Рыбинское водохранилище. 12. Русский металлург XIX века. 15. Один из популярных литературных героев. 16. Татарский поэт. 17. Часть колеса. 19. Овощное растение. 20. Самая большая планета. 24. Персонаж в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 25. Автор комедии «Женитьба Фигаро». 26. Театральная осветительная аппаратура. 27. Эластичный материал. 29. Стул. 30. Старинный город в Московской области. 31. Книга иллюстраций, чертежей. 32. Монета в Испании. 33. Певчая птица рода соловьев.

По вертикали:

1. Безрогий олень. 2. Паросиловая установка. 3. Чешский композитор XIX века. 5. Отраженный полет пули. 7. Большие гранитные массивы. 8. Роман Л. Н. Толстого. 10. Порода собак. 13. Аппарат для подъема жидкости, газов, сыпучих тел. 14. Сподвижник Пугачева. 15. Гвоздь без шляпки. 18. Хищная морская рыба. 21. Суждение, содержащее два исключающих друг друга положения. 22. Герой гражданской войны. 23. Символическое изображение. 28. Исполнитель гимнастических номеров. 29. Подвижная часть некоторых машин.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

5. Дебют. 9. Шелли. 10. Соколов. 11. Шифер. 13. Горка. 14. Кастальский. 17. Актиний. 18. Миссури. 19. «Чайка». 20. Амьен. 23. Таймень. 24. Кантата. 27. Лаборатория. 30. «Парус». 31. Ягель. 32. Лисичка. 33. Кулик. 34. Фанза.

По вертикали:

1. Федин. 2. Любек. 3. Герой. 4. Илька. 6. Постник. 7. Бойль. 8. Томский. 12. Радиокомпас. 13. Гипсометрия. 15. Аксакал. 16. Оркестр. 21. Энсонит. 22. Шаровка. 25. Сатир. 26. Самум. 27. Лунин. 28. Ягуар. 29. Блуза.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00177. Подписано к печати 5/III 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 140. Заказ № 380.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Мокрый снег.

Фото В. Яковлева.

Цена номера 3 руб.

